

ПОБЕДА.
ОДНА НА ВСЕХ

**ФОНД
«РУССКИЙ МИР»
ОБЪЯВЛЯЕТ
ФОТОКОНКУРС**

«МОЙ РУССКИЙ МИР»

**ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР» ПРОВОДИТСЯ
В РАМКАХ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРИУРОЧЕННЫХ
К ЮБИЛЕЮ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».**

**ЦЕЛЬ ФОТОКОНКУРСА – ФОРМИРОВАНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РУССКОГО МИРА И РОССИИ
СРЕДИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ,
А ТАКЖЕ ГРАЖДАН ДРУГИХ СТРАН, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ
И ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК.**

**РАБОТЫ НА ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР»
ПРИНИМАЮТСЯ С 1 МАРТА ПО 30 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА.**

**ПОБЕДИТЕЛИ БУДУТ ОПРЕДЕЛЕНЫ КОНКУРСНОЙ КОМИССИЕЙ ДО 31 ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА
И ПРИГЛАШЕНЫ НА XI АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА,
КОТОРАЯ СОСТОИТСЯ 3 НОЯБРЯ 2017 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.**

ФОТОКОНКУРС ПРОВОДИТСЯ В ПЯТИ НОМИНАЦИЯХ:

Лица Русского мира

(портретные фотографии людей, имеющих отношение к распространению русского языка и культуры за рубежом);

Памятные места Русского мира

(пейзажные фотографии мест, связанных с Россией и Русским миром, в стране проживания участника фотоконкурса, в том числе: старинные здания, храмы, монастыри, памятники, природные заповедники, парки и т.п.);

События Русского мира

(репортаж о событии, связанном с Русским миром);

Артефакты Русского мира

(фотографии одного или нескольких предметов, принадлежащих автору фотографии, имеющих для него духовную ценность и символизирующих его связь с Русским миром);

Приз зрительских симпатий

(номинация, победитель которой определяется путем открытого голосования в разделе «Фотоконкурс» на портале www.russkiymir.ru).

Положение о фотоконкурсе «Мой Русский мир» опубликовано на сайте фонда «Русский мир» (www.russkiymir.ru), а также на страницах фонда «Русский мир» в социальных сетях.

АЛФАВИТ – НЕ ПОВОД ДЛЯ ОБИД

КАЗАХСТАН ОБЪЯВИЛ О ПЕРЕХОДЕ С КИРИЛЛИЦЫ на латиницу. Вслед за Азербайджаном, Туркменией и Узбекистаном. Хотя в последнем первоначальный срок перехода – 2005 год – не соблюден и до сих пор остается много неясностей. Легче объявить о переходе, чем осуществить его на практике, пытаясь поглубже «закопать» этот якобы символ советского наследия.

Споры о необходимости возвращения к латинскому алфавиту, который использовался в казахском языке в период 1929–1940 годов, в стране ведутся практически с самого начала образования независимого постсоветского государства. Аргументы известны, и они традиционны для подобных случаев «транзита». Это, мол, поможет лучше интегрироваться в современный мир с его компьютерными технологиями, которые в большинстве своем на латинице. И вообще, английский язык в мире доминирует. Говорится и об ориентации на европейские ценности: выбор алфавита – это в определенной мере выбор цивилизационного пути. Пути Казахстана в Европу (если она там его ждет). Окончательный переход на латиницу должен завершиться к 2025 году, когда на нее будет переведено все делопроизводство.

В этой связи в России приходится видеть много самых разных откликов, выражающих разнообразные чувства по этому поводу – от обиды до злорадства. И те, и другие по-разному выражают свое отношение к сужению пространства Русского мира, которое видится в отказе еще одной страны от кириллицы. И ведь действительно: новым поколениям казахстанцев будет труд-

нее приобщаться к наследию русской культуры; книги, изданные при советской власти после Великой Отечественной войны, могут остаться невостребованными.

Наверное, какое-то чувство досады на бытовательском уровне и впрямь отчасти обосновано: мол, ну что же они так. Однако сильно грустить по этому поводу не стоит. Прежде всего потому, что основа нашего влияния в мире, нашей «мягкой силы» – не только и даже не столько в географии формального распространения нашего алфавита. А в том, сколь успешно мы строим собственное будущее, подавая в том числе и соседним странам пример эффективного решения наиболее актуальных в настоящий момент экономических и социальных проблем. Преуспеем – не только постсоветские страны станут с еще большим усердием осваивать ставшую «чуждой» по воле утверждающих новую «самоидентификацию» правителей кириллицу. Не преуспеем – будем наблюдать, как сокращается число говорящих на русском и изучающих его во всем мире. В любом случае наше собственное патриотическое самосознание не должно никак зависеть от того, какой алфавит выбрали себе наши дальние и ближние соседи. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Современная история Латвии. Русский контекст
08 Безопасный «Контингент»

ИНТЕРВЬЮ

- 10 Две родины
Михаила
Бронштейна

- 16 Жизнь
как служение

- 20 Время
созидания

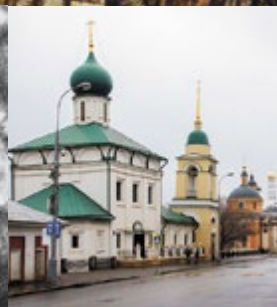
НАСЛЕДИЕ

- 46 Парнасский
дядя

- 52 «Я б выдумывал
без свечки
теплые слова»

- 58 Она же —
Знаменская,
она же —
Покровская

ИСТОРИЯ

- 28 Развал по приказу

- 40 Защитники
Красной Горки

- 34 Честь купеческая

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 68 Королева
иглы и нитки

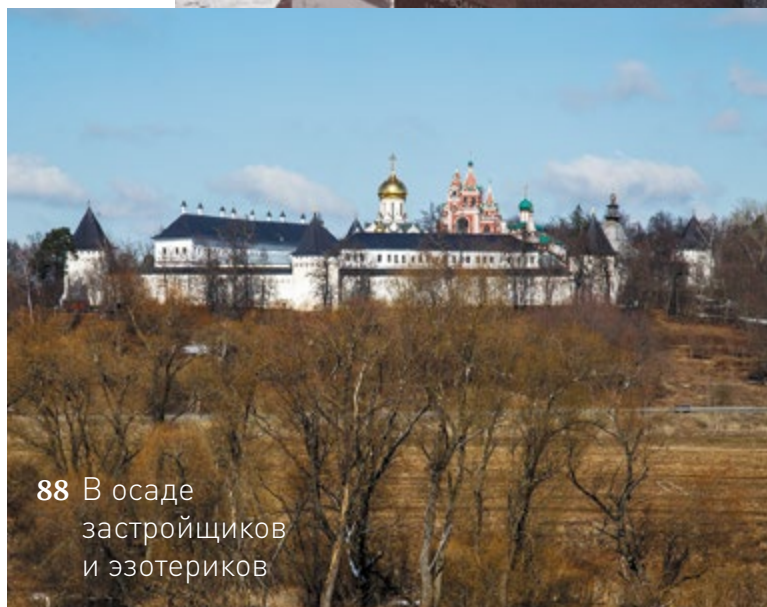
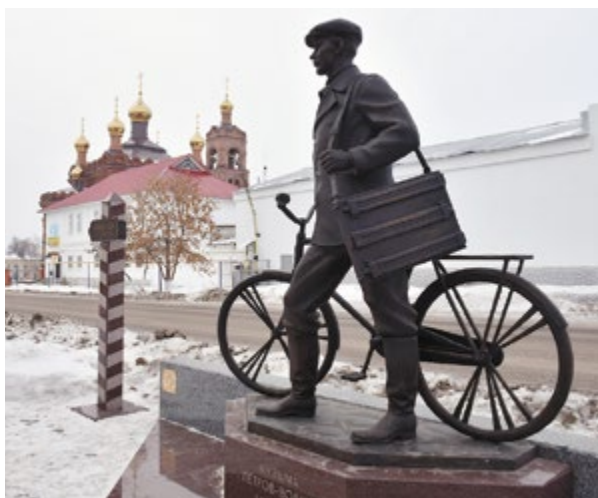
ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Переселенцы
Рыбинского
моря

ГОРОДА РОССИИ

80 Гений
места

88 В осаде
застройщиков
и эзотериков

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Евгений ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Юлия ГОРЯЧЕВА
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Дмитрий РУДНЕВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ
Галина УЛЬЯНОВА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@ruskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: плакат «Водрузим
над Берлином знамя Победы!». 1945 год.
Художник Виктор Иванов. РИА НОВОСТИ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ЛАТВИИ. РУССКИЙ КОНТЕКСТ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ДЕПУТАТ ЕВРОПАРЛАМЕНТА ТАТЬЯНА ЖДАНОК В ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕЗД В РИГУ ПРИГЛАСИЛА ЖУРНАЛИСТОВ, ПРАВООЩИТНИКОВ И АКТИВИСТОВ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРЕЗЕНТАЦИЮ СВОЕЙ НОВОЙ КНИГИ, НАПИСАННОЙ В СОАВТОРСТВЕ С КОЛЛЕГОЙ ПО «РУССКОМУ СОЮЗУ ЛАТВИИ» МИРОСЛАВОМ МИТРОФАНОВЫМ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ИЗДАНИЕ ПОСВЯЩЕНО историческому опыту русской общины Латвии, охватывающему период с 1987 до 2014 года. Книга «Русские Латвии на изломе веков. От заката СССР до кризиса Евросоюза» развивает миф о русском населении Латвии лишь как о наследии советских времен, в чем латышские политики и дипломаты упорно пытаются уверить западный мир. На самом деле корни местной русской общины уходят вглубь Средних веков, а новейшая история независимой Латвии была бы невозможна без русского движения.

Татьяна Жданок рассказала, что работа над книгой началась три года назад, когда объединение «ЗаПЧЕЛ» («За права человека в единой Латвии») стало называться «Русский союз Латвии» («РСЛ»). Тем самым была отмечена определенная веха в истории русского движения, заслуживающая пристального анализа и внимания. «С изменением политической ситуации в Латвии было окончательно сформировано двухобщинное сообщество, – сказала Татьяна Аркадьевна. – При этом интересы значительной части жителей страны не были представлены, люди, в основном русскоязычные, фактически оказались в подвешенном состоянии. В начале 1990-х годов нам пришлось взять на себя защиту их прав. К сожалению, за эти годы появилось много псевдоисторических

Основатель «Русского союза Латвии» Т.А. Жданок

Книгу о современном русском движении представляет Мирослав Митрофанов

очерков и книг, где события того времени сильно искажаются. Поэтому в своей работе мы старались максимально достоверно описывать все, что было связано с процессами восстановления независимой Латвии, названными «Атмодой» («Возрождение». – Прим. авт.) и «Русской Атмодой», в которых мы тоже принимали активное участие».

По словам второго автора исследования, Мирослава Митрофанова, власти Латвии не заинтересованы в написании достоверной истории страны, о русском движении или не упоминается вовсе, или делается это в негативном ключе. Книга «Русские Латвии на изломе веков» поможет нашим детям и внукам понять, как в эти сложные времена жили и боролись за равноправие их родители. В отличие от переведенной на английский язык предыдущей книги Татьяны Жданок, посвященной латвийским негражданам и предназначенной для ее коллег

по Европарламенту, новое издание адресовано русскоязычным жителям Латвии. Русские Латвии не должны забывать свою историю, хотя нынешние власти пытаются для этого многое сделать. Представленные в книге факты подкреплены ссылками на архивные документы, фотоиллюстрации и публикации в прессе описываемого периода. Этот архив Татьяна Жданок скрупулезно собирала четверть века, но все же авторам пришлось провести немало времени, изучая подшивки русских газет. «Именно потому мы сюда пригласили наших коллег-журналистов, которые не только описывали исторические события, происходящие в стране, но и сами в значительной степени создавали их, – отметил Мирослав Митрофанов. – Я говорю о золотом веке латвийской русской прессы, когда существовало несколько многотиражных ежедневных газет, была мощная конкуренция, благодаря чему образовалось несколько крупных русских партий. Успех русского движения процентов на шестьдесят зависел от поддержки русской прессы, за что мы ей глубоко благодарны». В то же время, рассказывая об ошибках, допущенных лидерами русского сообщества, правозащитник напомнил, в каких, порой экстремальных, условиях приходилось в те годы принимать решения: «Мы все были родом из Советского Союза, нас никто не учил заниматься политической дея-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тельностью, наша ниша – преподавание, наука. Однако когда по всей стране начались массовые нарушения прав русскоязычного населения, пришлось заняться политикой. Но чтобы участвовать в управлении государством, конечно, надо обладать определенной исторической мудростью. Вот если бы сейчас мы оказались в обстоятельствах, подобных сложившимся в 1990-е годы, думаю, многие вещи сделали бы совсем по-другому».

Благодаря активной позиции русских жителей, не были приняты в самой жесткой форме многие законы, определяющие жизнь нацменьшинств в новой Латвии, – о гражданстве, об образовании, о языке. Войдя во власть, русские депутаты из объединения «ЗаПЧЕЛ» оказывали колоссальное давление на правящую коалицию, привлекая внимание общества к проблемам, которые касались жизни русскоязычного населения. Они чаще других выступали с трибуны Сейма, не оставляя без внимания ни одну инициативу правящей коалиции, которая ухудшала бы положение русскоязычных избирателей. Принципиально и последовательно все годы, проведенные в парламенте Латвии, наши правозащитники настаивали на ликвидации массового безгражданства и его последствий, боролись с русофобией, выступали за развитие системы образования на русском языке, ликвидацию иных форм дискриминации нацменьшинств, они выступали против искажения истории, а также в поддержку русской культуры и языка... Депутаты русских фракций не раз обращались с исками в Конституционный суд и нередко добивались там победы. На их счету и несколько выигранных процессов в ЕСПЧ.

Но с 2010 года, когда в Сейм Латвии прошла только одна партия, представляющая русский электорат, – «Согласие», голоса в защиту прав русскоязычных избирателей раздаются все реже и реже. Что, конечно, беспокоит русскую общину. В стране вновь начинается наступление на русские школы. С подачи министра образования Шадурскиса готовятся правила, запрещающие ученикам школ нацменьшинств отвечать на экзаменах на родном языке. Звучат призывы через три года, когда

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Латвия будет отмечать 100-летие государственности, полностью ликвидировать русские детские сады. А вслед за ними – и оставшиеся русские школы, тем более что уже 25 лет в стране не готовят педагогов для работы в русскоязычных учебных заведениях... В декабре 2016 года в Латвии был принят антидемократический закон «о нелояльности», явно направленный против русских учителей. При малейшем подозрении их теперь можно будет уволить с работы, предварительно подвергнув унизительным проверкам. Первой ласточкой уже стала русская частная школа «Иннова». За участие двух преподавателей в акции «Бессмертный полк» учебное заведение впало в немилость у местных властей. В течение полугода школа находилась на грани закрытия, из-за чего лишилась половины своих учеников. Лишь недавно через суд школе удалось восстановить свой статус и продолжить работу. Совсем свежий пример. Один бдительный гражданин, проходя мимо там какое-то праздничное мероприятие, тут же сообщил «куда следует». В школу примчалась проверка, но инспекторов ждало разочарование: дети всего лишь отмечали Масленицу, а ее еще не внесли в черный список праздников, угрожающих национальной безопасности Латвии...

Лидеры «РСЛ» публично обратились к фракции «Согласие» с требованием активнее защищать интересы русскоязычных избирателей. Затянувшаяся пассивность оппозиционных депутатов Сейма уже привела к тому, что правящие партии, подогреваемые националами, возобновили наступление на права русских жителей Латвии.

Уже десять лет Татьяна Жданок, как депутат Европарламента, продол-

После презентации своего исследования авторы еще долго отвечали на вопросы и раздавали автографы

жает работу по защите прав соотечественников. На ее счету десятки инициатив, запросов, петиций, направленных на улучшение их положения. Так, вместе с коллегами по ЕП – Яной Тоом (Эстония) и Андреем Мамыкиным (Латвия) – в прошлом году она подала петицию о необходимости предоставления латвийским и эстонским негражданам права участия в выборах в Европарламент, а в Латвии – еще и в выборах в местные самоуправления. С европейской трибуны Жданок отстаивает права русских, проживающих в разных странах Евросоюза. Помимо этого Татьяне не раз приходилось выступать в защиту Российской Федерации. По личной инициативе она поехала в Крым в 2014 году, чтобы наблюдать за проведением там референдума о присоединении к России, за что попала под обструкцию со стороны коллег по ЕП. Но единомышленники Жданок хорошо знают: Татьяну на испуг не возьмешь! Да и не привыкать лидеру русского движения Латвии к нападкам оппонентов. Евродепутат и несколько ее коллег из разных фракций ЕП дважды побывали в воюющей Сирии, чтобы разобраться в происходящем там, они встречались с президентом Асадом, общались с жителями страны, беседовали с беженцами...

«Что мною движет? Ну да, есть такая черта характера, как упрямство, – призналась Татьяна, подписывая свою книгу автору этих строк. – А что мне надо было делать? Получить депутатский мандат со всеми причитающимися к нему льготами и тихо сидеть на скамейке, ничего не делая? Это не для меня. Да, наше общество сейчас пребывает в состоянии латаргического сна, это правда. Но не стоит ожидать, что боженька все за нас сделает и подарит нам счастье. Пока мы чувствуем в себе силы, надо работать и бороться».

Я благодарю Татьяну, с которой мы знакомы уже два десятка лет, – за упорство, оптимизм, принципиальность. И – за надпись на моем экземпляре: «Алле Березовской, соратнику по борьбе. Т. Жданок и М. Митрофанов».

Журнал «Русский мир.ru» поздравляет авторов с выходом новой книги о жизни русских соотечественников в Латвии. ■

БЕЗОПАСНЫЙ «КОНТИНГЕНТ»

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МОЖНО ЛИ НАВЕСТИ ПОРЯДОК В БАЗАХ ДАННЫХ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ, ДЕТСКИХ САДАХ, ВУЗАХ И ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ? И КАК НАДЕЖНО ЗАЩИТИТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ДЕТЕЙ?

ЭТИ ВОПРОСЫ ОБСУЖДАЛИСЬ в ходе парламентских слушаний на тему «Информационное обеспечение системы образования», которые прошли в конце марта в Госдуме. Огромный объем информации, который оседает сегодня в базах данных образовательных учреждений, это не только масса сведений сомнительной ценности, но еще и значительная дополнительная нагрузка для педагогов. Растет как количество отчетов, которые учителям необходимо готовить, так и число информационных систем, которые хранят эти отчеты. Между тем «закон «Об образовании в Российской Федерации» предполагал создание, формирование и ведение пяти информационных систем федерального органа, – отметил глава комитета Госдумы по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. – Сейчас количество таких информационных систем уже приближается к пятидесяти».

Десятки систем не сопряжены между собой, поэтому получить конкретные данные по определенным запросам не представляется возможным. Например, неизвестно точное количество мест, которое потребуется в детских садах и школах в следующем учебном году. Невозможно посчитать и «беспризорников»: мы не знаем точно, сколько детей не ходит в школы и кто эти дети. Нынешние базы данных не позволяют решить такие практические вопросы, как запись детей в учебные заведения: люди стоят в очередях у дверей кабинетов, хотя очевидно, что запись в школу или детский сад можно организовать при помощи информационных систем. «Сегодня более 40 миллионов граждан России ежедневно взаимодействуют с системой образования. Мы привыкли пользоваться электронными дневниками, журналами, родители могут со смартфона проконтролировать график занятий ребенка, это довольно удобно, – подчеркнул заместитель министра

Ведущим парламентских слушаний выступил глава комитета Госдумы по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов

Тема информационного обеспечения системы образования всегда вызывает большой интерес у представителей прессы и общественных организаций

образования и науки РФ Вениамин Каганов. – Но нам по силам создать государственную информационную систему, которая позволит решить все необходимые задачи и обеспечить безопасное хранение данных». «Как снизить нагрузку при формировании отчетности, которая падает на педагога? Как сократить количество документов, которое необходимо для получения тех или иных образовательных услуг? Как защитить личную информацию в базах данных, которая сейчас, к сожалению, остается в большой степени незащищенной?» – перечислил главные вопросы Вячеслав Никонов и напомнил о предложении президента России Владимира Путина определить на законодательном уровне перечень сведений, которые должны содержаться в государственных информационных системах «Контингент». Речь идет о Единой федеральной межведомственной системе учета контингента обучающихся по основным образовательным программам и дополнительным общеобразовательным программам – ГИС «Контингент». На основе единых стандартов она должна объединить разрозненные базы данных. Разработчики частично объединят «Контингент» с другими федеральными системами: органы ЗАГС будут передавать сведения о рождении ребенка, органы ФМС – о месте регистрации и гражданстве, Пенсионный фонд – СНИЛС. Именно единая государственная система позволит объединить сведения об успеваемости из многочисленных «дневников учащихся». Родителям не придется сдавать дополнительно документы, подтверждающие право на различные льготы, а преподаватели будут тратить

меньше времени на заполнение различных форм: отчеты станут формироваться автоматически.

Сейчас в сфере образования используются в общей сложности 44 информационные системы, заявил первый заместитель председателя комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин. Запуск «Контингента», по его мнению, позволит упорядочить десятки разрозненных информационных систем, избавит педагогов от необходимости иметь дело с многочисленными базами, а граждан – от необходимости собирать, хранить и предоставлять большое количество справок.

О преимуществах единой информационной системы рассказал и директор департамента проектов по информатизации Минкомсвязи России Олег Качанов. Он пояснил, что эффективность электронных услуг высока благодаря дистанционному режиму их получения, унификации форматов передаваемых данных, а также исключению дублирования вводимой информации.

Участники парламентских слушаний обсудили и проблему защищенности сведений, которые будут храниться в единой базе данных. Именно этот вопрос волнует представителей родительского сообщества, участвующих в обсуждении проекта. «ГИС «Контингент» выдвигает унифицированные требования по защите, – сказал Олег Качанов. – Все рабочие места для работы с этими системами должны быть аттестованы». А информационные системы, которые взаимодействуют с «Контингентом», должны соответствовать требованиям информационной безопасности. Однако люди озабочены объединением ранее разрозненных данных в единой системе и возможными утечками таких данных, отметил Олег Смолин. «Я поддерживаю идею комитета о том, что данные в информационных базах нужно разделить на три вида: общедоступная информация, которая не нуждается в защите, информация для органов управления, не содержащая персональных данных, и информация, содержащая персональные данные, которая подлежит особо тщательной защите», – подчеркнул депутат, добавив, что в законе необходимо четко прописать перечень хранимых данных и лиц, имеющих к ним доступ.

О том, как организована информационная система в Татарстане, рассказала директор республиканского Центра информационных технологий Татьяна Камалетдинова. По ее словам, 46 тысяч учителей в регионе обеспечены ноутбуками, в школах есть защищенный Wi-Fi, выйти с его помощью в Интернет могут только учителя, школьники пользуются Интернетом в специально оборудованных классах.

В учебных заведениях используется информационная система, разработанная на территории региона. Все данные хранятся на серверах, принадлежащих правительству Республики Татарстан. Действует педагогическая электронная аттестация, которая позволила учителям избавиться от «огромного количества красивых папок». Опасения по поводу сохранности персональных данных эксперт считает преувеличенными. «Когда вы получаете свидетельство о рождении, вы все заносите в единую базу, – сказала Татьяна Камалетдинова. – То же самое, когда получаете паспорт.

Участниками слушаний стали представители экспертного и педагогического сообщества

О преимуществах единой информационной системы рассказал первый заместитель председателя комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин

Не тешьте себя иллюзиями, что если вы не дали согласия на обработку данных в какой-то другой системе, то вы, значит, избежите такой обработки. Всех нас давно уже посчитали». Безопасность информационной системы начинается с защищенного ноутбука учителя, который с этой системой работает, отметила эксперт. И с разделения уровней доступа: даже директор школы не должен видеть всех данных, которыми владеет классный руководитель, потому что ему все эти данные просто не нужны.

Татьяна Камалетдинова напомнила о важности выполнения правил и инструкций, отметив, что на практике самые совершенные системы безопасности бесполезны, «если пароль написан на бумажке, приклеенной к монитору».

Одной из главных тем парламентских слушаний стала подготовка закона о создании системы «Контингент». Вячеслав Никонов напомнил, что президент Владимир Путин отправил соответствующий законопроект на доработку. По словам депутата, необходимо соблюсти права тех детей, родители которых не дали согласия на сбор, хранение и использование персональных данных. Таких примеров немного, но они есть. Например, как организовать сдачу ЕГЭ, если по религиозным соображениям не дано согласия на сбор персональных данных? Право на образование, на получение различных льгот должно быть в таком случае реализовано, даже если о ребенке нет записей в базе, соответствующие механизмы должны быть прописаны в законе.

«Мы в первую очередь озабочены максимальной защитой прав детей и родителей, чем удобством руководителей системы образования и педагогов, – отметил Вячеслав Никонов. – Я приглашаю к дальнейшей работе над текстом законопроекта представителей родительских кругов, голос которых тоже должен быть услышан и должен найти отражение в тексте этого закона».

Вячеслав Никонов напомнил, что с запуском системы «Контингент» спешить никто не будет, законодательные нормы, стандарты и правила работы будут продуманы и опробованы на практике. ■

ДВЕ РОДИНЫ МИХАИЛА БРОНШТЕЙНА

БЕСЕДОВАЛ

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ (ТАЛЛИН)

ФОТО

ДЕНИСА МОСЮКОВА

ЕДИНСТВЕННЫЙ ФРОНТОВИК ИЗ НЫНЕ ЖИВУЩИХ АКАДЕМИКОВ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЭТОМ ГОДУ ОТПРАЗДНОВАЛ СВОЙ 94-Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ МИХАИЛ БРОНШТЕЙН ВОЕВАЛ В ЧАСТЯХ ПВО. ЗА МУЖЕСТВО И СТОЙКОСТЬ, ПРОЯВЛЕННЫЕ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ, ОТМЕЧЕН ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И МНОГИМИ ДРУГИМИ МЕДАЛЯМИ И ОРДЕНАМИ. НАГРАЖДЕН ЭСТОНСКИМ ОРДЕНОМ БЕЛОЙ ЗВЕЗДЫ 3-Й СТЕПЕНИ ЗА УЧАСТИЕ В МИРНОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭСТОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. А ЕЩЕ МИХАИЛ БРОНШТЕЙН – ИЗВЕСТНЫЙ ЭКОНОМИСТ, АВТОР СОТЕН НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, 12 МОНОГРАФИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ.

— **М** ИХАИЛ ЛАЗАРЕВИЧ, ЗНАКОМЫЙ российский экономист даже не поверил мне, узнав, что вы, чьи труды он давно изучал в Московском университете, продолжаете и после девяностых работать.

— Ну, конечно, не так активно, как раньше. Но кое-что еще делаю, читаю, пишу. Да, и до сих пор работаю в логистической фирме Vopak E.O.S., которая тесно связана с транзитом российских грузов через эстонские порты.

— **Какую работу выполняете?**

— Анализирую современную экономическую и политическую ситуацию в мире, оцениваю варианты ее будущего развития применительно к отношениям между нашими странами. Езжу на работу четыре-пять раз в неделю.

— **Теперь я понимаю, почему вам не дозвониться днем на домашний телефон в рабочие дни. А ваши родители тоже были учеными?**

— Нет, я родился в обычной рабочей семье. Папа умер совсем молодым – до войны. Жили небогато, зато родители привили мне любовь к чтению, к познанию окружающего мира. А еще я очень увлекался спортом. Незадолго до войны даже стал чемпионом СССР среди юношей в беге на 100 метров. Бегал до самых седины, в 60 с лишним участвовал в традиционном марафоне в Тарту.

— **А где учились до войны?**

— В Ленинградском химико-технологическом институте имени Ленсовета. Один курс проучился. 21 июня 1941-го сдал экзамен, а утром 22 июня поехали с товарищами отдыхать на Неву. Катаемся на лодке, и вдруг видим толпу людей под репродуктором: Молотов объявляет, что Германия напала на Советский Союз... На следующий день мы почти всей группой – не только парни, но и некоторые девушки – пошли в военкомат добровольцами. Тем более что в институте прошли начальную военную подготовку.

— **И сразу на фронт?**

— Нет. Мы с ребятами рвались туда, в пехоту, боялись, не успеем повоевать, поучаствовать в разгроме немцев. Но нас не пустили. Военком сказал, что направляет нас в военное училище. А мы настаивали, чтобы нас сразу отправили в действующую армию. На что получили ответ от военкома: «На вас войны хватит, еще успеете навоеваться». И отправили в военное училище. Там предложили выбирать: либо на взрывотехника доучиться, либо – зенитное училище. Я решил стать зенитчиком. В конце августа 1941-го, незадолго до того, как замкнулась блокада вокруг Ленинграда, училище эвакуировали в Омск.

— **Когда вы на фронт попали?**

— В начале 1943-го, по окончании училища. Попал на Воронежский фронт. Мы держали оборону,

а немцы рвались спасать свою окруженную в Сталинграде группировку. У нас была зенитная артиллерия, не только стрелявшая по самолетам, но и пробивавшая броню немецких «тигров». И мы, молодые офицеры, умело использовали свою технику: сначала по самолетам целились, а потом, когда противник в атаку шел, били по танкам.

– **Наверняка не раз попадали в смертельно опасные ситуации?**

– Не единожды. На войне как на войне, иногда и везло. Первый раз – на Курской дуге, где нам немцы пытались устроить реванш за Сталинград. Немецкая авиация круглосуточно бомбила наши эшелоны с боевой техникой и военнослужащими. Спасались в вырытых рядом с вагонами узких щелях. После пятой или шестой боевой тревоги товарищи из моей батареи побежали прятаться в щель, а я остался в вагоне, очень уж спать хотел. И тут – прямое попадание бомбы в щель! Никого из спрятавшихся в ней в живых не осталось.

А еще осенью 43-го, во время форсирования Днепра. Меня ранило сзади в шею осколком снаряда. Он застрял в 2 миллиметрах от позвоночника. А в целом из воинов моего поколения, кто был на передовой, в живых остались лишь 3 процента.

– **Где войну закончили?**

– В немецком Бреслау, сейчас это польский Вроцлав. Немецкий гарнизон, окруженный нами, сдался лишь 6 мая.

Но погибнуть и потом можно было, причем не один раз. После войны наш зенитно-артиллерийский полк перебазировали на Западную Украину, во Львов. А там бесчинствовали бандеровцы, они ушли в подполье и занимались в основном тем, что убивали наших офицеров. В том числе тех, что прошли всю войну.

– **Нападали из засад?**

– Ночью в основном. Наша часть стояла на окраине, а по субботам мы ходили в центр города на танцы в Дом офицеров. Ну и, как положено, после танцев провожали девушек, а потом в темноте кромешной в казарму возвращались. Вот бандиты нас и подстреливали из подворотен.

Чуть не погиб тогда. Поздней осенью как-то возвращался, но уже знал, что могло меня ожидать, так что пистолет держал в руке под шинелью. Так вот иду, вдруг из-за будки выступает мужик и спрашивает: «Который час, пан офицер?» Я тут же вытащил пистолет и направил на него, держу на мушке, а сам на часы посмотрел и вежливо ответил ему. А мужик мне: «Дзякую, пан офицер». И так мы разошлись, не убив друг друга.

– **Почему не выстрелили?**

– Не хотел лишней крови. Ведь я на сто процентов не был уверен, что он бандеровец. А вообще, на Лычаковском кладбище во Львове восемь офицеров нашего полка покоятся... С того

Младший лейтенант Михаил Бронштейн. Воронежский фронт. Весна 1943 года

времени я и ненавижу любую форму крайнего национализма.

Кстати, еще в годы войны много думал о ее причинах. Меня мучил вопрос, на чем же свихнулся немецкий народ. Тогда и заинтересовался социально-экономическими проблемами. На немецком тоже читал после войны. Даже «Майн кампф» и еще кое-какие труды нацистских главарей тогда прочитал в Бреслау, мы расположились в горкоме нацистской партии, и там много подобных опусов осталось. Меня интересовало, как немецкий народ мог подпасть под влияние такой дикой идеологии националистического экстремизма. К чести сказать, после войны немецкий народ занял самую непримиримую позицию в отношении неонацизма.

Там же во Львове поступил на заочное отделение экономического факультета Ленинградского университета по специальности «политэкономика». А в конце 1946 года вернулся в Ленинград, и там произошли две самые важные встречи в жизни – с мамой и с моей будущей женой. Маму всю войну не мог найти. Она в блокадном Ленинграде осталась, а в конце блокады ее эвакуировали в Татарстан. Вернулась мама домой в начале 1946 года и устроилась уборщицей в библиотеку. Нашел я ее в той же коммунальной квартирке, где мы и жили до войны.

Устроился в заводской гараж: заряжал там аккумуляторы. И продолжал учиться заочно на экономическом факультете Ленинградского университета. Там и познакомился с моей будущей женой Баллой. Она тоже из обычной семьи, ее отец погиб во время ленинградской блокады. Жила с мамой и училась на том же факультете, но на очном

отделении и на курс старше меня. Она шефствовала надо мной, готовила меня к каждому экзамену и зачету: было тяжело, ведь я еще и работал, чтобы содержать себя и мать. Благодаря моей Бэллочке я за три года окончил пятилетний курс. Но работу в моем родном Питере получить так и не смог.

– Почему?

– Сталин тогда начал борьбу с так называемыми «безродными космополитами», и была негласная установка не принимать преподавателями лиц еврейской национальности. А я какой космополит? Я человек русской культуры, боевой офицер, к тому же имеющий вузовский диплом, и вдруг – не могу получить работу в родном городе! Дело в том, что в годы учебы на очный факультет мне так и не удалось перевестись, так что у меня был хоть и с отличием, но «свободный» диплом. То есть без распределения на работу. В общем, сам пытался устраиваться преподавателем политэкономии на своей родине. Как это было? Прихожу, заполняю анкету, дохожу до 5-го пункта, то есть графы «национальность». Пишу как есть – еврей. Своей национальности я никогда не стыдился и не скрывал. Так десять вузов обошел, и везде

у кадровиков после ознакомления с моей анкетой следовал один ответ: «Звоните завтра». Звоню завтра, а на том конце трубки говорили: «Извините, мы нашли более опытного преподавателя».

В эти дни лета 1949 года я было совсем отчаялся, а тут услышал от знакомого про город, куда берут на преподавательскую работу евреев. Это был эстонский Тарту. Туда же тогда по тем же причинам приехали Юрий Лотман, Рэм Блюм и другие ученые. Все они потом составили славу эстонской науки.

В Эстонии я прошел путь от рядового преподавателя университета до доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой политэкономии Тартуского университета, академика Академии наук Эстонии и члена ряда зарубежных научных сообществ.

Здесь я с Бэллой создал семью, здесь выросли наши дети и внуки. Эта страна стала для меня второй родиной.

– Слышал, вы были знакомы со всеми руководителями послевоенной Эстонии. Какие эпизоды из общения с ними запомнились ярче всего?

– Мы с давних пор сотрудничали – в основном по проблемам сельского хозяйства – с бывшим

председателем Верховного Совета Эстонской ССР, бывшим президентом Эстонской Республики Арнольдом Рюйтелем. После войны в Эстонии была проведена коллективизация по тому же методу, что и в «старых» республиках СССР. Крестьянину почти ничего не платили за его важный и нужный стране труд. И чтобы как-то прокормить семью, эстонские колхозники уходили работать в промышленность или на стройки. Результат – резкое сокращение сельскохозяйственного производства и нехватка продовольствия. И тогда, в 1952 году, первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Йоханнес Кэбин позвал нас – министра сельского хозяйства Эдгара Тынуриста, директора передового совхоза Арнольда Рюйтеля и меня, ученого-аграрника. «Что делать?» – спросил он нас. «Платить! И платить выше средней зарплаты по республике», – к этому свелся наш ответ.

По результатам этого разговора было выработано общее понимание, куда идти. Преодолеть предстояло немало препон и запретов, обусловленных сложившейся системой. Но, несмотря на это, переход на экономически обоснованную систему оплаты труда в агросекторе состоялся в середине 50-х годов. В итоге в Эстонии сложились самая высокая продуктивность сельского хозяйства

и обеспеченность продовольствием, которое мы поставляли в другие республики Союза в обмен на необходимые нам товары.

– *Расскажите о своей деятельности на рубеже 80-х и 90-х годов.*

– Зная, какой была история современной Эстонии (включая пакт Молотова – Риббентропа, сталинские депортации и т.д.), я стал сторонником Народного фронта и восстановления независимости Эстонии. В 1988 году меня избрали делегатом Съезда народных депутатов СССР от Эстонии. И именно тогда, в конце 80-х годов, мы, группа депутатов от Прибалтики, при поддержке коллег из межрегиональной депутатской группы, настояли на том, чтобы Михаил Горбачев ознакомил нас с секретным протоколом к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 года. После чего Съезд народных депутатов СССР принял постановление с осуждением факта подписания секретного протокола и других секретных договоренностей с Германией и признал их «юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания».

20 августа 1991 года Верховный Совет Эстонии объявил о восстановлении государствен-

ной независимости республики. Этому решению в Эстонии предшествовал референдум, проведенный 3 марта 1991 года. На нем настоял Михаил Горбачев, и проведен он был в полном соответствии с законом, принятым последним союзным парламентом. Согласно ему в референдуме должны были участвовать все проживавшие на тот момент совершеннолетние жители республики, в том числе рабочие и служащие союзных предприятий и членов их семей, а также военнослужащие и члены их семей. Михаил Горбачев, как видно, надеялся, что русские не поддержат стремление большинства эстонцев восстановить свою государственность. Но Народный фронт, опираясь на присущее русским чувство справедливости, провел очень большую работу среди них.

В результате 78 процентов жителей Эстонии, принявших участие в референдуме, проголосовали за восстановление ее государственной независимости. И только в Эстонии оно прошло без капли пролитой крови.

Вообще, так получилось по жизни, что у меня две родины. Россия, правопреемница Советского Союза, где я родился, вырос, за которую воевал против немецко-фашистских захватчиков и где получил хорошее образование. И вторая родина – Эстония, где я прожил из своих 94 лет 64 года, которая приняла меня в трудное время.

– *Что вас больше всего волнует сегодня?*

– Состояние российско-эстонских отношений, отношений между моей первой и второй родиной. А оно, по моему мнению, не соответствует коренным интересам наших стран и народов. А ведь, замечу, Россия за сто лет дважды признала эстонскую независимость!

Сегодня же то и дело слышишь в Таллине об «угрозе с востока». Слышим от тех, кто наделил Эстонию ролью главного врага России в Европе. Наша беседа проходит в прекрасном городе Таллине. А вы знаете, что явилось толчком для его развития? Еще в начале второго тысячелетия в Европе образовался Ганзейский союз, далекий прообраз Евросоюза, куда вошли центральноевропейские и восточноевропейские королевства и княжества, в том числе Псковское и Новгородское. Объединяло их Любекское право, в соответствии с которым по территории союза свободно передвигались товары и купцы.

Я всегда был сторонником добрососедских и взаимовыгодных отношений между нашими государствами. И особенно – роли Эстонии как и торгово-транзитного моста между евразийским и евро-атлантическим пространством. Экспертные оценки показывают, что стратегия мирного торгового моста между Россией и Европой – какой могла бы придерживаться Эстония – повышает ее экономический потенциал как минимум на 15–20 процентов.

– *Кстати, вы, насколько я знаю, лично приложили усилия для того, чтобы этот мост выстроить.*

– Да, я участвовал в подготовке эстонско-российского соглашения о свободной торговле и беспопылинном транзите российских грузов через эстонские порты с правом прихода российских и западных инвесторов. Документ был подписан 7 сентября 1992 года премьер-министрами Тийтом Вяхи и Егором Гайдаром. К великому сожалению, затем эти соглашения были похоронены, и Эстония удостоилась сомнительной чести получить в торговле с Россией двойные таможенные тарифы, нанеся непоправимый ущерб ее промышленности и сельскому хозяйству.

В Эстонии «национально озабоченные» политики сочли, что наращивание транзита российских грузов несет угрозу независимости страны. А их «оппоненты» в Москве посчитали, что использование чужих портов также чревато угрозой национальной безопасности России. Отсюда – появление в России концепции портово-транспортной независимости, проектов дорогостоящего строительства в Финском заливе «своих» портов с целью резкого ограничения использования «чужих». В том числе, кстати, и более глубоководных и незамерзающих, каковыми являются эстонские порты.

Кстати, первоначально и в России многие выступали за сохранение взаимовыгодного экономического сотрудничества на постсоветском пространстве. Одним из таких людей был Евгений Примаков. Он еще в конце 80-х годов поддержал идею, чтобы союзные республики, в том числе Эстония, стали политически самостоятельными, но экономически оставались участниками торгово-экономического сообщества. Но, как известно, это предложение было похоронено.

– *Какие человеческие качества вы более всего цените?*

– Стойкость и мудрость! Стойкость – для того чтобы защитить свои убеждения, и мудрость – чтобы понять своего оппонента и найти вместе с ним решения, отвечающие коренным интересам обеих сторон.

Мне вспоминаются слова Збигнева Бжезинского, сказанные на международной конференции в Таллине летом 1991 года, накануне восстановления государственной независимости Эстонии: «Для политика самое важное – умение находить компромиссы, отвечающие интересам обеих стран». На этом разрешите закончить – с глубокой верой в светлое будущее моей первой и второй родины. Я верю, что оно обязательно наступит. Истина, как сказал один древний мудрец, всегда в пути, хотя порой почему-то запаздывает. К великому моему сожалению, это справедливо для обеих моих родин. ■

ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ

БЕСЕДОВАЛА

ЮЛИЯ ГОРЯЧЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЧТО МОЖНО ПРОТИВОПОСТАВИТЬ НЕСКОНЧАЕМОЙ ЧЕРЕДЕ КАТАКЛИЗМОВ ХХІ ВЕКА? В ЧЕМ И В КОМ КРОЕТСЯ РЕСУРС РОССИИ ДЛЯ НОВОГО ВИТКА РАЗВИТИЯ? О СВОИХ ВЗГЛЯДАХ НА СОВРЕМЕННОСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИСТРАСТИЯХ И МИРОЧУВСТВОВАНИИ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ И ПУБЛИЦИСТ ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ.

— Ю

РИЙ МИХАЙЛОВИЧ, В НАЧАЛЕ века вы написали следующие строки: «Не надо вслед за обновленцами // нам перекрещиваться снова. // Мы остаемся ополченцами // не всеми преданного Слова». И действительно, ваша жизнь является подтверждением этого четверостишия. А что дает вам силы сохранять преданность Слову?

— Думаю, религиозные представления о поэзии и культуре. Я всегда вспоминаю это определение одного из русских классиков: «Поэзия есть задание, которое следует выполнить как можно лучше». И понимаю, что это задание *свыше*.

Такое понимание у меня в крови: понимание жизни и творчества как *служения*. Отчасти это воспитание мамы. И хотя она была коммунистка, ее понятия о добре и зле в основном были правильные. Это она научила меня бескорыстному отношению к делу, к жизни. А это, в свою очередь, перекинулось и на все остальное: например, на понимание власти. Для меня власть по сути – это заповеданное служение, а не нечто приобретенное в результате закулисного интриганства, самопиара и несметных денег. Гремучая смесь!

– *Правильно ли я понимаю, что вы – либеральный консерватор?*

– Убежден, совершенствование общества возможно только на эволюционных путях. Любые революции и «майданы» ведут к хаосу, террору, диктатуре, стагнации. В этом отношении я еди-

номышленник таких русских классиков, как Пушкин, Гоголь и Достоевский. Убежден: ранняя гибель Пушкина – катастрофа для всего нашего развития, не только для культурного, но и общественного... Его мироощущение было задвинуто на периферию освободительной идеологией, объективно потворствовавшей террору. Она вырыла под Россией пороховой погреб, который в 1917 году, после нескольких лет ненужной и кровавой войны, взорвался. В начале прошлого века начинались новые процессы, связанные с нарождавшейся религиозно-почвенной философией, отчасти уходящей корнями в славянофильство, но и укоренявшейся в новом, свободном осмыслении мира. Но все это абортировал революционный взрыв... Знаете, как раз позавчера я побывал в Донском монастыре на могиле Солженицына, а потом прошел и к белому кресту философа Ивана Ильина и в который раз думал обо всем этом!

– *Следите ли вы сейчас за современными русскими философами? И за дискуссиями, связанными с развитием Русского мира, истоками русской идентичности... За теми же размышлениями о правомерности создания закона о русской нации, к примеру?*

– Мне скоро 70, и, несмотря на советское детство, я всю жизнь прожил именно в Русском мире. Даже когда восемь лет жил в эмиграции. В Европе я чувствовал себя эдаким Версильевым из «Подрустка» Достоевского: умилялся камням Европы, но Родину носил в сердце. Правда, особенно трудно пришлось мне после возвращения из эмиграции в 90-е годы в криминальную революцию. Либералы в России дважды оказывались у государственного руля. И оба раза не справились с управлением. В 1917-м втянули Россию в братоубийственный хаос, террор и долгую диктатуру. А в начале 90-х отдали ее браткам и олигархам. Тогда мне стало казаться, что России уже не выжить. И только относительно недавно, после того как мы не предали русских в Крыму и в Донбассе, снова появилась надежда, что у нас есть достойное будущее.

– *А что вы скажете о ходе так называемого «Желтого колеса», о котором так пророчески предупреждал Солженицын? Оно уже остановилось?*

– Конечно же нет: слишком большие деньги и кадры, нацеленные на наживу, тут задействованы. А новый патриотический бескорыстный государственный пул создается с большим трудом.

– *Встречала у вас признание, что вы себя ощущаете «государственным человеком». А как вы это ощущаете и, самое главное, как вы это реализуете?*

– Недавно я перечитал «Октябрь Шестнадцатого» Александра Солженицына. Там есть великолепный кусок, как генерал Нечволодов в Могилеве в Став-

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КУБЛАНОВСКИЙ

(30 апреля 1947 года, Рыбинск) – поэт, публицист, критик, искусствовед, выпускник искусствоведческого отделения истфака МГУ. Работал экскурсоводом на Соловках, в Музее Ф.И. Тютчева в Муранове, в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. Выступил в самиздате с открытым письмом «Ко всем нам», приуроченным к двухлетию высылки Солженицына (1974). После этого потерял возможность работать по профессии. Трудился дворником, истопником, сторожем в храмах Москвы и Подмосковья. Духовный сын отца Александра Меня. В 1982-м покинул СССР под угрозой лагерного срока за публикации в журналах русского зарубежья. Работал журналистом в Европе. В 1990-м вернулся в Россию, работал в журнале «Новый мир» заведующим отделом публицистики, потом поэзии. Лауреат литературной премии Александра Солженицына (2003), «Новой Пушкинской премии» (2006), премии правительства РФ в области культуры (2012), Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2015). С 2010 года – член Патриаршего совета по культуре.

ке каждый вечер приходит по городскому рву под светящиеся окна Николая II. А там течет своя жизнь с картами и светской болтологией, и никому не нужен бескорыстный и страстный монархист Нечволодов. И так он стоит в сумерках, как замшелый богатырь с вросшим в землю мечом, всем чужой и лишний. Я вам сейчас признаюсь в том, в чем никому не признавался: иногда я чувствую себя вот таким одиноким рыцарем, тогда как власть облеплена корыстными прихлебаями. Не только мое мировоззрение, но и мою поэзию критика времен криминальной революции отгнала на периферию современной культуры. Так что я ощущаю себя еще и «последним поэтом» из одноименного стихотворения Евгения Баратынского. Но удивительным образом, благодаря, видимо, природному жизнелюбию, да и сильному любопытству, что же в конце концов случится с летящей к финишу постхристианской цивилизацией – не унываю. Да ладно меня, но вот и передачи Солженицына в середине 90-х по распоряжению Березовского на Первом канале оборвали на полуслове, и никто с ним не объяснился, не извинился... А вспомним судьбы русских «литературных изгнанников»: Льва Тихомирова, Константина Леонтьева, всех и не перечислишь... Закрывали журналы Ивана Аксакова, братьев Достоевских, в то время как Писареву или Добролюбову заворуженно смотрели в рот, а Некрасову его оппозиционность приносила огромные барыши...

А ведь я, как уже говорил, человек служения, и, когда моему служению перекрывают кислород – это, мягко скажем, обидно: кажется, что я мог дать своим современникам намного больше, имей я к ним такой доступ, какой имеют либеральные популисты.

– **Иосиф Бродский, составивший ваш первый сборник в издательстве «Ардис» в 1981 году, написал о вас следующее: «Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина. Его техническая оснащенность изумительна...» Что для вас более важно в этом отзыве?**

– Лестный для меня отзыв! Тем более лестный, что Бродский был человеком совершенно другого мироощущения, нежели я. Эпитет «византийский», например, был для него синонимом затхлости. Он приветствовал с излишней горячностью агрессию Запада против Югославии, высмеивал монархизм Тютчева и так далее. Но сейчас, когда его уже столько лет нет на свете, когда я на четырнадцать лет стал старше его, я вспоминаю о нем с большой благодарностью, люблю многие его стихи и признательно помню, сколько хорошего он для меня сделал.

– **А что для вас прежде всего важно в поэзии: слово, мысль, звук?**

– Очевидно, с годами приоритеты меняются. Смолоду я писал взахлеб, иногда по несколько

стихов в день. Сейчас чаще всего стихотворение подолгу обдумывается, меняется ритмика и ненасильственно, а органично даже уходит рифма. Мое кредо я сформулировал еще много лет назад, когда оказался в эмиграции в Вене: новизна в каноне. Но и в каноне очень большое поле свободы. Мы знаем это, например, по несравненному разнообразию русской иконописи.

– **После вручения Солженицынской премии в 2003 году в ответном слове вы говорили о кризисе литературы, в частности поэзии... А сейчас, когда возникают новые поэтические премии, сайты про книги, стала ли литература востребована каким-то новым образом?**

– Я всегда помню стихотворение Тютчева, предостерегающее от «сварливого старческого задора». Поэтому не хочу брюзжать, но все-таки скажу: от современной литературы, и поэзии, и прозы в целом, у меня остается какое-то нехорошее послевкусие. В отличие, скажем, от литературы дореволюционной, а также произведений таких писателей, как, к примеру, Юрий Казаков или Виктор Астафьев. Или вот на днях перечитал «Уроки французского» Валентина Распутина, какая поэзия аскезы, бедности! Я почувствовал ком в горле. В этой аскезе свой большой и высокий смысл. Сейчас так уже не мыслят писатели...

– **А с чем это связано?**

– Да, возможно, с тем, что сегодня трудно отделаться от ощущения: книги не пишутся, а, как квартиры под ключ, «сдаются» под богатые премии. Авторы по сусекам наскребают живое чувство, да и то наскребают далеко не всегда. Кажется, что это литература, растерявшая свои традиционные христианские корни. Ну а без них это уже не русская литература, а что-то совсем другое, мне мало интересное.

– **Можете ли вы рассказать о своем читательском опыте? Как и что вы читаете?**

– Честно признаюсь, я всегда читал довольно хаотично. А сейчас, на старости лет, перечитываю то, что когда-то запало в душу. Раз в два-три года перечитываю какой-нибудь роман Достоевского. Постоянные спутники мои – это Пушкин, Лермонтов, Мандельштам. Заглядываю нередко и в Пастернака. Высоко ценю Ходасевича, Георгия Иванова. Понимаете, человек, который живет поэзией, несравненно счастливее того, который ее не знает. Поэзия закаляет душу и заставляет сознание живее работать. Люди без поэзии кажутся мне просто нищими: ведь нищета – это не отсутствие денег, а отсутствие духовной взаимосвязи с культурой.

– **Встречала у вас такое высказывание – что противопоставить череде катаклизмов XXI века можно и нужно моральную и религиозную мобилизацию...**

– А что же еще? Моя духовная мобилизация – это ощущение себя звеном между предками и потомками. Ведь мы ответственны не только перед потомством, но и перед теми, кто жил до нас и духовно никуда не ушел из мира.

Думаю, этому очень способствует не только существование в культуре, но и – и это, возможно, главное – дисциплинированная приходская жизнь. Я ею, к сожалению, не могу похвастать, но всегда помню, что именно на ее дрожжах русские мыслители представляли себе возрождение нашей Родины.

– *Вы частый гость в Европе. Есть такая точка зрения, что Европа утрачивает христианские ценности. В какой степени вы с этим согласны?*

– Это не точка зрения, а эмпирический факт. Начиналось это давно, но резкий облом произошел после молодежной революции 1968 года, когда христианская традиция уступила место свободе без берегов, сексуальной распущенности и авангардистскому безобразию. Теперь «дети 68-го года» выросли, заматерели и пришли к власти и в Европе, и за океаном. И вот ход истории убыстрился к катастрофической, возможно, развязке. Безмерные геополитические аппетиты, историческое невежество, да и попросту глупость. Мне

от души жаль наше внешнеполитическое ведомство, которому приходится иметь дело с такими «кадрами», такими «коллегами».

Правда, нам есть и чему поучиться у европейцев. Прежде всего – повседневной социальной дисциплине, производительности труда, добросовестности, приветливости. Но когда приходишь в воскресенье на литургию, и не в космополитическом мегаполисе, а в традиционной Бретани или Нормандии, и видишь там только двух-трех стариков, становится, прямо скажем, не по себе...

– *Подытоживая наш разговор, можете определить ресурс России для нового витка развития?*

– Определить его трудно, и все-таки надежда умирает последней, я чувствую, что он есть. Сужу по своей семье. Моя дочь училась в Сорбонне, но следом за мной вернулась в Россию, окончила училище сестер милосердия, вышла замуж, родила восьмерых детей, и семейство живет достойно. И таких русских людей немало. Когда я приезжаю в провинцию выступать – там собираются полные залы, люди культурно и политически небезразличные, алчущие и жаждущие правды... Дай бог, чтобы они играли в нашем обществе все большую и достойную роль... ■

ВРЕМЯ СОЗИДАНИЯ

БЕСЕДОВАЛ

**ДМИТРИЙ
РУДНЕВ**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

ВРЯД ЛИ В НАШЕМ НАРОДЕ ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ БОЛЕЕ ЗАГАДОЧНОЕ, ОКУТАННОЕ МАССОЙ СТЕРЕОТИПОВ И ТАИН, ЧЕМ СТАРООБРЯДЧЕСТВО. О ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ, О ЕЕ ЧАЯНИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» ПОГОВОРИЛ С ПРЕДСТОЯТЕЛЕМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ КОРНИЛИЕМ.

РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НАХОДИТСЯ почти в центре Москвы, в Рогожском поселке. Некогда это была восточная окраина Рогожской слободы, начинавшейся чуть ли не с Таганки. Здесь селились старообрядцы, поддерживавшие связь с селом-ямом, которое называлось «Рогожа» и стояло на берегу реки Клязьмы, на Большом Владимирском тракте. В XVIII веке село было преобразовано в город Богородск, который ныне называется Ногинском. Видимо, это старообрядческое селение и дало название Рогожской слободе. Храмы, построенные на «Рогожке» старообрядцами, были хранителями настоящих сокровищ русской культуры. Так, здесь обретались икона «Спас Ярое Око» и манускрипт XV века «Рогожский летописец». Здесь нас и принял предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви Митрополит Московский и всея Руси Корнилий. «Начнем с того, что я являюсь подписчиком «Русского мира.ru», – начал разговор владыка Корнилий, – и почти в каждом номере вашего журнала есть статья про старообрядцев. Вот в этом, – митрополит раскрывает лежащий перед ним номер, – про казаков-некрасовцев. Такие статьи для меня всегда интересны, потому что это взгляд на нас со стороны, который беспристрастно подмечает и положительное, и отрицательное».

Старообрядчество – удивительный феномен в истории всего христианства. Например, когда английский король Генрих VIII порвал с римской курией, английские простолюдины спокойно перешли в новую англиканскую Церковь. В Германии действовал принцип «чья земля, того и вера», и если феодал был протестантом, то и его подданные были протестантами, а если властелин становился католиком, то и народ безропотно менял свою веру. И лишь в России церковная реформа стала причиной того, что массы простых людей стали уходить в леса и без колебаний отдавать свои жизни, чтобы молиться так, как делали это их предки.

И вот в конце XX века, практически впервые за свою историю, старообрядчество получило полную свободу и веровать, как они считают правильным, и проповедовать, и защищать свою веру.

– Господь дает нам это время, чтобы созидать доброе, вечное, православное. Неспроста все 350 лет со времен Собора 1666–1667 годов были гонения, – рассказывает владыка Корнилий о нынешнем этапе жизни старообрядчества. – Но это не первый глоток свободы. Был и короткий золотой век, с 1905 по 1917 год. За те двенадцать лет относительной свободы, данной нам государем Николаем II, старообрядцы успели сделать очень много. И нынешней свободой мы стараемся пользоваться для созидательного труда. Собираем камни, восстанавливаем разрушенные храмы, строим новые. Но главное не камни, а собиравшие души. Православных, русских душ, которые нуждаются в истинном пути в Царство Божие. А мы считаем, что наша Русская Православная Старообрядческая Церковь заключает в себе спасительную полноту православия. Ведь мы уверены, что наша Церковь появилась не после раскола. Нашей Церкви 2 тысячи лет, она живет с апостольских времен. И через князя Владимира эта полнота православия и в букве, и в духе пришла на нашу землю. Мне кажется, если бы Сергей Радонежский перенесся из своего времени в наше, именно у старообрядцев он нашел бы продолжение Святой Руси. Мы сохраняем то, что дорого было для его души, для его сердца: традиции, пение и последование службы. Я считаю, что старообрядцы – самые русские из русских и православ-

ные из православных. Сохранить спасительный путь, которым веками шли наши предки, передать его потомкам – самая важная задача, для решения которой Господь даровал нам нынешнюю свободу.

Но есть и другие задачи – выстраивание отношений с государством. Недавняя встреча с президентом Владимиром Путиным – это историческое событие. А ему предшествовало еще одно, не менее значимое, на наш взгляд, – встреча старообрядцев всех согласий в Москве. Впервые за 350 лет старообрядцы имели возможность собраться, познакомиться друг с другом.

Трагедия старообрядчества заключается в том, что, когда Никон начал по своему видению преобразовывать Церковь, лишь один епископ воспротивился реформам. В православии принципиален момент апостольского преемства. Когда апостолы утверждали Церковь, они поставили для окормления (то есть стояния «у руля», рулевой кораблей в то время находился на корме. – **Прим. ред.**) христианских общин епископов. Слово «епископ» переводится как «надзирающий». Первое правило, принятое на Первом церковном Соборе, называемом Апостольским, гласит: «Епископа да поставляют два или три епископа».

Епископ же, в свою очередь, имеет право рукополагать в две степени священства, в пресвитера и диакона. Без епископа, или лучше без двух епископов, не может существовать вся полнота церковной иерархии.

Противник реформ святитель Павел Коломенский был сослан в монастырь и погиб при загадочных обстоятельствах. Так старообрядцы потеряли единственного архиерея, а их священники не могли жить вечно, и наступило время, когда в старообрядчестве стало некому совершать евхаристию. Одна часть староверов решила, что это неисправимая ситуация, и стала отвергать священство как таковое (беспоповцы), другая, напротив, искала возможности восстановить на основе церковных правил полноту трехчинной иерархии, принимая к себе «беглых», то есть пришедших из новообрядческой Церкви, священников.

И вот в 1846 году в Буковине – тогда это была территория Австро-Венгерской империи – из Константинопольской Церкви в старообрядчество переходит митрополит Амвросий. По примеру святителей древней Церкви, таких как Иоанн Златоуст или Афанасий Великий, которые в крайних случаях единолично рукополагали епископов – и эти хиротонии Церковь признавала истинными, – он восстановил иерархию у старообрядцев.

Перед вами митрополит Корнилий – предстоятель русской ветви этой иерархии.

В 20-е годы XX века у другой части старообрядцев появилась альтернативная иерархия – к ним перешел «обновленческий» епископ, а позже перешел и еще один архиерей из единоверия, старообрядческого течения, которое подчинялось официальной Церкви, но придерживалось старого обряда.

Теперь в старообрядчестве существуют две поповские иерархии, которые не находятся друг с другом во всей полноте церковного общения, однако ведут между собой диалог о возможности общения. Беспоповцы и вовсе раздроблены на несколько согласий.

Поэтому-то я высоко ценю саму возможность старообрядцев разных течений встречаться и общаться друг с другом.

– Владыка, теперь давайте поговорим о вашей встрече с президентом. О чем шел разговор?

– Во-первых, вначале я поблагодарил президента за усилия по духовному возрождению нашей отчизны, за то, что он одобрил празднование в общероссийском масштабе 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума. Цель этого празднования – пополнить знания наших сограждан об этом духовном подвижнике и талантливом писателе. Это был человек, твердый в вере, и в молитвах, и во всех церковных делах. Президент в Послании Федеральному Собранию процитировал Николая Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что

он препятствует движению назад и вниз, к хаотичной тьме». И я сказал: Владимир Владимирович, ведь эти слова можно сказать и про старообрядчество, потому что все эти 350 лет мы были препятствием для сползания России к духовной хаотичной тьме. Старообрядцы и были теми, кто препятствовал тому, чтобы Россия стала такой, как сегодняшняя духовно немощная Европа. Даже синодальная Церковь всегда оглядывалась после раскола: а что скажут старообрядцы? Старообрядчество – это не просто сохранение обрядов, это сохранение истинной веры и духа Святой Руси. Силой этого духа страна отстаивала свою независимость и от татарского ига, и польского, и французского нашествия. Так можно ли эту традицию ломать или непродуманно менять?

Следующим вопросом в разговоре с президентом была проблема возвращения на Родину русских людей, которые оказались за рубежом не по своей воле. И это всемирное старообрядческое рассеяние сейчас хотелось бы, конечно, преодолеть и призвать людей, желающих вернуться на Родину. Возвращаться желают многие, но я отметил, что пока нет положительных

примеров, чтобы показать, как тепло принимает родина-мать старообрядцев. Вернулось несколько семей. С открытыми сердцами, с радостными глазами ехали они на Родину, а через какое-то время уезжали с каким-то даже страхом в глазах, встретившись с нашей действительностью. А проблема проста: чиновники создают проблемы с землей. А люди хотят работать на своей земле. Поэтому я просил Владимира Владимировича, чтобы был поставлен ответственный человек от правительства, который мог бы курировать их переселение.

Затем мы затронули проблему возвращения храмов. Здания, которые сохранились и еще не переданы Церкви, заняты различными организациями. Это ненормально, что в Москве строят 200 новых храмов, а сохранившийся храм – например, в Малом Гавриковом переулке – занят спортивной секцией. Я попросил президента, чтобы московский градоначальник построил спортивную базу, и таким образом мы освободим храм. Когда же наш разговор подходил к концу, я пригласил Владимира Владимировича в наш Рогожский духовный центр. И надеемся, что визит президента состоится.

– Владыка, как старообрядческие общины живут в XXI веке, как сами старообрядцы подстраиваются под нынешний век? Или, может быть, наоборот, подстраивают его под себя?

– Старообрядцы долгое время были гонимы, находились вне правового поля. Считалось, что православие в России должно быть только одно – синодальное. Когда в 1846 году у нас была восстановлена трехчинная иерархия (епископы, пресвитеры и диаконы. – Прим. ред.), власть отреагировала на это очень болезненно, вплоть до готовности объявить Австро-Венгрии войну. Власти Австрии вынуждены были отправить митрополита Амвросия в ссылку, но главное он сделал: у нас появилось несколько архиереев. Эти епископы отправились в Россию. Здесь их сразу выследили, и троих из них посадили в суздальскую тюрьму, где они почти до конца жизни сидели в суровых условиях. Только один этот пример из истории старообрядчества показывает, насколько разительно отличается отношение государства к нам тогда и сейчас.

За последние 25 лет свободы старообрядчества у нас появились новые приходы за пределами России. Например, недавно в африканской Уганде группа местных жителей связалась с нами и заявила о своем намерении присоединиться к православному старообрядчеству. Они рассмотрели множество христианских течений и конфессий и остановили свой выбор на старообрядчестве.

Эти угандийцы приезжали сюда, наши представители ездили к ним, и вот сейчас в Африке есть несколько приходов, и нами рукоположен для них священник, и там учатся службе по старообрядческим традициям и уставам...

– А они местные? Африканцы-старообрядцы?

– Да, местные. И хотя это люди другой расы, но для Христа «нет ни иудея, ни еллина». И для нас это совершенно новое и важное событие, когда старообрядцы, пользуясь свободой, могут говорить об истинной православной вере, обращаясь не только к русским и к народам России, но и к народам всего мира.

Конечно, XXI век ставит перед нами определенные вызовы, но старообрядцы уже более трехсот лет живут в недоброжелательной, даже агрессивной среде. И опыт проповеди и выживания у нас значительный.

– Владыка, скажите несколько слов о главной исторической боли старообрядчества, о том, что оно очень сильно раздроблено.

– Да, разделение – это наша беда. И здесь следует объяснить, почему все это произошло. Все догматические спорные вопросы у нас решаются на церковном Соборе. У нас Собор созывается каждый год. И это не просто собрание, утверждающее заранее решенные вопросы, задача Собора – продумать, может быть, поспорить и выработать коллегиальное и правильное решение. Оно, кстати, иногда идет вразрез с моим мнением.

И вопросы, которые мы решаем на Соборах сегодня, разительно отличаются от тех, что волновали старообрядцев в XVII–XVIII веках. Тогда старообрядцы задавались вопросом: можно ли молиться за царя? За Петра I, например? Пьет, курит, бороды насильно стрижет. А с новообрядческой Церковью что он сделал? Упразднил патриаршество, сказал: я вам буду патриарх! Люди подумали: да это же настоящий антихрист! А в литургической традиции предписано молиться за власть. И вот проблема, молиться за царя Петра или нет. Или исчезает священство – а как без священника литургию служить? Евхаристия – это основа христианства. Вокруг Чаши с Телом и Кровью Господа в православии построено спасение души. Вся догматика, все спасение вокруг этого. Служить некому, и что теперь делать?

Вот такие вопросы тогда были актуальны. У нас они решились в 1846 году присоединением вла-

дыки Амвросия. У Русской Древлеправославной Церкви поиски закончились в 1923 году, они тоже нашли своего епископа.

Но были и те, кто вообще полагал, что благодать священства в мире кончилась, таких называют беспоповцами, и они разделились на множество толков.

В России Русская Православная Старообрядческая Церковь насчитывает около 200 общин, а всего, по последним данным, зарегистрировано 367 старообрядческих общин. По моим предположениям, численность старообрядцев в России – миллион человек, а с зарубежными нас, старообрядцев, насчитывается 2–3 миллиона. Всех этих людей, разделенных странами, континентами, взглядами на некоторые вопросы, надо как-то сближать друг с другом. Поэтому так важна поддержка государства в вопросе празднования 400-летия священномученика Аввакума. Это возможность старообрядцам из разных согласий встретиться, договориться, что можно делать сообща. Две конференции в рамках подготовки празднования уже прошли.

Конечно, диалог идет медленно. Исторический маятник три с половиной века шел в одну сторону, и только считанные годы, как он начал двигаться обратно. Мы сегодня как прутья развязанной метлы, все по отдельности слабые и хрупкие. К сожалению, между нами еще много разногласий, которые необходимо преодолевать.

– Владыка, может быть, строгое следование уставу – это те «бремена неудобноносимые», что делают старообрядчество одной из самых маленьких частей вообще всего вселенского православия?

– Да, довольно часто нам говорят, что порядки в нашей Церкви излишне строгие. А мы отвечаем, что старообрядцы этой строгости не придумывали. Все нормы: продолжительность службы, одежда, пение и так далее – все это сохранялось веками в нашей Церкви ценой страданий и жертв.

Господь говорит: «Не бойся, малое стадо». Апостолов всего двенадцать было. Но Господу было угодно – и Церковь разрослась. В моем представлении мы как угольки в затухающем костре, который некогда горел и освещал Святую Русь. Пусть сейчас нет того яркого пламени, что было прежде, но остались еще угольки, из которых снова, если Богу угодно, может разгореться огонь. Это очень нужно России, потому что это пламя спасительной веры.

Сейчас наша Церковь открыта, но не настолько, чтобы принимать всех подряд с распростертыми объятиями. Мы как воины, идущие в определенном строе по пути спасения. И вот представьте, что в этот дружный строй вдруг входит человек со стороны, совершенно неподготовленный. И он заявляет: я пойду с вами. Мы не отвергаем такого человека, а говорим: ты посмотри на то, как мы идем, со стороны, пойми логику нашего устройства, приведи себя в соответствующую форму, и да, тогда становись рядом с нами. И это, как вы понимаете, для многих очень трудное дело.

Или взять наше старообрядческое пение. Оно не призвано улаживать слух так, как нередко бывает в произведениях, которые исполняются в концертах. Мы, в отличие от новообрядческих церковных композиторов XVIII–XIX веков, придерживаемся византийской духовной традиции. Древняя традиция – возносить хвалу Господу «едиными усты, единым сердцем», унисонное пение. Конечно, в композиторских произведениях есть мирская красота, но она ближе к светской музыке, опере и крайне далека от духовной красоты, уместной в храме.

– Владыка, в конце XIX – начале XX века многие фабриканты-старообрядцы, например Морозовы, оплачивали стачки своим рабочим и поддерживали антиправительственные выступления. Конечно, власти не делали для старообрядцев ничего хорошего, вплоть до Николая II...

– Мягко сказано, что ничего хорошего – это были времена тяжких гонений. И из противоречий старообрядцев и государства родился миф, что это старообрядцы способствовали перевороту в 1917 году. На нашу беседу я приехал с телеканала «Царьград». И там ведущая сказала, что старообрядцы еще и участвовали в убийстве царя. С таким мнением я сталкиваюсь впервые, но мифотворчество в отношении старообрядцев не прекращается. Притом что сам царь при отрече-

нии от престола сказал, что виноват всех больше перед старообрядцами. А охрана государя вплоть до самого отречения состояла из старообрядцев. Когда его деда, Александра II, подорвали в карете, его защищал старообрядец, который погиб за царя.

Но справедливости ради надо сказать, что было и другое отношение к царской власти, пример – Савва Морозов. Я сам из подмосковного Орехово-Зуева, а это вотчина Морозова, он был текстильным магнатом и построил этот город на Клязьме. Савва и его единомышленники добивались введения конституционной монархии. Он учился в Англии, где видел это государственное устройство. В первую русскую Думу входили богатые старообрядцы, и они хотели ограничить царскую власть, которая веками была их гонительницей. Савва давал деньги большевикам перед революцией 1905 года – да, это правда. Деньги он давал: и Горькому, и Красину, и Андреевой, и другим для издания газет типа «Искра». Но, увидев их дела, он в них разочаровался и перестал им помогать, за что, возможно, и был ими убит. Духовный путь, по которому пошел Савва Морозов в компании с революционерами, завел его в трагический тупик.

Это яркий случай, он очень показательный, но старообрядцы все-таки революцию не делали. Надо понимать, что старообрядчество – это не только Савва Морозов и несколько предпринимателей. Старообрядцев было 10–20 миллионов. И в основном они пострадали от революции. Многие были уничтожены, раздавлены, рассеяны. И казаки, и крестьяне, и сами фабриканты.

Простые же люди, особенно после дарования свободы вероисповедания в 1905 году, за царя-батюшку усердно молились. Для них отраднo было, что он разрешил старообрядцам построить свои

церкви. Какие депутации были к царю, какие молебны были за его здоровье...

Да и у Морозовых, отца, деда, прадеда Саввы, девиз был: «Наше благо – благо нашего отечества».

– Владыка, теперь хотелось бы поговорить лично о вас. Вы – митрополит, предстоятель Церкви. Я думаю, вы не одну бессонную ночь провели, раздумывая о том, что вы должны сделать в Церкви и для Церкви?

– Я очень неожиданно для себя стал митрополитом. Я к этому совсем не готовился. Да, я много размышлял, для чего Господь привел меня на эту стезю, и вот в настоящее время, отвечая на ваш вопрос, я бы сказал так.

Я все больше убеждаюсь, российское общество о старообрядчестве знает мало. А это же спасительный путь веры. Распространять информацию о старообрядчестве нужно не ради славы старообрядцев, а чтобы как можно больше людей, придя к истинному спасительному пути, имели возможность войти в Царство Божие. И это одна из задач. Еще хотелось бы сосредоточиться на теме образования. Владыка Андриан, мой предшественник, заложил основание для создания духовного училища, которому сейчас более десяти лет.

А сто лет назад у нас был старообрядческий институт. Его директором был Александр Степанович Рыбаков, отец академика Бориса Александровича Рыбакова. Наш институт был открыт в 1915 году, а через два года, к сожалению, его уже отобрали. Совсем недавно здание нам вернули, но в аварийном состоянии. Со временем мы там планируем с Божией помощью организовать институт, каким он задумывался сто лет назад.

Еще хотелось бы создать музей истории старообрядчества. Вот в Москве есть музей толерантности, он отражает путь преследования и рассеяния иудеев. А история гонений и рассеяния старообрядчества не менее трагична и поучительна.

Важная задача – восстановление разрушенных и строительство новых храмов.

Затем отмечу подготовку к празднованию 400-летия протопопа Аввакума. Наши предки и мечтать не могли отметить 200- или 300-летний юбилей этого великого человека, чтобы такое празднование было возможно на государственном уровне. А сегодня, слава Богу, эта возможность нам предоставлена.

И может быть, главная моя цель как митрополита, чтобы как можно больше людей спаслось в истинной православной вере во всем мире!

И.А. Владимиров.
Арест генералов
в феврале
1917 года

РАЗВАЛ ПО ПРИКАЗУ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

17 МАРТА 1917 ГОДА В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ
В ТОЛПЕ МАТРОСОВ ВЫСТРЕЛОМ В СПИНУ
БЫЛ УБИТ КОМАНДУЮЩИЙ БАЛТИЙСКИМ
ФЛОТОМ ВИЦЕ-АДМИРАЛ АДРИАН НЕПЕНИН.

АДРИАН ИВАНОВИЧ стал далеко не первой жертвой последствий того явления, которое долгое время было принято называть «бескровной» Февральской революцией. Считанными днями ранее, когда власть в Петрограде уже перешла в руки восставших, в Кронштадте были убиты 36 офицеров, в том числе главный командир порта и военный губернатор контр-адмирал Роберт Вирен. Нельзя принять, но можно понять, когда люди гибнут во время государственного переворота. Такова уж природа революций. И весной 1917-го тоже гибли. С обеих сторон. Простой люд на улицах города от стрельбы «пачками», полицейские, жандармы, армей-

ские офицеры, за которыми устроили охоту, вычисляя многих по адресным книгам... Всяко было. Запах крови для животного, питающегося мясом, – сильный раздражитель. А мы, люди, в большинстве своем вовсе не вегетарианцы. Но к середине марта этот запах уже должен был раствориться в атмосфере победы, а новые хозяева страны и умов обязаны были озаботиться тем, чтобы успокоить взволнованный народ. Но с этим спешить не стали. Сразу же приступили к революционным преобразованиям. Несмотря на то, что в глубинке России никто не понимал, что произошло, а на тысячеверстном фронте готовились к грядущему наступлению миллионы штыков.

ПРИКАЗ №1

12 марта были созданы два инструмента власти: Временный комитет Государственной думы во главе с ее председателем Михаилом Родзянко и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). Его возглавил меньшевик Николай Чхеидзе, одним из двух его заместителей стал эсер Александр Керенский. Спустя два дня он параллельно занял пост министра юстиции во Временном правительстве, образованном на базе Временного комитета. Это вовсе не мелочи, как может показаться с первого взгляда. Это те детали, в кото-

рых кроется сами знаете кто. Первое заседание Петросовета состоялось в Таврическом дворце Петрограда уже на следующий день после образования. Адмиралы Вирен и Непенин были еще живы. Главный вопрос, который приняли ре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Адриан
Иванович
Непенин
(1857–1917),
вице-адмирал.
Снят в форме
старшего
лейтенанта

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Роберт Николаевич Вирен (1856–1917), адмирал, с 1909 года главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта

шать, вовсе не поставки продовольствия в якобы голодавший Питер, не обеспечение безопасности в лишенном прежних силовых систем городе, не координация действий с многочисленными губерниями. Главный вопрос – о демократизации армии!

Почему? Ответить не сложно. Революционно настроенный гарнизон Петрограда, насчитывавший более 160 тысяч солдат и состоявший в основном из новобранцев и запасников, был главной опорой пришедших к власти в Петросовете

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864–1926). Председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов

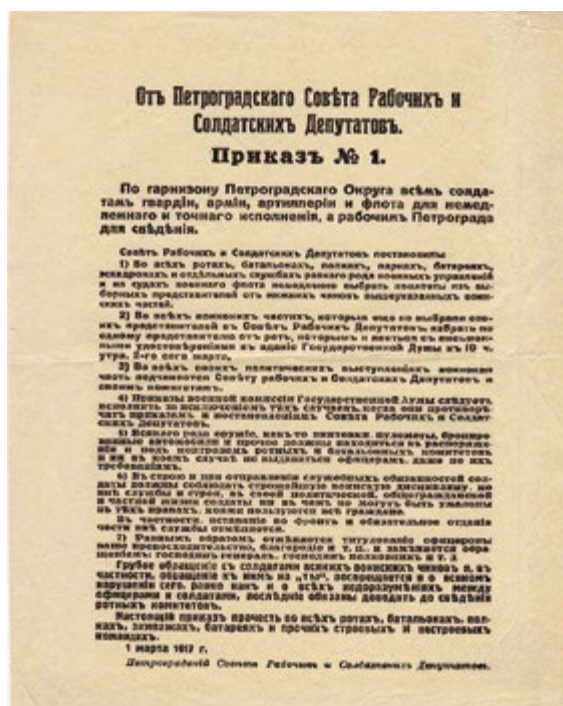

Солдаты и матросы, перешедшие на сторону восставших, в Екатерининском зале Таврического дворца. В центре – Михаил Родзянко, председатель IV Государственной думы. Петроград. Март 1917 года

Приказ №1
Петроградского
совета рабочих
и солдатских
депутатов

эсеров и меньшевиков. Требовалось сделать все, чтобы сохранить солдатские симпатии. Как? Вот об этом-то и спорили несколько часов в Таврическом. Из комнат Петросовета в комнаты Временного комитета ГД и обратно нервно бродил «господин компромисс» Керен-

ский. Время подгоняло. 12 марта Родзянко вместе военным комендантом Петрограда бароном Борисом Энгельгардтом изготовил и подписал приказ военной комиссии ВКГД о необходимости возвращения солдат в прежнее состояние: «Всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы; всем офицерским чинам возвратиться к своим частям и принять все меры к водворению порядка; командирам частей прибыть в Государственную думу для получения распоряжений в 11 час. утра 28 февраля». Активная часть солдатской массы, принявшая участие в уличных событиях, опасалась, что в казармах революционеров в погонах ждут не улыбки и благодарность господ офицеров, а разоружение и полуарестантское существование. Хорошему настроению не способствовали и упорные слухи о том, что к Петрограду приближаются верные трону боевые войска под командой генерала Николая Иванова. Краснобанная публика, за исключением пьяных и абсолютно тупых, от-

давала себе отчет, что в город войдут фронтовики...

На следующий день «Известиями Петроградского совета рабочих депутатов», по свидетельству последнего военного министра Временного правительства, генерал-майора Александра Верховского, был напечатан и размножен в количестве... 9 миллионов экземпляров Приказ №1. Приказ №1 – результат коллективного творчества нескольких членов Петросовета. Он содержит всего восемь пунктов, но довольно было бы и двух, чтобы элементы разложения армии, что неизбежно во время затяжной войны, превратились в систему ее развала и уничтожения. А именно: «1. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам. 2. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям». Иными словами, командование воинскими частями переходило к выборным комитетам, то есть в армии исчезало единоначалие и дисциплина, ее основы основ.

После Февральского переворота 1917 года генерал-майор Михаил Бонч-Бруевич одним из первых старших начальников встал на сторону Временного правительства. После Октябрьского – пошел на службу к большевикам, что вовсе не удивительно. Мало было в армии офицеров, которые относились бы к Бонч-Бруевичу с симпатией по причине его морального облика. Кроме того, его родной брат Владимир был одним из самых близких к Ленину соратников. Так вот, даже Бонч-Бруевич оценивал Приказ №1 так: «...созданная на началах, объявленных приказом, армия не только воевать, но и сколько-нибудь организованно существовать не сможет».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Составитель Приказа №1 присяжный поверенный Н.Д. Соколов среди солдатских и рабочих депутатов

ПРИКАЗЫ №2 и №3

Вокруг самоубийственного Приказа №1 живет множество толкований, слухов, дезинформации. Некоторые не стоят внимания ни на грош, некоторые требуют пояснений и уточнений. Первое и самое расхожее – Приказ №1 в гордом одиночестве и в одночасье уничтожил Русскую армию. Огромный авианосец одной торпедой потопить нельзя. Но лишить хода – можно. Чтобы дальше добывать обездвиженного противника. Так и с армией, насчитывавшей весной 1917 года 15 миллионов строевиков и тыловиков. Почему-то редко вспоминают о Приказе №2 от 19 марта, Приказе №3 от 20-го и так называемой «Декларации прав солдата» от 22 мая. Но об этом «произведении» военного и морского министра Керенского, ставшего последним гвоздем в крышку армейского гроба – позже.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956), российский и советский военный деятель. 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А пока о втором и третьем приказе Петросовета. С чего вдруг они явились на свет? Апологеты этого органа в один голос утверждают, что Приказ №1 распространялся только на части Петроградского гарнизона, о чем и уведомляет преамбула: «По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил». Далее – пункты. А вот концовка: «Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах». О том, что приказ касается только Петроградского округа, речи уже нет. И что обо всей армии и флоте – тоже. Короче говоря, понимай как хочешь. Если вспомнить, что активную роль при составлении проекта приказа играл известный адвокат Николай Соколов, то верить в спонтанность формулировок, якобы надиктованных облепившими Соколова солдатами, не хочется.

Если добавить, что Петроградский гарнизон и Петроградский военный округ – совсем не одно и то же, то игра слов приобретает очевидную закономерность. Как уже было сказано, в Петрограде находилось более 160 тысяч солдат, а вот в округе, кое-где выходившем за пределы

Петроградской губернии, более 700 тысяч. Плюс находившиеся в непосредственной близости от столицы корабли Балтийского флота. Теперь становится ясно, почему при обсуждении тиража листовок с текстом Приказа №1 сразу было заявлено, что в типографии издательства «Копейка», захваченного «Известиями», надо сделать миллион экземпляров или около того. Конечно, возможен такой контраргумент: в приказе сказано о том, что текст нужно довести до сведения рабочих. Но вряд ли это надо делать, вручая каждому жителю Питера по листовке...

Любопытная история случилась с господином Соколовым на фронте в середине лета 1917-го. Присяжный поверенный прибыл в распоряжение 2-й Кавказской гренадерской дивизии, где автора Приказа №1 довольно энергично побили. Причем именно солдаты. После столь неудачного визита в войска Соколов несколько дней пролежал без сознания в больнице, а позже продолжил реформаторскую деятельность в Петрограде с забинтованной головой.

Диву даешься, как быстро листовки попали в действующую армию. И ведь попали не в штабы, не в генеральские руки, что осуществлялось спецсвязью. В солдатские руки! И началось... Генерал-лейтенант Густав Маннергейм, вернувшийся на фронт весной 1917-го, отмечал: «Военный трибунал и смертная казнь были отменены. Это при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вело к тому, что извечный воинский порядок, при котором солдаты должны подчиняться приказам, практически не соблюдался, а командиры, стремившиеся сохранить свои части, вынуждены были всерьез опасаться за собственные жизни. По новым правилам солдат мог в любой момент взять отпуск или, попросту говоря, сбежать... Дезертиров было уже более миллиона человек».

Генерал-майор Петр Врангель, прибывший в Петроград, пытался донести до военного министра Александра Гучкова все, что происходило во фронтовых частях. Но министр оказался в отъезде, и генерала принял министр иностранных дел Павел Миллюков. Послушал, что-то записал, обещал передать... Это еще один миф, раздутый вокруг пресловутых приказов. Будто бы вина за них целиком ле-

Александр Иванович Гучков (1862–1936), общественный и политический деятель. С 2 марта по 30 апреля 1917 года военный и морской министр Временного правительства

жит на совести членов Петросовета. Временное правительство тут ни при чем. И большевики – тоже. Во Временном правительстве представителей РСДРП(б) не было совсем, в Петросовете – несколько человек, в силу малочисленности и слабого личного авторитета на решения не влиявших. Ведь главные бойцы партии все еще томились в эмиграции или ссылке. Что же до Временного правительства – тут все куда сложнее. Возьмем, к примеру, Керенского. Второй человек в Петросовете, заместитель председателя исполкома! И ни при чем? Петросовет поставил членов завтрашнего Временного правительства перед фактом после опубликования Приказа №1, точно так же он повел себя при подготовке второго приказа. Суть его была в следующем. После информации, получаемой с фронтов о разложении частей, решили «включить заднюю скорость», не отключая переднюю. В приказе от 19 марта пояснили, что вся демократизация армии касается только Петроградского округа, в смысле гарнизона. Или – наоборот. Солдатам на передовой гражданские и личные свободы пока светят не слишком ярко. А там сразу и поверили! Нет, ребяташки, решили в ротных и полковых комитетах: что дадено – то дадено. Баста! К тому же ни о каких миллионных тиражах с текстом приказа и помина не было. Процесс развала армии понесся, точно речные воды в половодье, сметая с пути все, что еще цеплялось за островки позитного прошлого. Приказ №3 уведомлял еще раз, что первые два приказа распространяются только на Петроградский округ. А чтобы солдаты на передовой не расстраивались, им от имени военного министра Гучкова было обещано, что правила новых отношений солдата и офицера будут «незамедлительно выработаны». Примечательно, что 16 марта по части подготовки ошеломляющих документов отличилось само Временное правительство,

Арест студенческой милицией переодетого полицейского. Петроград. Февраль 1917 года. Фото Я. Штейнберга

которое якобы ни при чем. Оно подготовило и явило народу «Декларацию о составе и задачах». Нам особенно интересны пункты 7 и 8: «Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий». Неплох и пункт 5: «Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления». Были приняты и другие подзаконные акты, которые смущают и по сей день...

По поводу Приказа №1 философ Питирим Сорокин высказался в том духе, что его автором может быть только сумасшедший. Неведомо, в каком эмоциональном состоянии находились иные составители этого приказа, но в том, что у Соколова имелась склонность к неадекватным идеям, замечали не раз. Это он предложил похоронить жертв Февральского переворота на Дворцовой площади, соорудив соответствующий мавзолей. Керенский, по признаниям современников, тоже был склонен к аффектации. Но ведь были и другие – нормальные... Тот же Миллюков с Гучковым, князь Львов, министр финансов Терещенко. Чем же тогда объяснить приказы о единовременной отставке всех губернаторов и проведении местных выборов без всякого контроля из центра? Открытие тюрем и выпуск на волю не только «политических», но и уголовников? Отмену смертной казни за уголовные и военные преступления и тому подобное?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Военный и морской министр А.Ф. Керенский на смотре Царскосельскому гарнизону. 19 июня 1917 года

ДЕКЛАРАЦИЯ КЕРЕНСКОГО

Примерно через две недели после Февральского переворота немцы заметно активизировались на разных участках фронта. То ли предупрежденные разведкой германского Генштаба, то ли сами на передовой додумались. Но захотелось им проверить русские окопы на прочность после зимней спячки. Проверяли под Барановичами, у деревни Ямницы, на Западной Двине. С лета 1916 года на реке Стоход за русскими войсками остался приличный плацдарм на западном берегу, где окопались две стрелковые дивизии 3-го армейского корпуса 3-й армии генерала Леонида Леша. Плацдарм был назван по местности – Червищенским. С конца февраля стало видно, что противник скапливает силы с явной целью выбить русских с западного берега Стохода. Предположение, что наступление начнется сразу, как Стоход разольется и вода отрежет дивизии от своих, оказалось верным. Потоки воды смыли почти все мосты, соединявшие с плацдармом. Возможность отступить была потеряна. Германцы решили выполнить задачу малой кро-

вью. Рано утром 3 апреля 1917 года в дело вступила артиллерия. Через несколько часов корпус был уничтожен. Из 19 500 человек более 3 тысяч погибло на месте, 9 тысяч отравленных газами сдались в плен. Это была первая относительно крупная стычка с немцами, проведенная силами теперь уже революционной армии. В Петрограде опешили, но снять генерала Леша с должности не забыли.

Кадровая чехарда – любимое занятие всякой новой власти. В конце марта военный министр Гучков, мнивший себя большим специалистом по причине участия в двух – Англо-бурской и Балканской – войнах в качестве добровольца, решил, что высшее и старшее командование нуждается в революционном обновлении. Были подготовлены анкеты, получившие в армейской среде название «мерзавки». Новоявленные знатоки уровня самого Гучкова в пяти графах ставили оценки корпусным и дивизионным начальникам. По результатам делался вывод: оставить или уволить. Генерал-лейтенант Антон Деникин вспоминал, что таким нехитрым образом

Боевая часть, вызванная с фронта для поддержания порядка в городе. Петроград. Июнь 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первые дни
свободы
в Петрограде.
Парад войск
на площади
Зимнего дворца
у Главного штаба

предоставлено М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

армия потеряла 160 генералов. Да, не все они были талантливы и успешны. И кто-то на самом деле нуждался в длительном отдыхе. Но 160 – это чересчур! Кроме того, не менее важен вопрос: кто пришел на смену? А тут похвастаться было нечем. Что талантами, что знанием местности и личного состава.

Дело закончилось «чисткой» самого Гучкова. 12 мая он подал прошение об отставке в связи с невозможностью управлять армией и флотом, вышедшими из подчинения. Что никого не должно было удивлять, в том числе самого Александра Ивановича. Спустя шесть дней Временное правительство пополнилось шестью членами, делегированными туда Петросоветом. Две силы создали коалицию, в которой большинство осталось за правыми: 10 голосов против 6. И один голос из 10 – голос нового военного и морского министра – Керенского.

Надо отдать министру должное. Он был человеком стремительным, если не сказать – юрким. Уже 22 мая он подписал очередной основополагающий, вернее, «основоразрушающий» документ: «Декларацию прав солдата». Керенский готовил ее по тем буйным временам долго – с апреля. Бумага была отослана для ознакомления всем командующим фронтами и флотами. В ответ поступило предложение от Главковерха генерала Михаила Алексева с предложением обсудить «декларацию» в могилевской Ставке. Что и сделали.

Относительно лояльный новой власти генерал Алексей Брусилов высказался так: «Есть еще надежда спасти армию и даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация... Но если ее объявят – нет спасения. И я не считаю тогда возможным оставаться ни одного дня на своем посту».

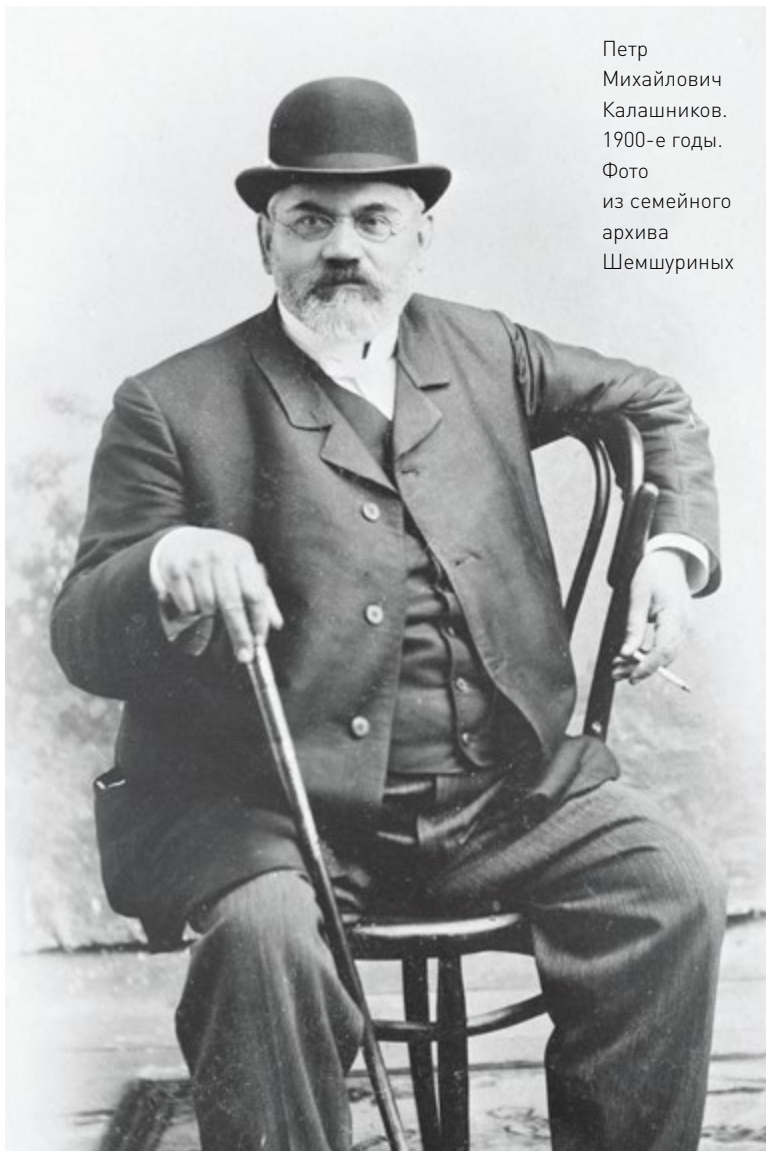
Добавим, слово – если эту фразу можно назвать словом чести – Брусилов не сдержал. «Декларация» была принята 22 мая, через два десятка дней после заявления Брусилова. Более того, вскоре он занял пост Главковерха вместо уволенного Алексева, показавшегося Керенскому слишком консервативным. Ну да бог с ним, с генералом. Вернемся к министру. После очередного и последнего обсуждения документа, вызвавшего глубокий шок у представителей генералитета, Керенский отправился с инспекционной – на деле пропагандистской – поездкой в войска. Что скрывать, он умел говорить с публикой. С любой публикой. С солдатами – тоже. Что странно для стопроцентного «пиджака». Но ораторский дар – это свыше. И Керенский говорил. Упоенно, страстно, требуя винтовку в руку, дабы немедленно идти в бой. Говорил в Гельсингфорсе морякам Балтики, говорил солдатам передовых частей Юго-Западного фронта, говорил в Одессе и Севастополе. Его слушали с интересом, а то и с восторгом, прощая избыток пафоса. Но вот беда: едва оратор усаживался в автомобиль и покидал позиции, как начина-

ла торжествовать анархия. Керенский не разглядел, что творится с армией. Или не стремился разглядеть. Самовлюбленный, летящий на гребне политической волны, мог не заметить мрачной правды. Или не собирался ее искать вовсе. Так как прекрасно знал, что делает и какую цель преследует.

И не было у него никакого интереса к словам главкома Северным фронтом генерала Абрама Драгомирова, прозвучавшим на последнем совещании: «Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода; не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт, под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетами заинтересованных частей. Наряду с этим, сильно развилось искание места полетче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командиры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие, ради личных выгод, занять позицию». Или слова фактического главкома Румынским фронтом генерала Дмитрия Щербачева: «Я высоко держу власть, но, если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен на наш счет». Что и произошло спустя неполных девять месяцев в Брест-Литовске.

А что ж такого понаписали «временщики» и «петросоветчики» в этой самой декларации? Вроде бы ничего особенного. К примеру, «для всех военнослужащих, взамен обязательного отдания воинской чести, устанавливается взаимное добровольное приветствие». На практике? Рядовой из маршевой роты при встрече с командиром полка: «Эй, полковник, здорово, как сам? Ну, нормалек». А после этого – в бой. Вместе. ♣

ЧЕСТЬ КУПЕЧЕСКАЯ

Петр Михайлович Калашников. 1900-е годы. Фото из семейного архива Шемшуриных

В 1793 ГОДУ ДЕД НАШЕГО ГЕРОЯ, Петр Иванович Калашников, вместе с братом Алексеем переехал в Москву из Юрьева-Польского. Петру в тот момент было 15 лет, Алексею – 26. Судя по фамилии, предок братьев торговал калачами, а возможно, и сам выпекал их. В Юрьеве-Польском Калашниковы были купцами, и в Москве братья поступили в третью гильдию московского купечества. Оба были еще не женаты и по законам того времени состояли в нераздельном капитале. Как свидетельствуют ревизские сказки, Калашниковы сняли жилье в Замоскворечье, в Монетчиках, в доме священника Воскресенской церкви Ильи Иванова. Вскоре Алексей женился на дочери московского мещанина Ирине Никитиной. Бизнес у него не заладился, и уже в 1796 году 27-летний Алексей перешел в мещанство. Петр же сумел удержаться в купечестве. Женился он поздно, когда подкопил денег и встал прочно на ноги. Петр Иванович

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Петрович Калашников. 1870-е годы. Фото из семейного архива Шемшуриных

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ВСЕ МЫ УЧИЛИ В ШКОЛЕ «ПЕСНЮ ПРО КУПЦА КАЛАШНИКОВА», СОЧИНЕННУЮ МИХАИЛОМ ЮРЬЕВИЧЕМ ЛЕРМОНТОВЫМ В ДУХЕ СТАРИННОЙ РУССКОЙ БЫЛИНЫ. НО СЕГОДНЯ РЕЧЬ ПОЙДЕТ НЕ О ГЕРОЕ ПОЭМЫ, А ЕГО ОДНОФАМИЛЬЦЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕ «СТАРИННОГО МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА» ПЕТРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ КАЛАШНИКОВЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ НИЖЕГОРОДСКОГО ЯРМАРОЧНОГО КОМИТЕТА И ОДНИМ ИЗ ДВУХ ДИРЕКТОРОВ ПРАВЛЕНИЯ ВЕРХНИХ ТОРГОВЫХ РЯДОВ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

Калашников взял в жены купеческую дочь Марию Евстратьевну, которая была моложе его на десять лет: на момент женитьбы в 1806 году жениху было 28 лет, а невесте – 18. В браке появилось восемь детей: сыновья Сергей, Дмитрий, Михайла, Василий, Николай, Александр, дочери Анна и Любовь.

Петр Иванович торговал зеркалами, которые были довольно востребованным товаром. По данным ревизии 1816 года, он жил «в наемном покое» в приходе Николая Чудотворца на Якиманке и торговал в Зеркальном ряду в Китай-городе.

В 1830 году он с большим семейством обосновался в Замоскворечье, где купил себе дом на Кузнецкой улице (нынешняя Новокузнецкая), стоивший 2328 рублей серебром (по данным 1842 года).

Часть доходов Калашников вложил в коммерческую недвижимость, приобретая в 1830–1840-е годы четыре лавки в Малом Ветошном ряду Верхних торговых рядов в Китай-городе.

По сведениям 1846 года, в одной лавке из четырех торговал сам хозяин Петр Калашников, прочие же сдавались внаем и приносили немалую прибыль. В 1875 году за Калашниковыми числились четыре лавки, три из которых выходили на Узенький ряд, а одна на Шляпный.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЦЫГАНСКИЙ СЛЕД

Сын Петра Ивановича и отец нашего героя, Михаил Калашников, укрепил дело. В 1832 году 23-летний Михаил Калашников учредил торговый дом «Михаил Петрович Калашников» по торговле часами и золотыми вещами. С начала 1880-х годов фирма стала называться «Михаил Петрович Калашников и сын».

Уже во второй половине 1830-х годов Михаил Калашников стал ездить в Европу для закупки товара. С одной

Церковь
Воскресения
в Кадашах.
1880-е годы

Юрьев-
Польский,
родина
Калашниковых.
Вид города
в начале XX века

такой поездкой была связана необычная история его женитьбы, о чем гласит семейная легенда, слышанная в 1980-е годы от потомков Калашниковых. Якобы будучи в Румынии, куда попал то ли для закупки товара, то ли проездом с товаром из более дальних стран, Михаил Калашников влюбился в юную цыганку. Прекрасно понимая, что по правилам своего круга он должен жениться на девушке из зажиточной купеческой семьи, он тем не менее не мог совладать со своей страстью и, вернувшись в Москву, уговорил родителей, чтобы ему дали разрешение на свадьбу.

Как звали его цыганскую жену, неизвестно, но в ревизской сказке 1850 года 40-летний Михаил Петрович предстает уже вдовцом с двумя малолетними сыновьями – 5-летним Петром и 4-летним Степаном.

Еще через восемь лет купец второй гильдии Калашников женат вторым браком на Елизавете Никитичне, которая была моложе мужа на семнадцать лет. Но детей у супругов нет. В собственности Елизаветы Калашниковой находился дом рядом с семейным особняком. Он стоил 1428 рублей серебром, но был ли подарен жене супругом или куплен ее родителями, история умалчивает.

В возрасте 65 лет Михаил Петрович проживал в собственном доме в приходе церкви Воскресения в Кадашах, упоминаются также его сын Петр (1847 года рождения) и внук Михаил. Автор книги «Ушедшая Москва» Иван Белоусов сообщает о том, что в 1870–1880-е годы часовой магазин Калашниковых находился в «Серпуховском подворье» – большом торговом помещении на Ильинке, построенном уроженцем Серпухова купцом Варгиным. Тот же автор упоминает, что у Калашникова «много лет служил приказчиком Михаил Алексеевич Москвин – отец известного теперь артиста Художественного театра Ивана

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михайловича Москвина, он и жил в этом доме».

Представитель второго поколения династии, Михаил Калашников, был не только успешным коммерсантом. Он активно участвовал в благотворительности и общественной деятельности. В 1850 году его избрали товарищем (заместителем) старшины московского Купеческого общества. Во время Крымской войны 1853–1856 годов Калашников пожертвовал крупную сумму на оборудование госпиталя для раненых воинов и на обмундирование ополчения, за что был награжден памятной бронзовой медалью. Имел орден Святой Анны 2-й степени, в 1871–1874 годах был членом Коммерческого суда. С введением муниципального самоуправления в Москве Михаил Калашников был избран гласным (депутатом) Московской городской думы в 1877–1881 годах.

Михаил Петрович прожил очень долгую жизнь и скончался в кругу семьи в возрасте 83 лет уже в конце XIX века.

Петр Михайлович Калашников. Начало 1870-х годов. Фото из семейного архива Шемшуриных

Рекламная карточка американской фирмы «Валтгам» с изображениями продукции и видами завода во второй половине XIX века

Елизавета Алексеевна Калашникова с дочерью. 1870-е годы. Фото из семейного архива Шемшуриных

НАСЛЕДНИК СЕМЕЙНЫХ КАПИТАЛОВ

Отрывочные генеалогические сведения повествуют о том, что представитель третьего поколения династии, Петр Михайлович Калашников, с конца 1860-х годов становится единственным наследником успешного семейного дела.

Петр Калашников окончил престижную школу при московском евангелическо-лютеранском храме Петра и Павла, где было блестяще поставлено обучение математике и немецкому языку, а затем Практическую академию коммерческих наук. Почти до 30-летнего возраста он оставался неженатым и жил «при отце». Затем женился на Елизавете Алексеевне Протопоповой,

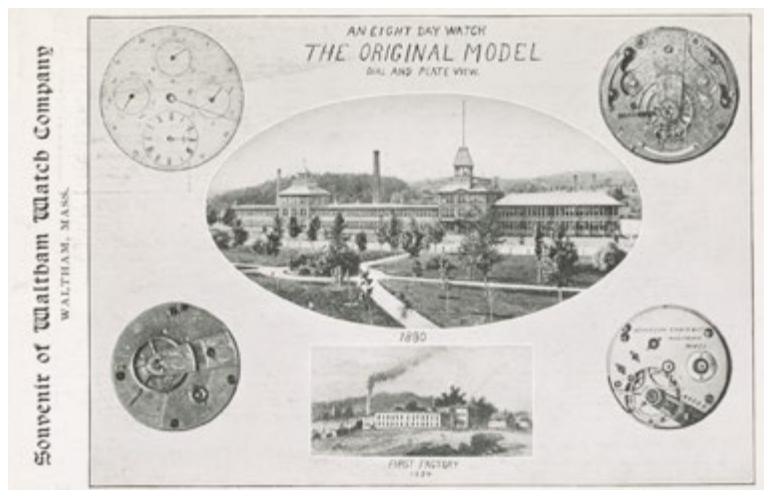
происходившей из видной купеческой семьи. Отец супруги был известным торговцем сукном, позже устроившим воскобелильный завод за Калужской заставой, а брат, Степан Алексеевич, имел звание мануфактур-советника. Степан Протопопов с братьями владел заводом восковых свечей в Хамовниках, а позже возглавил один из первых московских банков – «Общество взаимного кредита», был председателем правления Северного страхового общества, председателем совета Московского Торгового банка.

Елизавета Алексеевна была моложе Петра Михайловича на пять лет, в браке родились четверо детей – сын Михаил и дочери Зинаида, Анастасия и Мария. Некоторые их потомки сейчас живут в Москве.

Петр Михайлович не обманул ожиданий отца, став самым известным поставщиком швейцарских, немецких и американских часов класса люкс в Москве. Этот род товара был востребован самой верхушкой зажиточных москвичей.

На сохранившихся фотографиях Петр Калашников – господин среднего роста и плотного телосложения. Появлявшийся на людях в неизменно прекрасном расположении духа, всегда хорошо одетый, Петр Михайлович внешне являл собой хрестоматийный тип московского купца – хлебосола и гурмана.

Фирма торговала часами разных видов – напольными, настольными

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Магазин
Калашникова
в Верхних
торговых рядах
и его сотрудники.
Третий справа –
М.Я. Смирнов.
Начало XX века.
Фото из
семейного
архива.
Предоставлено
М.Е. Смирновым

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Яковлевич Смирнов
(1885–1980), часовой мастер
и приказчик, долго работавший
в фирме Калашниковых, с супругой
Надеждой. Фото после венчания.
1911 год. Из семейного архива.
Предоставлено М.Е. Смирновым

ми, настенными, нагрудными, карманными, а также аксессуарами – цепочками для часов, брелоками, золотыми, серебряными и ценных пород дерева футлярами для часов и прочими приятными дорогостоящими «вещицами» для респектабельных джентльменов. Успехом у публики пользовались и «музыкальные ящики новейшей конструкции» – образцы механических звукопроектрующих устройств. Калашников лично ездил за товаром – в Женеву на фабрики «Одемар», «Бадолле», в Берлин к «Адольфу Ланге с сыновьями», в Америку, чтобы купить в Бостоне часы «Валтхам» (так по-русски звучало название Waltham. Кстати, известны единственные

часы этой фирмы, уцелевшие после гибели «Титаника», на современном аукционе их цена дошла до 50 тысяч долларов. – **Прим. авт.**).

Особенно полюбилась Калашникову марка «Патек, Филипп и Ко» (Патек и Филипп владели фирмой друг за другом, и потому в XIX веке название фирмы писалось через запятую. – **Прим. авт.**). Калашников помещал «Патек Филипп» на первое место в каждом рекламном объявлении. Ведь из наших соотечественников часы этой марки носили и князя Щербатовы, и Лев Толстой, и композитор Чайковский, а из иностранцев – многие знаменитости, включая британскую королеву Викторию.

Устройство
стеклянной
крыши над
галереями
нового здания
Верхних
торговых рядов

Помимо руководства собственной фирмой Петр Михайлович с 40-летнего возраста стал видным деятелем купеческого сообщества. В 1888–1910 годы он являлся директором правления «Общества Верхних торговых рядов в Москве на Красной площади», то есть с первых дней, когда началось строительство нового здания на Красной площади, существующего как ГУМ и сегодня. Он и свой магазин с 1893 года перевел с Ильинки в Верхние торговые ряды, где арендовал помещение в самом центре здания – как указывалось в рекламе, «средний пассаж, у ротонды». То есть, говоря на нынешнем языке, «в центре ГУМа у фонтана». В 1893 году аренда помещения стоила 1800 рублей, в 1910-м – 3 тысячи рублей. При подготовке этой статьи журналу «Русский мир.ru» удалось получить прекрасную фотографию этого магазина от потомка приказчика Смирнова, работавшего у Калашникова, – нашего современника-москвича Михаила Смирнова. На фото видны витрины, где представлен в лучшем виде ассортимент магазина Калашникова.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ОБЩЕСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ

Петр Михайлович более тридцати лет, начиная с 1877 года, избирался гласным Московской городской думы. Он состоял попечителем ряда благотворительных заведений, куда регулярно жертвовал большие средства. За филантропию Калашников был награжден орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Станислава 2-й степени.

Калашников, обладавший повышенным чувством общественного долга, начал довольно рано участвовать в благотворительности. В возрасте 24 лет он, вместе с крупнейшим текстильным фабрикантом Фролом Яковлевичем Ермаковым и директором ряда крупных компаний банкиром Козьмой Терентьевичем Солдатенковым, в 1871 году стал членом-учредителем «Общества попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь». Движимые чувством христианского милосердия московские купцы решили помогать семьям осужденных, которые оставались без средств к существованию. Чтобы обездоленным детям не пришлось попрошайничать на улице, страдая от голода и холода, был устроен сиротский при-

Столовая в доме Петра Михайловича Калашникова в Кадашевском переулке. Фото из семейного архива Шемшуриных

Богадельня Н.В. и Д.А. Немировых-Колодкиных в Москве на Большой Ордынке. Начало XX века

Петр Михайлович Калашников в конторе с приказчиками. 1900-е годы. Фото из семейного архива Шемшуриных

ют, где несчастные получали не только кров и пищу, но и обучались ремеслу, чтобы прокормить себя в будущем.

Калашников финансировал экипировку санитарного отряда и передвижного госпиталя во время русско-турецкой войны на Балканах в 1877–1878 годах, а также Покровский госпиталь для воинов в Москве и за это заслужил памятную награду Российского общества Красного Креста – золотую медаль «За усердие» на Владимирской ленте, врученную ему императрицей Марией Федоровной, супругой Александра III. Являлся попечителем московской Владычье-Покровской общины сестер милосердия с 1882 года. В 1886 году Петр Михайлович стал членом совета богадельни Немировых-Колодкиных для слепых женщин, основанной его соседом по Замоскворечью, знаме-

нитым фабрикантом церковной утвари Николаем Васильевичем Немировым-Колодкиным.

С 1895 года Калашников был избран членами Купеческого общества членом Комитета по распределению процентов с благотворительных капиталов. Несколько миллионов рублей капиталов хранилось в ценных бумагах, а получаемые проценты надо было ежегодно распределять для содержания 15 благотворительных заведений (больниц, богаделен, сиротских приютов) и выдачи пособий лицам, обратившимся за помощью.

Петр Калашников был уважаем и членами своего церковного прихода. Они избрали Калашникова старостой церкви Воскресения в Кадашах – той самой, возле которой жил столетием ранее переселившийся в Москву его дед – Петр Калашников – старший.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр Михайлович Калашников на балконе Верхних торговых рядов. Фото из семейного архива Шемшуриных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Некролог П.М. Калашникову из московской газеты

В 1882 году в Москве проходила грандиозная Всероссийская промышленно-художественная выставка. Она стала событием, о котором еще несколько лет говорили. Работа Калашникова в качестве одного из организаторов выставки была оценена очень высоко – по представлению министра финансов он был награжден царем Александром III золотой медалью «За полезное» на Александровской ленте. С этого момента общественно-коммерческая деятельность Калашникова приобретает российский масштаб.

Его способности руководителя оценила не только власть, но и взыскательные соратники-купцы, избравшие его членом Нижегородского ярмарочного комитета. На Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде ежегодно с мая по сентябрь съезжались куп-

цы со всей России и из-за границы для заключения миллионных оптовых сделок. По экспертным оценкам, 40–45 процентов торговых оборотов крупнейших российских фирм приходилось на контракты, заключенные на ярмарке. В 1890 году после семи лет на посту члена Нижегородского ярмарочного комитета Калашников был за «отличное усердие и особые труды» награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Год спустя в качестве кавалера ордена высокой степени Калашников получил звание потомственного почетного гражданина.

Многолетняя деятельность Калашникова на благо российского предпринимательства по справедливости была увенчана всеми регалиями. За успехи в предпринимательстве и труды в качестве председателя Нижегородско-

го ярмарочного комитета в 1910 году 63-летнему Петру Михайловичу Калашникову было присвоено звание коммерции советника. Калашников и тут остался собой: благодаря выдвинувшее его на почетное звание купечество, он сказал, что расценивает награду не только как исключительное личное достижение, но и как знак признания обществом важности предпринимательской деятельности.

Ведя чрезвычайно активный образ жизни, Калашников не щадил себя. Прожил он недолго, скончавшись вскоре после получения звания коммерции советника.

Произошло это 4 августа 1910 года прямо на заседании ярмарочного комитета в Нижнем Новгороде. В начале заседания Петр Калашников зачитал собравшимся приветственную телеграмму императора Николая II, потом доложил о прекращении эпидемии холеры. Был обсужден ряд других вопросов.

Внезапно Калашникову стало плохо, он попросил стакан воды. Выпив несколько глотков, продолжил вести заседание, но потерял сознание и через двадцать минут скончался. Отпевание Калашникова прошло 6 августа в Нижнем Новгороде, после чего гроб с телом был отправлен в Москву для заупокойной панихиды в церкви Воскресения в Кадашах, где Петр Михайлович был старостой. Погребение состоялось 7 августа на Даниловском кладбище. Была исполнена воля покойного – венков не возлагать, а деньги передать «на добрые дела», то есть в помощь бедным и нуждающимся согражданам.

* Автор – доктор исторических наук.

П.М. Калашников в качестве председателя ярмарочного комитета во время смотра пожарной команды на Нижегородской ярмарке. Фото из газеты «Московский листок». Август 1906 года

Орудие ТМ-3-12 на своей вечной стоянке, откуда его незаконно пытались увезти несколько лет назад

ЗАЩИТНИКИ КРАСНОЙ ГОРКИ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ФОРТ КРАСНАЯ ГОРКА ПО «КРЕПОСТНЫМ» МЕРКАМ ЕЩЕ СОВСЕМ МОЛОД – ЕМУ ЧУТЬ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ. ЕГО СУДЬБУ СЛОЖНО НАЗВАТЬ СЧАСТЛИВОЙ: ПОСТРОЕННЫЙ ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ, ОН ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СТАЛ ЗАЛОЖНИКОМ ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. В 1918-М ЕГО ХОТЕЛИ ВЗОРВАТЬ, А В 2000-Х ГОДАХ – ПОСТРОИТЬ НА ЕГО МЕСТЕ ЭЛИТНЫЕ КОТТЕДЖИ. НО ФОРТ ДО СИХ ПОР С ЧЕСТЬЮ ВЫДЕРЖИВАЛ ВСЕ БОИ – ДАЖЕ ТЕ, ГДЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОРУДИЯ НИКАК НЕ МОГУТ ПОМОЧЬ.

ФОРТ КРАСНАЯ ГОРКА находится на южном побережье Финского залива, в 60 километрах от Петербурга. Построен он был именно здесь неслучайно: это самое узкое место Финского залива, расстояние между северным и южным берегом – всего 17 километров. Берег тут высокий: когда по пути к Красной Горке мы подъезжаем к береговому уступу, вся акватория залива, Кронштадт и северный берег видны как на ладони.

– Посмотрите, вот на той стороне в эти же годы, в 1908–1914-м, строился брат-близнец Красной Горки – форт Ино, – показывает на север председатель военно-исторического общества «Форт Красная Горка» Александр Иванович Сено-тросов. – Они были построены друг напротив друга специально: выстрелы их орудий полностью перекрывали акваторию и защищали Петербург и Кронштадт в момент возможного нападения.

«ВЫ ХОДИТЕ ПО ЗОЛОТУ!»

Строительство наисовременнейших крепостей являлось одним из первостепенных проектов Российской империи в преддверии войны, тень которой уже витала в воздухе. Не удивительно, что на создание Красной Горки и Ино не жалели средств. По легенде, император Николай II, приехавший на торжественное открытие форта, сказал: «Вы ходите по золоту!» Форт Ино в честь императора назвали Николаевским, а Красную Горку в честь цесаревича Алексеевским фортом. Красная Горка был оснащен восемью 305-миллиметровыми орудиями, чья дальность стрельбы позволяла обстреливать не только весь залив, но и противоположный берег. Это был настоящий подземный город с командным пунктом, казематами, складами, госпиталем и даже церковью. В нем одновременно мог укрыться гарнизон в 6 тысяч человек. На Красной Горке работали два дизельных электрогенератора, автономный водопровод, клозеты. Была организована телефон-

ная станция, установлена телефонная связь между обоими фортами-близнецами, кабель был проложен по дну Финского залива. Фантастические для тех времен достижения!

– На протяжении 60 километров по берегу от деревни Старая Красная Горка до деревни Долгово стояли бетонные будки высотой 38 метров, – показывает Александр Сено-трусов. – Ведь крепость подземная, «слепая». А это – ее «глаза», наблюдательные пункты. На каждой из этих бронированных бетонных башен находился 6-тонный дальномер – огромный бинокль. За морем постоянно наблюдали и по телефону мгновенно могли связаться с командованием крепости. Телефонной связи придавалось огромное значение: после русско-японской войны и Порт-Артура русские были сильно «травмированы» отсутствием быстрой связи с Большой землей. Поэтому кабель проложили «на века» – его закопали на такую глубину, что он остался не тронутым и по сей день, хотя советские кабели давно были разворованы в 90-е годы любителями металлолома.

БОЛОТО НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВА

Кстати, наблюдения велись даже с воздуха. При Красной Горке числился воздухоплавательный отряд. Недалеко от форта находилась вышка, с которой на высоту 1 километр поднимался воздушный шар с артиллеристом-наблюдателем,

Бетонные
38-метровые
башни – глаза
«слепой»
подземной
крепости

чтобы передавать, если понадобится, по телефону в командный пункт координаты вражеских кораблей.

Природные особенности местности были использованы, чтобы не дать возможному противнику атаковать форт с суши. Едем по старой шведской дороге, переезжаем мостик, под которым течет неприметный ручеек. Справа – насыпь с одноколейной железной дорогой.

– Это не просто речушка, это военное гидротехническое сооружение, гений русской инженерной культуры 1910 года, – объясняет Александр Сено-трусов. – Слева от железной дороги находится глубоководное болото Ярвенсуо. По замыслу строителей Красной Горки оно выполняло сразу две функции. Во-первых, являлось источником воды для форта. Во-вторых, обратите внимание на эту речушку, журчащую под полотном железной дороги. Это единственное место, где вода вытекает из болота в Финский залив. Если комендант форта узнавал, что противник хочет взять форт с суши, то он отдавал приказ опустить в этом месте стальную заслон, преграждающий течение речки. За трое суток болото Ярвенсуо поднималось на высоту железнодорожной насыпи. В итоге вся территория с этой стороны форта оказывалась под водой и становилась непроходимой для тяжелой техники. А брать подземную крепость с винтовкой в руках вплавь – бессмысленно.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ ФОРТОВ-БЛИЗНЕЦОВ

Оба форта – и Ино, и Красная Горка – были укомплектованы 3-тысячным гарнизоном и готовы к обороне Петрограда во время Первой мировой войны. Но им так и не пришлось сделать ни одного выстрела: немецкие военные корабли не приближались к Финскому заливу, и форты-защитники остались глубоко в тылу.

Александр
Иванович
Сенотрусов
защищает
Красную Горку
уже много лет

После революции судьбы фортов-близнецов сложились по-разному. Ино, расположенный на северном берегу залива, оказался на территории Финляндии. Оставлять его финнам было нельзя: орудия Ино, оказавшись в руках противника, могли держать под контролем всю акваторию Финского залива. Поэтому его решено было взорвать. Взрыв был произведен по телефону с Красной Горки – по тому самому кабелю, проложенному по дну Финского залива от одного форта до другого. От Ино остались одни руины. Красной Горке повезло больше, хотя мысль взорвать и эту крепость тоже посещала новое большевистское правительство, опасавшееся прихода немецких войск. Крепость была заминирована, но ее подрыв так и не состоялся, хотя по досадной случайности – кто-то из историков говорит об ударе молнии, кто-то о саботаже – в 1918 году семь погребов боезапаса с орудиями взорвались. Последующие три года истории Красной Горки были созвучны истории всей страны, потонувшей в Гражданской войне. В июне 1919 года в форте вспыхнул белый мятеж – остатки «царского» гарнизона и солдаты двух кронштадтских крепостных полков вместе с комендантом Неклюдовым восстали против большевиков. Вместе с ними восстали и батареи Серая Лошадь и Обручев. Красная Горка просила помощи у англичан, чьи корабли стояли к тому времени в акватории Финского залива, и у белого Северного корпуса, но те узнали о восстании слишком поздно: из Кронштадта пришли линкоры «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» и подавили мятеж. По иронии судьбы в 1921 году ситуация повторилась с точностью до наоборот: в Кронштадте вспыхнуло восстание против большевиков, и теперь уже красные артиллеристы Красной Горки расстреливали из орудий «белогвардейский» Кронштадт.

Мемориал
к 100-летию
Первой мировой
войны

СПАСИТЕЛИ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА

Форт Красная Горка все-таки имел возможность доказать свою незаменимость. Сначала форт принимал участие в советско-финской «зимней» войне 1939 года: дальность орудий позволяла расстреливать укрепления финнов на северном берегу Финского залива. В годы Великой Отечественной войны Красная Горка оказалась на территории Ораниенбаумского плацдарма,

орудия форта стали фактически основой обороны небольшого клочка суши – Ораниенбаумского пятачка, так и не занятого неприятелем. Именно благодаря форту советским войскам удавалось удерживать линию фронта вплоть до снятия блокады Ленинграда в 1944 году. Иногда орудия Красной Горки совершали почти невозможное: партизаны сообщили о скоплении под Гатчиной на железнодорожном узле составов с боеприпасами и вооружением. От форта это около 45 километров, стрельба на такую дальность орудиями не предусмотрена. Но артиллеристы решились на обстрел, зарядив орудия специальными форсированными пороховыми снарядами образца 1931 года, которые – при частом применении – могли бы разрушить стволы. Залп был дан, железнодорожный узел был уничтожен.

– Ораниенбаумский плацдарм охраняли восемь 12-дюймовых орудий Обуховского завода, – объясняет Александр Сенотрусов. – Это настоящие гиганты – 14-метровой длины ствол, снаряд весом полтонны летел на расстояние 25 километров!

...Послевоенная жизнь форта Красная Горка сначала складывалась успешно – его отремонтировали, оснастили новой техникой и современными

Полуразрушен-
ные бетонные
бойницы

орудиями, поставили радиолокационную станцию. Но в 1962 году было принято решение расформировать форт, потому что настала эпоха ракет, а ствольная артиллерия уже изжила себя. Красная Горка стала местом хранения боеприпасов Большеижорского арсенала, а в 1975 году там создали небольшой музей. Тогда мало кто догадывался, что Красной Горке еще предстоит бой за само свое существование...

«МЫ СИДЕЛИ НА ДЕРЕВЕ И КРИЧАЛИ: «УРА!»

В 90-е годы сам форт, ставший практически «ничьим», оказался беззащитным перед местными любителями металлолома – увозили все, что только можно. Как оказалось, это только полбеды: 500 гектаров земли на берегу Финского залива стали лакомым кусочком для многих интересующихся.

– Форт Красная Горка еще в советское время был включен в

Столетние
пушечные
стволы

список Всемирного наследия ЮНЕСКО, – говорит Александр Сенотрусов. – Но это было никак не оформлено: ни границ земельных территорий, ни списка объектов. Неудивительно, что форт попытались «списать» и распродать по частям для строительства элитного коттеджного поселка.

Битвы за форт велись в течение нескольких лет. С одной стороны – местные чиновники и военные, с другой – местные жители, которым была не безразлична судьба героической Красной Горки. Силы были неравны – постепенно из форта вывозились дореволюционные и советские орудия, что-то отправлялось в другие музеи, что-то и вовсе сдавалось на металлолом. Апогей наступил в 2007 году, когда военные решили продать легендарные железнодорожные транспортеры ТМ-1-180 и ТМ-3-12, которые помогали обороне Ленинграда во время войны. Покупатель нашелся быстро, он же прислал огромные строительные краны,

Крест на могиле
неизвестного
солдата

чтобы поднять и вывезти много-тонные музейные транспортеры с их «вечной» стоянки.

– Нас, защитников форта, было всего несколько человек, – вспоминает Александр Сенотрусов. – Мы писали во все инстанции, всем газетам и телеканалам – призывали помочь и спасти ценные орудия. Тем более мы понимали: стоит вывезти мемориальные транспортеры, и будет решено, что в форте нет ничего ценного, поэтому эту землю можно спокойно продавать. Но реакции на наши крики не было. С января мы по очереди несли вахту на территории Красной Горки, так досаждая рабочим, что была нанята охранная организация, запрещающая «посторонним» присутствовать во время погрузки. Мы залезли на окрестные деревья и сидели там, бесильно наблюдая за разборкой транспортера ТМ-1-180. Мы уже ничем не могли ему помочь. И случилось чудо: он помог себе сам. У этого транспортера была особенность, о которой погрузчики не знали: после «зимней» войны у него повреждена одна из шестеренок, поэтому самопроизвольно задирается на 37 градусов ствол. А он, между прочим, весит 8 тонн! И когда крановщик скомандовал «Подъем!» и стал пытаться

Мемориал
памяти моряков
Балтийского
флота

Форт Ино
взорвали,
а его южный
брат-близнец
уцелел

ствол отсоединить от тела транспортера, то ствол вдруг задрался вверх, удавка троса с него соскользнула, а строительный кран упал. А мы с деревьев закричали: «Ура!», потому что таким способом мы выиграли как минимум сутки. В эти дни в стране активно обсуждалась тема Бронзового солдата – памятника павшим в Ве-

ликую Отечественную войну воинам в Таллине, который хотели снести и перенести в другое место.

– Шум вокруг Бронзового солдата сыграл нам на руку, – считает Александр Сенотрусов. – Телевидение неожиданно увидело параллель между эстонскими событиями и безобразием, творящимся в форте Красная Горка. Почему мы так громко возмущаемся поведением прибалтийских соседей, а сами позволяем разрушать свои собственные военные памятники? И к нам приехало сразу несколько съемочных групп разных телеканалов, поднялась шумиха, и Росохранкультура вывоз музейных транспортеров запретила. После этого меня вызвал один из высоких чинов военно-морского флота и пообещал, что больше претендовать на транспортеры никто не будет. Так что этот бой Красная Горка выиграла.

ТО РАДИАЦИЯ, ТО РЕКОНСТРУКТОРЫ

Во флоте сдержали слово, уже почти десять лет форт Красная Горка существует в статусе «народного музея». Им занимаются добровольцы из военно-исторического общества «Форт Красная Горка», состоящего из местных жителей, историков, краеведов и военных реконструкторов.

Все работы в форте они делают на свои деньги, изредка получая небольшие гранты. Туристов, которые приезжают сюда каждые выходные, тоже водят по подземельям форта сами. – У нас у людей «патриотизм» включается 9 Мая, в день начала блокады Ленинграда в сентябре, в даты прорыва и снятия блокады в конце января, – говорит Александр Сенотрусов. – В эти дни наплыв гостей на Красной Горке очень большой, но обычно здесь достаточно тихо. Но у нас катастрофически не хватает экскурсоводов, ведь у нас все на добровольных началах. Даже фиксированной

платы за экскурсию нет, каждый оставляет пожертвование по мере возможности. Впрочем, покой защитникам Красной Горки только снится. В начале 2016 года им пришлось опять «встать на вахту» и днем и ночью караулить свой старый форт – серьезные люди предупредили их, что готовится очередная провокация. Это оказалось правдой: неизвестный молодой человек под видом туриста пришел на территорию форта. В руках у него был некий непонятный баллончик. Когда краеведы пришли проверить, что он делает возле орудий, он уже уходил.

Экспозиция в подземелье форта. По праздничным датам здесь много туристов, в остальное время – тишина

А на следующий день он сообщил журналистам, что, оказывается, мемориальные транспортеры «фонят»! – Опять приехали телекамеры, вызвали дозиметриста с атомной станции в Сосновом Бору, был громкий скандал, – вспоминает Александр Иванович. – К счастью, оказалось, что пораженная поверхность – размером всего с пару сантиметров, мы просто удалили этот кусок металла. Выяснить, каким образом это непонятное радиоактивное вещество попало на наши транспортеры, нам пока не удалось. Но логика злоумышленников понятна – если орудия дают повышенный радиационный фон, их надо срочно вывозить и утилизировать. И земля форта опять становится «открытой» для строительства!

А в сентябре возникла новая проблема, теперь уже от своих же коллег-реконструкторов: один из петербургских военно-исторических клубов решил «позаимствовать» для празднования 70-летней годовщины подвига авроровцев 130-миллиметровую корабельную пушку Б-13, которая с 1975 года находится на территории Красной Горки. Клубу удалось каким-то образом согласовать вывоз пушки с местными властями. Защитники форта в очередной раз подняли шум на весь город, требуя, чтобы мемориальное орудие оставили на месте. И снова победили.

– Красная Горка много раз защищала Ленинград, но теперь форт нуждается в нашей защите, – говорит Александр Сенотрусов. – И пока мы живы, мемориал форта Красная Горка тоже будет жить. ♣

Между южным и северным берегом Финского залива – всего 17 километров

Ж. Вивьен.
Василий
Львович
Пушкин.
1823 (?) год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Герб рода Пушкиных

ПАРНАССКИЙ ДЯДЯ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ПОВЕЗЛО ЛИ ВАСИЛИЮ ЛЬВОВИЧУ? ОКАЗАЛСЯ ЛИ ОН В ТЕНИ ГЕНИАЛЬНОГО ПЛЕМЯННИКА – ИЛИ, НАОБОРОТ, ВЫДЕЛЕН ЭТИМ РОДСТВОМ ИЗ ВТОРОГО РЯДА, ИЗБАВЛЕН ОТ ЛЕТЕЙСКИХ ВОД, КОТОРЫХ ТАК БОЯЛИСЬ ТОГДАШНИЕ СТИХОТВОРЦЫ? САМ ОН, ЧЕЛОВЕК МЯГКИЙ, НЕ ОСОБЕННО ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ И ВО ВСЕ НЕ ЗАВИСТЛИВЫЙ, КАЖЕТСЯ, К ТАКОЙ ПОСМЕРТНОЙ СУДЬБЕ ОТНЕССЯ БЫ СО СПОКОЙНОЙ УЛЫБКОЙ.

ИСТОРИЯ РОДА ПУШКИНЫХ уходит в глубокую древность – не во времена Александра Невского даже, как считал великий поэт, а в XII век: именно тогда на Русь «из немцев» приехал легендарный Ратша. «Водились Пушкины с царями», служили при дворе, выполняли дипломатические поручения и храбро

воевали. На свадьбе сержанта Преображенского полка Александра Петровича Пушкина присутствовал Петр I, вероятно, потому, что женился тот на дочери царского судостроителя, юной красавице Евдокии Головиной. Через четыре года Пушкин зарезал в припадке бешеной ревности беременную третьим ребенком жену, явился с повинной,

был арестован, затем отдан на поруки братьям – и внезапно умер, ненадолго пережив жену. Дети, Лев и Марья, остались сиротами. Им досталась семейная усадьба на Божedomке в Москве; деревни, в том числе Болдино, получил в наследство сын Лев.

Лев Александрович был с детства записан в Семеновский полк. В юности пошел служить, дослужился до майора; впрочем, был, как и отец, горяч и ревнив: избил однажды венецианского подданного, который жил в семье и преподавал итальянский, французский и греческий языки, из ревности к жене. Дело о побоях было прекращено по императорскому повелению. Жена, Мария Матвеевна, урожденная Воейкова, через три года умерла, оставив троих сыновей. Лев Александрович вышел в отставку и женился на Ольге Васильевне Чичериной, дочери полковника Семеновского полка. В этом браке родились четверо детей: Василий, Анна, Сергей и Елизавета. Василий, рожденный в 1766 году, нежно любил братьев и сестер. Характер у него с детства был мягкий и покладистый...

Лев Александрович был богат: имел более 3 тысяч душ. Василию и Льву со временем достались в наследство довольно крупные состояния – по 1200 душ каждому. Сыновья, привыкшие жить на широкую ногу, в конце концов промотались, имения их оказа-

лись обременены долгами. Когда Василий Львович умер, племяннику его Александру Сергеевичу должна была отойти по наследству дядина часть Болдина, но денег на выплату долгов у поэта не оказалось, и часть эту пришлось продать. Сергей Львович передал сыну в управление свою часть, но и на ней было 190 тысяч долгу, а половина предполагаемого дохода уходила в уплату процентов казне.

Братья Пушкины отличались образованностью, оба писали стихи, оба владели французским как родным. Василий Львович изучал еще итальянский, английский, немецкий, латынь. Много читал, хорошо разбирался в литературе. Когда он вышел в свет, это сделало его желанным гостем и участником самодеятельных спектаклей, которыми развлекалась дворянская молодежь. Филипп Вигель, младший друг Василия Львовича, вспоминал: «В восемнадцать лет на званых вечерах читал он длинные тирады из трагедий Расина и Вольтера, авторов мало известных в России, и таким образом знакомил ее с ними; двадцати лет на домашних театрах играл он уже Оросмана в «Заире» и писал французские куплеты. Как мало тогда надобно было для приобретения знаменитости».

Василий Львович охотно упражнялся в салонных литературных играх: прекрасно составлял буримы, писал рассказы на заданные

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Иванович
Дмитриев
(1760–1837),
поэт,
баснописец,
государственный
деятель

слова... Именно так, на заданные слова «простота, кораблекрушение, надежда, война, насекомое, гром, ручей, селение, ладя, торжество, обольщение», он написал повесть «Любовь первого возраста», опубликованную в 1815 году. Биограф его Наталья Михайлова замечает: «Рассказ о первой любви Василия Львовича интересен нам потому, что в нем создан его автопортрет в молодые годы. <...> Вспоминая накануне дня своего рождения свою первую любовь, Василий Львович пишет об искренности, нежности первого чувства, которое побуждало его писать и прозу, и стихи – отправленные письма к возлюбленной он читал с восторгом брату, единственному поверенному своего сердца; на стене домика, давшего ему приют во время грозы, он «писал... стихи и прозу в честь Зюльмеи».

Храм
Живоначалной
Троицы
в Троицкой
слободе,
в котором
был крещен
и венчался
В.Л. Пушкин

ВСЕ ЭТО ОДЫ НЕ ВНУШИТ

Лев Пушкин умер в 1790 году, когда братьям Василию и Сергею было 24 и 23 года. Все это время они вели обычную жизнь светских повес. После смерти отца обоим пришлось взрослеть. Оба они были записаны в Измайловский полк с 1773 года – с 5–6 лет, с 1777-го числились сержантами. И оба отравились служить в Петербург. Блестящей карьеры не сделали. Через год стали прапорщиками, еще через три – подпоручиками; наконец, в 1796 году Василий Львович получил чин поручика и вышел в отставку. О службе его известно мало, нареканий не имел. Как и большинство молодых офицеров, охотно поддавался соблазнам столичной жизни – хотя не отличался любовью ни к попойкам и кутежам, ни к карточной игре. Постепенно он понимал, что военная служба – совсем не то, чему он хочет посвятить свою жизнь, гораздо больше его волнует литература. «Сближение, а потом и дружба с И.И. Дмитриевым, знакомство через него с Г.Р. Державиным и литераторами державинского круга – поэтом, драматургом, переводчиком В.В. Капнистом, поэтом И.Ф. Богдановичем, возможно, Н.М. Карамзиным (во всяком случае, еще до отставки В.Л. Пушкина, в марте 1796 года, Николай Михайлович пишет из Москвы в Петербург и просит передать Василию Львовичу письмо от него), общение с А.М. Пушкиным, не чуждым литературных занятий, – все это побуждало к творчеству», – пишет Наталья Михайлова.

Когда много лет спустя молодой и пылкий племянник Александр, решив идти в кавалерию, обратился к дяде за советом, тот ответил ему в стихах: «Ты скажешь: «Перестань, болтун! // Будь человек, а не драгун; // Парады, караул, ученья – // Все это оды не внушит, // А только душу иссушит...» И прямо советовал молодому поэту ступать «к слепой Фемиде иль дипломатике косою» и оставить «военные грехи».

И Я ПИИТ!

Сам он, оставив военные гре-
хи, занялся творчеством. Как
стихотворец он дебютировал
в 1793 году в журнале «Санкт-
Петербургский Меркурий», где
опубликовал стихотворение
«К Камину» – своеобразный пе-
реход от державинской тра-
диции к карамзинской. С од-
ной стороны, в стихотворении
выведена целая череда совре-
менников, занятых глупой суетой –
Глушомотов, Прыгушкин,
Скотинин, Пустяков. С другой
стороны, им противопоставлен
лирический герой, отказавшийся
от светской суеты:

...Мне нужды нет,
что я не знатный господин,
Мне нужды нет,
что я на балах не бываю
И говорить бон-мо
насчет других не знаю,
Бо-монда правила
не чту я за закон,
И лишь по имени
известен мне бостон.
Обедов не ищу,
незнаю я, но волен,
О, милый мой Камин,
как я живу доволен!
Читаю ли я что
иль греюсь, иль пишу,
Свободой, тишиной,
спокойствием дышу.

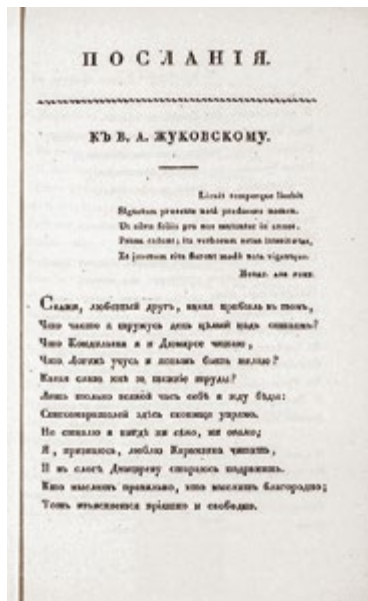
В финале стихотворения пере-
числяются не только традицион-
ные гражданские добродетели
эпохи классицизма («...честным
быть, // Законы почитать, отече-
ству служить»), но и новые иде-
алы мыслящего и чувствующего
человека: «Любить моих друзей,
любить уединенье, // Вот сердца
моего прямое утешенье!» Сти-
хотворение это вызвало целую
волну подражаний – обращаться
в стихах к камину стало прямо-
таки хорошим тоном.

Позднее – может быть, под вли-
янием Дмитриева, которого всю
жизнь считал учителем, – он
отошел от тяжеловесной класси-
цистской сатиры, сосредоточив-
шись на лирике. Впрочем, друг
его Батюшков назвал однажды
музу Василия Пушкина «вя-
лой» – и точно, чего-то ей недо-
стает, чтобы стихи взлетели. Да
и писал он их не так уж много.

Обложка
прижизненного
издания
стихотворений
В.Л. Пушкина
и первая
страница
сборника
с посланием
к Жуковскому
(С.-Пб., 1822)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Он, кажется, сам еще не может
поверить, что он тоже пиит.
Хотя сразу включается в лите-
ратурную полемику – это, пожа-
луй, особая примета его стихов:
Василий Львович, кажется, не
может написать ни одного мало-
мальски длинного текста, чтобы
не вставить шпильку литератур-
ным противникам или не по-
хвалить литературных друзей.
В послании к Жуковскому, на-
писанном в 1810 году, Васи-
лий Пушкин излагает свои
литературные воззрения, отча-
янно споря с архаистами, сно-
ва и снова утверждая легкость
и свободу, идеал которой он ви-
дит в стихах Карамзина и Дми-
триева:

В славянском языке
и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский
гоню и ненавижу.
В душе своей ношу
к изящному любовь;

Творенье без идей
мою волнует кровь.
Слов много затвердить
не есть еще ученье,
Нам нужны не слова –
нам нужно просвещение.

Афористический финал стихо-
творения стал крылатым выра-
жением, которое однажды про-
цитировал даже литературный
противник карамзинистов ад-
мирал Шишков.

Послание к Дашкову, создан-
ное в 1811-м, такое же горячее
и меткое:

Невежда может ли
отечество любить?
Не тот к стране родной
усердие питает,
Кто хвалит все свое,
чужое презирает,
Кто слезы льет о том,
что мы не в бородах,
И, бедный мыслями,
печется о словах!

Именно теперь муза Василия
Пушкина просыпается, рас-
правляет крылышки, взлетает –
и оказывается, что помимо кры-
лышек у нее есть еще и острое
жало. Тогда же, в 1811 году, Ва-
сий Львович создал и луч-
шее свое произведение – поэму
«Опасный сосед». Поэма, соб-
ственно, о том, как сосед Буянов
увлекает рассказчика в публич-
ный дом к девкам, но устраи-
вает там дебош – и рассказчику
приходится несолоно хлебав-
ши убираться восвояси. Поэма
ходила в списках по рукам; ее
сразу прочитал и юный Саша
Пушкин, которому по возра-
сту читать ее и вовсе не полага-
лось, – восхитился, полюбил – и
потом привел опасного соседа в
гости к Лариным...

Дом П.В. Кетчер
на Старой
Басманной.
В этом доме
с 1824 по 1826 год
жил Василий
Львович Пушкин.
Здесь бывали
И.И. Дмитриев,
Д.В. Давыдов,
А.А. Дельвиг.
Фото 1950-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ХЛОЯ

Но это мы забежали далеко вперед. Вернемся в конец XVIII века: Василию Львовичу под 30, он влюблен и пишет нежные стихи о прелестной Хлое. Хлою зовут Капитолиной, ей 17 лет, и все считают ее красавицей. Василий Пушкин и Капитолина Вышеславцева обвенчались в 1795 году. Вскоре он вышел в отставку и поселился вместе с матерью, сестрами и женой в новой усадьбе в Малом Харитоньевском переулке – этот дом купили вместо старого, на Божедомке. Брат жены, Михаил Вышеславцев, кстати, составил антологию русской духовной лирики; в нее вошли и созданные Василием Львовичем ирмосы – поэтическое переложение творения инокини Кассианы, исполненное искреннего религиозного чувства. Это единственные известные нам духовные стихи Василия Пушкина. В 1796 году он опубликовал у Карамзина в «Аонидах» стихотворение «Суйда» – о поездке вместе с женой на мызу Суйда, принадлежавшую дяде Надежды Осиповны Ганнибал (она к этому времени уже вышла замуж за Сергея Львовича). Здесь он мечтает об идеале дворянской жизни (полвека спустя Обломов будет точно так же мечтать о нем, а Штольц припечатывает эти мечты словом «обломовщина»):

*Я Хлое говорил: «Послушай, для покоя
Такое же село, как Суйда, я куплю
И буду жить с тобой там
в домике прекрасном!
Нас милые друзья
там будут посещать,
А мы под небом ясным,
С сердцами чистыми,
их станем угощать».*

Он пишет басни, пишет подражания Горацию, пишет эпиграммы, посвящения – цитировать их не особенно интересно; печатается в «Вестнике Европы»...

Идиллической жизни с Хлоей не получилось: брак дал трещину уже в 1802 году. Капитолина Михайловна подала на развод, сославшись на то, что муж изменил ей с вольноотпущенной девкой Аграфеной Ивано-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вой (и девка Аграфена в самом деле была, и даже ездила с Василием Львовичем в Париж «и другие немецкие города», как говорилось в прошении о разводе).

С ИГОЛОЧКИ ОДЕТ...

В Париж Василий Львович ездил в 1803 году – через Ригу, Данциг и Берлин. В Париже ему было интересно все, он встречался с актерами и литераторами, брал уроки декламации у знаменитого трагика Тальма. Был представлен первому консулу Наполеону и написал о нем Карамзину: «Физиономия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежливо. Аудиенция продолжалась около получаса» – это все! Дальше перескочил на предметы, гораздо больше его интересующие: «Там, в большой зале, стоит картина, изображающая Федру с Ипполитом. Она есть славное произведение живописца Гереня...»

После Парижа он побывал в Лондоне, из-за границы привез превосходную, тщательно отобранную библиотеку. В Москву вернулся разодетый по последней моде – и Вяземский вспоминал: «Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголки с головы до ног; прическа à la Titus, углаженная, умащенная huile antique. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать свою голову». В Москве он снова окунулся в светскую жизнь. Стал членом Английского клуба, вошел в число основателей Общества любителей российской словесности. Рассказывал о Париже, спорил о литера-

Василий
Львович Пушкин.
Гравированный
портрет
С. Галактионова.
1822 год

туре, сочинял буримы и экспромты – большой ребенок, наивный, добродушный, смешной. Казалось, он наслаждается вниманием, светской жизнью – да и письма его, полные сплетен, кажутся неглубокими, поверхностными, легкими. Тяжестью он с окружающими делился редко – и то выглядело комично: Вяземский вспоминал, как Василий Львович утешал своего камердинера, которому изменила жена: «А и я был рогагоносца!»

Капитолина Михайловна сама хотела выйти замуж за другого; злые языки поговаривали, что она ждет ребенка – и не от мужа; дело о разводе длилось несколько лет. Василий Львович сначала согласился развестись, признав вину, затем опомнился, утверждал, что любит жену и не хочет с ней разводиться, что признание он написал «в беспамятстве»... Впрочем, супругов развели. Капитолина Михайловна вышла замуж за сослуживца мужа Мальцова – и была счастлива в этом браке. А Василий Львович, как виноватая сторона, больше не имел права жениться.

В 1810 году он встретил 16-летнюю Анну Ворожейкину, которую полюбил и с которой прожил остаток жизни; у них было двое детей, дочь Маргарита и сын Лев, но дети писались Васильевскими, не имея права ни на фамилию отца, ни на дворянство, ни на наследство. И все попытки Василия Львовича узаконить детей тоже не дали никакого результата; официально он считался бездетным. В конце жизни, чтобы не обездолжить жену и детей, ему пришлось писать заемные письма: он якобы взял у купеческой дочери Ворожейкиной 110 тысяч рублей в долг – и она теперь может пользоваться его имуществом, включая его богатейшую библиотеку. Анна Ворожейкина была девушка очаровательная, смешливая – и когда Василий Львович повез в Петербург племянника Сашу поступать в лицей, Анна Николаевна поехала с ним; Иван Пущин вспоминал прелестную девушку, которая любила «побалагурить и пошалить» с мальчишками.

1810–1811 годы во многих отношениях рубежные для Василия Львовича. Он начинает новую жизнь с Анной Николаевной. Он становится отцом: на свет появляется дочь Маргарита. Он вступает в масонскую ложу, как многие тогдашние дворяне – но ищет не столько полезных знакомств и связей, сколько осмысленного служения добру. Масоном он оставался до 1822 года, когда масонские ложи были запрещены в России, и занимал высокие посты в ложе; некоторые исследователи считают, что история Василия Пушкина, которого оставила красавица-жена и который обратился к масонству, послужила Льву Толстому основой для создания образа Пьера Безухова (кстати, и сам Пушкин с его знаменитыми буриме упоминается в черновиках романа). Сейчас он начинает писать совершенно по-новому. И, наконец, начинает тесно общаться с подростком племянником, который теперь не дает выгнать себя из комнаты, когда там идут взрослые разговоры, потому что он уже все равно слышал «Опасного соседа». Опубликовать поэму, разумеется, было невозможно; ее знали в списках, а Пушкина знали прежде всего как ее автора. Многочисленные перекидки с европейской литературой, свирепая полемика с архаистами (их книги читают девицы в борделе, а автор это ехидно комментирует) и, главное, совершенно новое качество текста – все это восхитило читателей. Никогда прежде Василий Пушкин не бывал так легок, так остроумен; никогда прежде стих его не был так послушен и динамичен. Борятинский удивлялся: «Откуда взял Василий непотешный // Потешного Буянова?..» – и предполагал, что тут не обошлось без помощи черта.

Сейчас заметно, как органично вошел «Опасный сосед» в поэтику молодого Пушкина, чем обогатил ее, какое наследство дядя оставил своему племяннику, не оставив ему никакого другого богатства.

Портреты
В.Л. Пушкина.
Рисунки
А.С. Пушкина.
1826 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОЙНА

Когда началась война 1812 года, Василий Львович был уже немолод – 46 лет, он тучен, нездоров, обременен семьей – одним словом, не воин. Вокруг разговаривали о Наполеоне – он молчал. Он увез семью из Москвы в Нижний Новгород, поселился в избе на окраине, много болел сам, болели домашние. В декабре 1812 года он писал Вяземскому: «Я вижу из письма твоего, что ты грустишь о Москве, но как и не грустить о кормилице нашей? Другой Москвы не будет, и час от часу разорение столицы нам будет чувствительнее. Я потерял в ней все движимое мое имение. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека, все сторело. Я ничего вывезть не мог; денег у меня не было, и никто не помог мне в такой крайности. Что делать? Я благодарю теперь Бога, что он осенил щитом своим храбрые наши войска, поражающие бегущего злодея. <...> Ты спрашиваешь, что я делаю в Нижнем Новгороде? Совсем ничего. Живу в избе, хожу по мо-

розу без шубы, и денег нет ни гроша. Вот завидное состояние, в котором я теперь нахожусь». После победы он написал стихотворение, которое положили на музыку и пели на одном из московских праздников: *Цвети, Москва! Среди стен твоих, Коварством, злобой сокрушенных, России славу видим в них И дней начало вождельных!* Об этом празднике Пушкин написал по-французски для выходившей в Петербурге французской газеты; написал и французские куплеты, посвященные Русской армии в Париже, куплеты радостные и миролюбивые, исполненные дружелюбия к народу побежденной страны.

ВОТ И СВЕРЧОК

После войны настоящей мирный и добродушный Василий Львович вступил в войну литературную. Враг был давний – архаисты. Поводом для войны стала комедия Шаховского «Липецкие воды», где в образе поэта Фиалкина был выведен Жуковский. История возникновения «Арзамаса» всем хорошо известна, нет нужды ее повторять. Василий Львович стал одним из арзамасских «гусей», причем при вступлении друзей особенно долго его мучили вступительными ритуалами, пародирующими масонские. Василия Львовича хотели наречь Пустынником (имена, как известно, выбирали из стихов Жуковского), но сам он предпочел частицу Вот, к которой потом присоединилось почетное добавление Вот я Вас. Его избрали старостой кружка, и для старосты должны были к каждому сборищу жарить отдельного гуся. Он и в самом деле был старшим из арзамасцев – и, может быть, по легкости, остроумию, склонности к шутке, по непримиримости к литературным противникам и по добродушию своему действительно был незаменим в роли старосты. Шутки молодых друзей заходили, однако, слишком далеко; когда Василий Львович прислал с дороги несколько не особенно удачных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

экспромтов – просто чтобы держать друзей в курсе о происходящем, – арзамасцы возмутились, решили разжаловать его, переименовать из Вота в Вотрушку... Василий Львович собрался с духом и ответил на сей раз превосходными стихами, где укоризненно заметил:

*Я грешен. Видно,
мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив
ученый Арзамас,
И бедные стихи,
плод шутки и дороги,
По мнению моему,
не стоили тревоги.
Просодии в них нет,
нет вкуса – виноват!
Но вы передо мной
виновные стократ.
Разбор, поверьте мне,
столь едкий, не услуга:
Я слух ваш оскорбил –
вы оскорбили друга.*

Он напоминает, что никогда ему не приходило в голову смеяться над друзьями; сокрушается, что в дружеском кругу «острое словцо приязни всей дороже, // И дружество почти на ненависть похоже»... – и требует вспомнить: «Прямая наша цель есть польза, просвещение, // Богатство языка и вкуса очищение». «Таких стихов давно Пушкин не писал», – единогласно сказали арзамасцы и вернули старосте и должность, и имя Вот я Вас. А скоро к «Арзамасу» присоединился Пушкин-младший, арзамасский Сверчок – и в кружке заговорили о том, кто из Пушкиных кому в поэзии дядя. Племянник, откликаясь на шутки, почтительно подчеркнул: «Вы дядя мой и на Парнасе». Добрый и незавысокий Василий Львович искренне восхищался талантом племянника. В 1815 году читал его стихи «Гроб Анакреона» и «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» на заседаниях Общества любителей российской словесности – и не только в «Арзамасе», но и в обществе заговорили о втором Пушкине. И очень скоро второй Пушкин стал единственным. И теперь этот – единственный уже – Пушкин раздразнял, ког-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

да ему приписывали «Опасного соседа», и в «Онегине» специально назвал Буянова «дворянским братом» – чтобы не сочили сыном. А о сборнике стихотворений Василия Львовича написал Вяземскому: «Дядя прислал мне свои стихотворения – я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да не возможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром Доратом» (т.е. Дмитриевым). Скорей всего, речь не о человеческой, а о поэтической глупости – о том, что стихи, по мнению Пушкина-младшего, не стоящие «Опасного соседа», уже устарели. Молодой поэт освобождался от авторитетов, уходя в самостоятельную поэтическую жизнь, а дядя постариковски бранил романтизм. Теперь племянник с безрассудством молодости, во всем упоении талантом измывался над искренними, хотя и несовершенными стихами дяди на смерть любимой сестры, подшучивал над ним – а дядя огорчался. Теперь уже не дядя влиял на племянника, а племянник на дядю. Последняя поэма Василия Львовича, «Капитан Храбров»,

К. Гампельн.
Сергей Львович
Пушкин. 1824 год

написана в явном диалоге с «Евгением Онегиным» и «Графом Нулиным» – но не окончена.

Они не виделись десять лет – но в 1826 году младший Пушкин заехал к старшему сразу после разговора с Николаем I. О чем говорили два поэта – неизвестно.

Василий Львович постарел, лысел, еле ходил из-за подагры; иногда не мог писать, потому что отказывала рука. Главной заботой его стала попытка обеспечить семью; он пытался продать Болдино, из этого ничего не вышло. В последние годы племянник часто навещал дядю – и в их отношения, кажется, вполне вернулось былое тепло.

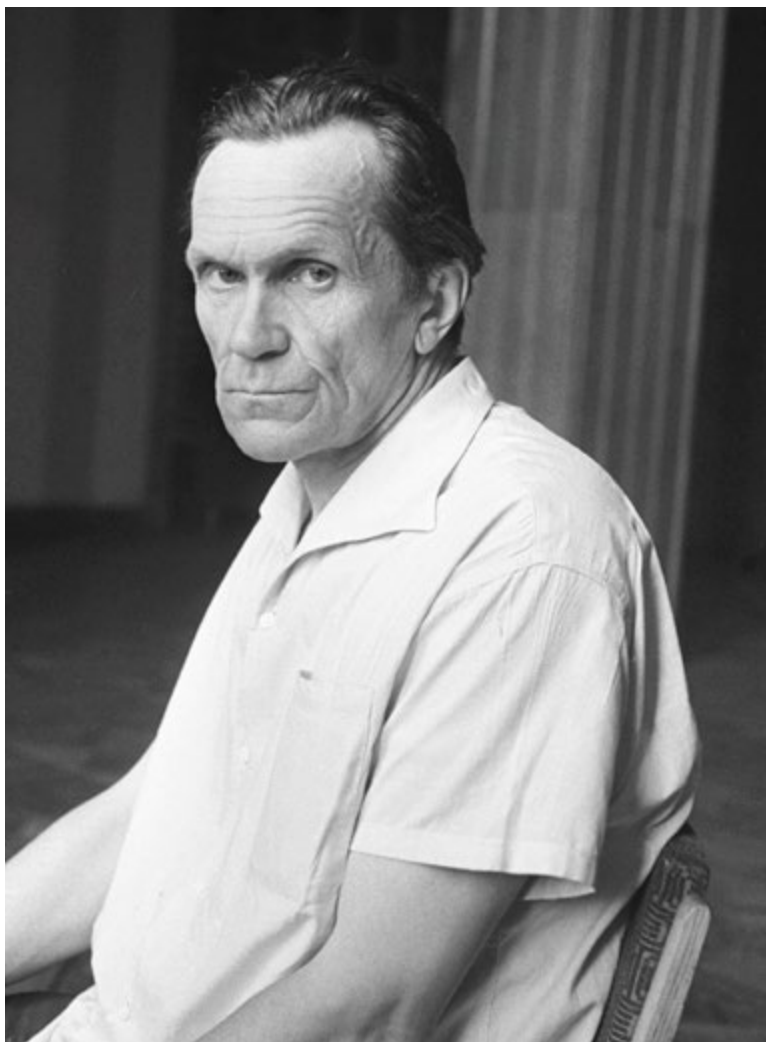
Один из друзей Василия Львовича в эти годы, литератор Кононов, запомнил его таким: «Старик, чуть движущийся от подагры, его мучившей, небольшой ростом, с открытой физиономией, с седыми, немногими оставшимися еще на голове волосами, очень веселый балагур – вот что я видел в нем при первом свидании. При дальнейшем знакомстве я нашел в нем любезного, доброго, откровенного и почтенного человека, не гения, каким был его племянник, даже не без предрассудков, но человека, каких немного, человека, о котором всегда буду вспоминать с уважением и признательностью».

Умер Василий Львович тихо, во время соборования. Перед смертью успел сказать племяннику, который к нему приехал: «Как скучен Катенин!» «Это славно: это значит умереть под ружьем. Что-то мы скажем с тобой в смертный час?» – писал Вяземский Жуковскому.

Одно из последних стихотворений Василия Львовича – «Умиряющий ленивец».

*Ленивец Клит,
к Харону отправляясь,
«Как счастлив я! –
сказал своей жене. –
Приходит смерть!
С заботами прощаясь,
В земле лежать
не трудно будет мне!»*

Наверняка ему там не трудно. Хочется в это верить. ♀

А. ЛЕСС / ФОТОХРОНИКА ТАСС

«Я Б ВЫДУМЫВАЛ БЕЗ СВЕЧКИ ТЕПЛЫЕ СЛОВА»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

НАВЕРНОЕ, НИКТО ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НЕ СТАЛ ТАКИМ ЗАЛОЖНИКОМ БИОГРАФИИ, КАК ВАРЛАМ ШАЛАМОВ. БИОГРАФИЯ ЭТА – ПОДЛИННО СТРАШНАЯ, – КАЗАЛОСЬ БЫ, НЕ ОСТАВЛЯЕТ ПРОСТОРА ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ТВОРЧЕСТВА. ЛЕТОПИСЕЦ КОЛЫМЫ, ПРОТОКОЛИСТ ГУЛАГА – ВОТ ПЕРВЫЕ АССОЦИАЦИИ. НО САМ ПИСАТЕЛЬ НЕ РАЗ ПРИЗНАВАЛСЯ, ЧТО О ЛАГЕРЕ ОН ПИСАЛ «НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЭКЗЮПЕРИ О НЕБЕ ИЛИ МЕЛВИЛЛ – О МОРЕ». ОН СЧИТАЛ СЕБЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОЭТОМ.

В ИЮНЕ 1907 ГОДА В Вологде в семье священника, сочувствовавшего идеям революции и обновленческой церкви, и учительницы, оставившей работу из-за детей и хозяйства, родился сын. Варлам был младшим, пятым ребенком и, по собственным воспоминаниям, почти не подвергался «педагогическим экспериментам» авторитарного отца. Раннее детство он провел с азбучными кубиками.

По этим кубикам Варлам и выучился читать. И погрузился в книжный мир всей душой. Но домашняя библиотека оказалась слишком скудной – отец не любил художественной литературы, считал ее бесполезной. Не помогла и гимназия, куда Варлама отдали в 7 лет: «там были только учебники». Выручали библиотеки и одноклассники.

В школе Варлам Шаламов познакомился с Алешей Веселовским: семья Веселовских, известная выдающимися историками литературы, переехала в Вологду. Отец Алеши стал преподавать историю и литературу в Вологодском рабфаке, а сам мальчик попал в класс Шаламова. Они не могли не сойтись. «Мы читали на голоса «Песнь о Роланде», – вспоминал о друге писатель в «Четвертой Вологде», – выучили наизусть всего Ростана в переводе Щепкиной-Куперник и разыгрывали целые сцены то из

Варлам Шаламов. Вологда. 1908 год

«Орленка», то из «Сирано де Бержерака», то из «Принцессы Грезы», то из «Шантеклера». Позже, уже на излете школьных лет, к компании книгоцеев присоединился Сережа Воропанов, с которым мальчишки «переворачивали все библиотеки Вологды» и играли в литературные фантики – игру, придуманную Варламом и больше напоминающую пасьянсы.

ПОЭЗИЯ – ЭТО СУДЬБА

Мир литературы для юного Шаламова не был упорядоченным, в нем не было ни последовательности, ни иерархии, писатель признавался, что никто из взрослых – ни в школе, ни в семье – не пытался научить его разбираться в огромном массиве художественной прозы, привить вкус к стихам. Однако он, хоть и блуждая «зигзагами от Хлебникова к Лермонтову, от Баратынского к Пушкину, от Игоря Северянина к Пастернаку и Блоку», чувствовал, что это его мир. Это красноречиво иллюстрирует эпизод, когда Варлам решил показать одно из своих детских стихотворений отцу. Отец, не решаясь оценить сам, отдал стихи преподавателю русского языка. И хотя строфы были «разумеется, беспощадно слабыми», как признавался поэт позже, критика оказалась еще слабее. Преподаватель удостоил строки только грамматическим разбором. «Я со страхом увидел и услышал, что наш преподаватель литературы, как и мой отец, вовсе не понимает, не «слышит» стихов». Собственный дар будущим поэтом осознал уже тогда – не как мастерство, но как призвание. Потом он по-

Тихон
Николаевич
Шаламов,
отец писателя.
Вологда.
1905 год

вторит это не единожды в воспоминаниях и эссе: «Поэзия – это судьба».

По окончании школы Варламу Шаламову выдали характеристику: «Юноша с ярко выраженной индивидуальностью. <...> Имеет склонность к гуманитарным наукам». Отец разорвал бумагу, он видел будущее сына в медицине. Шаламов вернулся в школу, попросил написать новую характеристику, для мединститута. Классная руководительница Екатерина Куклина покачала головой: «Вы будете гордостью России, Шаламов. Высшее гуманитарное образование раскроет ваши большие способности».

Впрочем, нюансы характеристики для сына священника тогда уже ничего не определяли. Дорога в любой вуз была закрыта, поэтому в Москву в 1924 году Шаламов отправился не учиться, а зарабатывать рабочий стаж. Фабрично-заводской опыт тогда рассматривался как исправление классово-чуждых элементов.

РЕВУЩИЕ ДВАДЦАТЫЕ

Москва 20-х годов кружила в вихре самых противоречивых идей и теорий, здесь рождались самые невообразимые творческие союзы, проводились публичные лекции, митинги, выступления, диспуты. Все строили, как умели, новую жизнь. Молодой Варлам искренне хотел принять в этом строительстве самое деятельное участие, «попасть в самый кипящий котел тогдашних сражений». А это значило «переступить порог университета». Он рискнул, ушел с кожевенного завода, где работал дубильщиком, и в 1926 году поступил в МГУ на факультет советского права.

За «сокрытие социального происхождения» Шаламова по доносу однокурсника отчислят в 1928-м. Пока же он влился в новую жизнь, став свидетелем жарких университетских диспутов: пригодятся ли адвокаты новому строю, нужны ли будут поэзия, живопись, театр? Эти споры продолжались в университетском общежитии «на Черкасской». Конечно, студент Шаламов посещал и литературные кружки – выступления левых, собрания «Красного студенчества» Сельвинского, спектакли «Синей блузы», встречи у Брика. Разочаровался он в них довольно скоро. «Во всех этих кружках я не видел и не нашел главного, – писал Шаламов в своих поздних эссе, – ради чего надо заниматься поэзией. В Гендриковом (на квартире Маяковского. – Прим. авт.) был балаган, кто кого грубее перехамит, кто грубее оскорбит Блока <...> Третьяков отрицал искусство, а у Сельвинского была вообще абракадабра. <...> ни одного живого поэта, который действовал бы на меня как поэт, как носитель важных для меня поэтических истин». Исключение Варлам Шаламов делал только для Пастернака.

Сам Шаламов в это время писал много, но, не удовлетворенный результатом, не решался предлагать стихи в журналы. Только однажды отправил не-

Дом, в котором
писатель провел
детство

Преподаватели
и выпускники
вологодской
Единой трудовой
школы №6.
Шаламов
в нижнем ряду
в белой рубашке.
1923 год

сколько стихотворений любимцу тогдашней молодежи, футуристу Асееву, и одно – единственное уцелевшее из написанного в 1920-е годы – в «Красную новь».

*Игрою детской увлеченный,
Я наблюдаю много лет,
Как одноногие девчонки
За стеклышками скачут вслед.
Мальчишки с ними не играют,
А лишь восторженно галдят,
Когда такая вместо рая
Вдруг попадает прямо в ад.*

Редактор «Красной нови» назвал стихи «пастернаковскими» и печатать отказался. Асеев о пробах ищущего себя Шаламова отозвался аккуратнее: «Если это первые ваши стихи, то они заслуживают внимания», но при этом литератор напомнил о важности «лица необщего выраженья». В этом не очень приятном, снисходительном ответе, пожалуй, была и горькая правда: Шаламов и сам ощущал, что в его стихах не хватает остроты и полноты жизни. Это потом его страшного опыта с лихвой хватит для того, чтобы написать просто и сильно:

*Стихи – это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит
на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений,
даже самых точных,
И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире
взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы.*

Может, именно потому Шаламов и оказался членом подпольной троцкистской группы? По крайней мере, сам он объяснял это так: «Я опаздывал к жизни, не к раздаче пирога, а к участию в замесе этого теста, этой пьяной опары». В демонстрации, посвященной десятилетней годовщине Октября, он участвовал в рядах оппозиции. «Завещание Ленина», известное также как «Письмо к съезду» (письмо, написанное Лениным в 1922 году и дающее оценку его ближайшим соратникам, в том числе критическую характеристику Сталину. Было оглашено Крупской перед XIII съездом РКП(б) в 1924 году. – Прим. авт.), он помогал печатать и распространять, даже когда шли аресты студентов-оппозиционеров в 1928 году. Сам Шаламов был задержан в феврале 1929 года на квартире знакомой – Нади Никольской, где находилась подпольная типография.

Фото Шаламова
из следственного
дела. 1929 год

ЖИЗНЬ КАК АНТИРОМАН

Первый арест 21-летний Шаламов воспринял как испытание. В «Четвертой Вологде» он писал, что еще мальчиком, читая о революционере-террористе Борисе Савинкове, представлял, что и в его жизни настанет день, когда случится испытать давление государства и выдержать его.

Воспоминания Шаламова о Бутырской тюрьме, куда он был отправлен после ареста, полны стоицизма: «Здесь была возможность обдумать, продолжить и закончить дискуссию с Мережковским...» – писал Шаламов, вероятно, имея в виду тот спор, что он вел в юности на страницах своего несохранившегося дневника. – Здесь была возможность понять навсегда и почувствовать всей шкурой, всей душой, что одиночество – это оптимальное состояние человека. <...> Достаточно ли нравственных сил у меня, чтобы пройти свою дорогу как некоей единице, <...> Я надеялся, что и дальше судьба моя будет так благосклонна, что тюремный опыт не пропадет. При всех обстоятельствах этот опыт будет моим нравственным капиталом...»

Однако сурового приговора – три года концлагерей – Шаламов не ожидал. В то время, когда по аналогичным делам чаще отправляли в ссылку или политизолятор, такая мера казалась жесткой. В марте 1929 года Шаламова этапировали на Северный Урал – в 4-е Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) – туда же, куда гнали воров и убийц.

В 1931 году, уже когда Вишерское отделение СЛОНа стало самостоятельным лагерем, здесь начали испытывать программу так называемой перековки. Это был масштабный социальный эксперимент по переделке человеческой природы, который достиг своего страшного пика на Колыме в 1937–1938 годах. Из соображений экономической целесообразности лагерь был переведен на самообеспечение, была введена самоохрانا (заключенные следили друг за другом), устанавливались зачет трудодней и шка-

ла питания (что из-за фиктивных приписок «блатарей» порой доводило до большой крови).

В этой новой реальности ориентироваться было трудно, никакие прежние арестантские кодексы чести не работали, литературные авторитеты были бессильны. «Как все продумать? У кого найти помощь? – вспоминал свою озадаченность Шаламов. – Я твердо решился – на всю жизнь! – поступать только по своей совести. Никаких других мнений. Я возненавидел лицемеров. Честность, элементарная честность – великое достоинство». Потом он многое переосмыслит в своей жизни, но верность внутренней правде останется с ним навсегда и прозвучит во многих стихах.

*Не слушай соблазна,
Что бьется в груди,
От казни до казни
Спокойно иди.
Бреди по дороге,
Не бойся змеи,
Которая ноги
Кусает твои.*

В октябре 1931 года Шаламова досрочно освободили, и вскоре он вернулся в Москву, где снова пытался влиться в литературную жизнь. Благодаря знакомому по кружку Брика журналисту Леониду Волкову-Ланниту он устроился в журнал «За ударничество». Позже сотрудничал с журналами «За овладение техникой» и «За промышленные кадры». То, что газетная работа не способствует укреплению позиций в мире писательском, Шаламов понял довольно быстро, но обстановка того времени едва ли благоволила молодому и не особенно благонадежному литератору.

Хотя он и написал за тот период более сотни рассказов и столько же стихотворений, публиковали его крайне редко. Свет увидели лишь «Ганс», «Три смерти доктора Аустино», «Вторая рапсодия Листа», «Пава и древо». Прожить писательским трудом было невозможно, а ведь в 1934-м Шаламов женился – нужно было содержать семью.

Избранницей его стала Галина Гудзь, дочь работника Наркомпроса. Познакомились они еще

Варлам
Шаламов
с Галиной
и Марией Гудзь

на Вишере, куда Галина приехала проводить первого мужа. После встречи Гудзь и Шаламова в Москве роман закрутился сразу. В 1935 году у них родилась дочь Елена. Семейная идиллия продолжалась до второй половины 1936 года, до увольнения со службы старшей сестры Галины, Александры, за сомнительные знакомства. Стало ясно, что семья может пострадать и от лагерного прошлого Шаламова. По совету жены и тестя Шаламов написал заявление в НКВД с официальным отречением от троцкизма – этим о себе и напомнил. В январе 1937 года он был повторно арестован за контрреволюционную троцкистскую деятельность (КРТД) и приговорен к пяти годам заключения.

Варлам
Шаламов.
Вишера.
1929–1930 годы

ШАРАДЫ АДА

Колыма конца 30-х годов – это мир, отринувший все человеческое. Особенно страшен этот мир был для тех, кто прибыл туда, как и Шаламов, с клеймом КРТД. Таких заключенных бросали на самые тяжелые работы. Самый часто встречаемый повтор в воспоминаниях писателя о том времени: «На Колыму нас привезли умирать». Суть той нежизни он описал выражениями: «доплывали», «доходили», «скинулись от забоя до больницы».

Проскитавшись сам так пять лет, пережив цингу, дизентерию, дистрофию, постоянные побои и карцеры, он досчитался лишь до нового срока. В 1943-м его судили по доносу, в котором Шаламову приписывали антисоветскую агитацию, клевету на стахановское движение, восхваление гитлеровской армии и отнесение Бунина к русским классикам. Последнее – единственное, чего Шаламов не отрицал. Добавили ему десять лет. Слабая надежда продержаться до конца появилась лишь в 1945 году. К жизни в прямом и переносном смысле Шаламова вернул врач Андрей Пантюхов – он не только выходил умирающего писателя, но и дал направление на фельдшерские курсы. Окончив их в 1946 году, Варлам Шаламов стал работать фельдшером Центральной больницы Дальстроя.

Тут Шаламов снова начал писать стихи. Да, вовсе не рассказы об ужасах ГУЛАГа родились первыми, а пронзительные, дарящие тепло и надежду стихи. Они вернулись как «боль и защита от боли», как «точно камни, капли слез» и как «награда – постигать шарады ада». Поэт вспоминал, как торопился записать эти толпящиеся в нем неверные строчки на обороте медицинских бланков, на любых обрывках, любым карандашным огрызком. Они рождались в дни воскресные – Немногословны и тихи. Они, как звери, быстро выросли, Крещенским снегом крещены В морозной тьме, в болотной сырости. И все же выжили они.

В начале 1952 года Варлам Шаламов отправил две тетради стихов с оказией в Москву. Борису Пастернаку. Ответ пришел через полгода. «Вы слишком много чувствуете и понимаете от природы и пережили слишком чувствительные удары, чтобы можно было замкнуться в одни суждения о Ваших данных, о Вашей одаренности... — писал ему автор «Доктора Живаго». — Я верю в Ваше будущее».

КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Будущее наступило в 1953 году. Именно тогда, в ноябре, Шаламова встретила на Ярославском вокзале Галина Гудзь.

Семья, правда, не воссоединилась. Супруга, сама пережившая, как жена врага народа, девятилетнюю ссылку в Чарджоу, после которой долго жила в Москве нелегально и перебивалась случайными заработками, хотела все забыть. Шаламов же ничего забыть не мог и не хотел.

*Твоей — и то не хватит силы,
Чтоб я забыл в конце концов
Глухие братские могилы
Моих нетленных мертвецов.*

В конце 1956 года у Шаламова была уже другая семья. Дождавшись реабилитации, он женился на детской писательнице Ольге Неклюдовой — милой, скромной женщине, дававшей после всего пережитого ощущение спокойствия и гармонии и, главное, с пониманием относящейся к творчеству писателя. Супруги тихо и мирно прожили девять лет.

В этой скромной семейной обстановке Шаламов и создавал «Колымские рассказы». Писать он их начал еще в 1954 году, а про-

Левый берег.
1948 год.

Хирургическое
отделение
Рубанцева.
Шаламов стоит
второй справа

Варлам
Шаламов
и Ольга
Неклюдова.
Фото, сделанное
во время слежки
за писателем.
1950-е годы

Варлам Шаламов (второй слева)
в редакции журнала
«За ударничество». 1932 год

должал почти всю жизнь. Работу над ними он называл попыткой «поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени, вопросы, которые просто не могут быть разрешены на другом материале. Вопрос встречи человека и мира, борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьбы за себя, внутри себя — и вне себя». Замах явно больший, чем на «пощечины сталинизму». Вот только поняли это, увы, немногие. Когда рассказы начали распространяться через самиздат, они вызвали шок. Только са-

мые чуткие читатели могли разглядеть в них надежду. Например, правозащитница Фрида Вигдорова писала Шаламову: «Они самые жестокие из всех, что мне пришлось читать. Самые горькие и беспощадные. Там люди без прошлого, без биографии, без воспоминаний. Там говорится, что беда не объединяет людей, что человек думает только о себе, о том, чтобы выжить. Но почему же закрываешь рукопись с верой в честь, добро и человеческое достоинство? Это таинственно, я этого объяснить не могу, я не знаю, как это получается. Но это — так». Одна из немногих, разгадавших эту тайну, — Ирина Сиротинская, сотрудница ЦАЛИ, ставшая позже близким другом писателя: «Проза Шаламова — это проза поэта. <...> Поэтические по существу, художественные качества шаламовской прозы обращены, естественно, не столько к разуму читателя, сколько к его чувству, к его душе». Всем остальным писатель вынужден был буквально доказывать: «В «Колымских рассказах» нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра, — если брать вопрос в большом плане, в плане искусства». Трагедия в том, что с точки зрения искусства рассказы принимать как раз и не хотели. В какой-то момент они и вовсе стали аргументом в политической борьбе. Без ведома писателя они были переправлены за рубеж и с середины 1960-х стали печататься в диссидентской прессе: в западногерманском «Посеве»,

американском «Новом журнале» и т.д. В ответ на это Шаламов в 1972 году написал возмущенное письмо в «Литературную газету». Ирина Сиротинская вспоминала, что Варлам Тихонович был просто взбешен поступком советских диссидентов – «спекулирующих на чужой крови», «этой истеричной и глупой публики, толкавшей его на Голгофу».

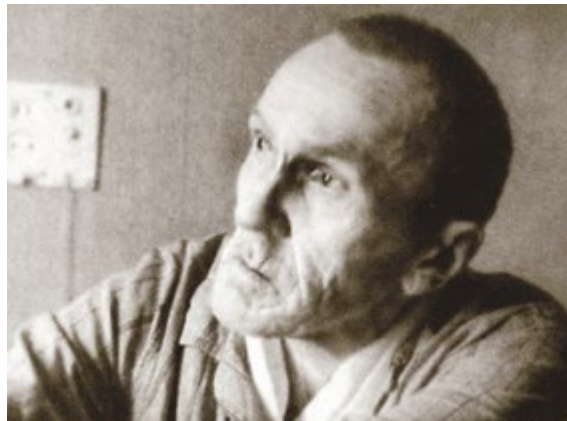
Однако оппозиционно настроенная публика восприняла это письмо как поражение. Особенно резко высказался Александр Солженицын, который разошелся с Шаламовым во взглядах еще раньше и именно из-за того, что тот отказался вместе с ним сотрудничать с эмигрантскими изданиями. «Варлам Шаламов умер», – провозгласил автор «Архипелага ГУЛАГ». Письмо Шаламова в «Литературную газету», увы, и сегодня некоторые политизированные литературоведы воспринимают не иначе как слабость и отречение писателя от себя самого. В то время как Варлам Тихонович всеми силами пытался как раз себя сохранить.

ЖИЗНЬ, ДОРОЖАЩАЯ МГНОВЕНЬЕМ

И прежде всего он пытался сохранить себя – поэта. Тем более что стихи Шаламова, в отличие от тех же «Колымских рассказов», на родине все же издавались. Первая подборка из «Колымских тетрадей» вышла в «Знамени» еще в 1957 году.

*И вот я – дома, у калитки,
И все несчастья далеки,
Когда я, вымокший до нитки,
Несу за пазухой стихи.
Гнездо стихов грозой разбито,
И желторотые птенцы
Пищат, познав крушение быта,
Его начала и концы.*

В 1961 году напечатан и первый стихотворный сборник – «Огниво». И сам крохотный, и вышедший крохотным тиражом после всех злоключений, он стал бесценным подарком для его автора. И в литературной среде он не остался незамеченным. Очень лестную рецензию написал поэт Борис Слуцкий: «Требуйте в книжных магазинах книгу Шаламова «Огниво». Это

Варлам Шаламов в доме престарелых. 1979 год

хорошая книга. Требуйте! А когда в магазинах и библиотеках вам ответят отказом – требуйте у издательства доиздания».

В 1964 году выходит сборник «Шелест листьев», в 1967-м – книга «Дорога и судьба», в 1972-м – «Московские облака». В этом же году Шаламова приняли в Союз писателей.

Да, параллельно приходилось отвлекаться на рутинную работу то внештатным корреспондентом в журнале «Москва», то внутренним рецензентом в «Новом мире», но жизнь налаживалась – и собственная, и в стране. И не было никакого желания сужать ее до суетливой политики или карьеры, хотелось работать и писать.

В 60-е и в начале 70-х Шаламов написал автобиографическую повесть «Четвертая Вологда», «Вишерский антироман» и множество любопытнейших эссе, в которых он размышлял о прозе и поэзии своего времени. Тут и оценки современников, сильно расходящиеся с общепринятыми («Вознесенский – поэт, присвоивший чужую интонацию»; «Твардовский – это многократно суженный Некрасов»),

Н.Я. Мандельштам и В.Т. Шаламов

и замечания, дающие ключи к пониманию его собственного творчества – тоже подчас вызывающе смелые: «В юности собирался стать – и был уверен, что имею достаточно силы – Шекспиром или по крайней мере – Пушкиным... Дальний Север уничтожил эти мои мечты, изуродовал и сузил мои поэтические интересы и возможности». Некоторые мысли – особенно важные для поэта – в этих эссе повторяются многократно. Например, о том, что «помимо таланта, литературных достоинств, живой поэт должен быть большой нравственной величиной». Сам он, безусловно, этой истине соответствовал – за всю жизнь он не предал ни себя, ни других. Он не ловчил, не подличал, не приспособливался, не спекулировал на своем страшном опыте.

Вот эту-то свою правду он и защищал от посягательств «прогрессивного человечества». Защищал, пока мог, пока не ослабел совсем от болезни Менъера. Однако в 1979 году, когда он оказался в доме инвалидов Литфонда и уже не мог ни на что влиять, его именем снова начали спекулировать. За рубежом вновь напечатали «Колымские рассказы», причем уже отдельной книгой, в 1981-м ему присудили премию французского ПЕН-клуба. Поэт не получил от этого ничего, кроме неприятностей. Из-за всей этой шумихи в 1982 году его принудительно перевели в закрытый психоинтернат – с глаз долой. Там он и скончался через три дня – 17 января. «Умер на руках чужих людей», – писала Ирина Сиротинская, – и никто не понял его последних слов. Были похороны – дело суетное. Чужие возбужденные лица – попавших в сенсацию людей. Много спектакля». Поэтом такая судьба словно была угадана.

*Не горсть земли, а град камней
Летит в мое лицо.
Больных ночей, тревожных дней
Разорвано кольцо.
Под Новый год я выбрал дом,
Чтоб умереть без слез.
И дверь, окованную льдом,
Приотворил мороз. ❄*

ОНА ЖЕ — ЗНАМЕНСКАЯ, ОНА ЖЕ — ПОКРОВСКАЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОНА ЖЕ – СТЕПАНА РАЗИНА. ОНА ЖЕ – ВАРВАРКА. ОДНА ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ МОСКОВСКИХ УЛИЦ ЯВЛЯЕТСЯ РЕКОРДИСТКОЙ ПО КОЛИЧЕСТВУ ИМЕН, КОТОРЫЕ КОГДА-ЛИБО НОСИЛА. ПОМИМО УПОМЯНУТЫХ ОСТАЛИСЬ В ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ ВСЕХСВЯТСКАЯ, ВАРЬСКАЯ, ВАРВАРСКАЯ, ВАРВАРСКИЙ МОСТ. ИТОГО – ВОСЕМЬ!

ВАРВАРКА
улица

8Б

В КИТАЙ-ГОРОДЕ ВСЕ улицы – короткие. Полверсты или чуть более.

Да и улиц этих раз-два и обчелся, все больше переулки. Вернее, раз-три. Никольская, Ильинка, Варварка. Все – дороги, ведущие к Красной площади и кремлевским башням. Никольской и Спасской, некогда Фроловской. Короткие улицы, но такие разные.

Молодые редко задумываются о природе вещей. Есть – и есть, надо пользоваться. И мы, будучи юными на стыке 70–80-х годов прошлого века, не утруждали себя осмыслением того, что на улице Степана Разина в одном из переулков за бывшим Гостиным двором работал себе в удовольствие пункт приема стеклотары. В нескольких сотнях метров от Спасской башни, сквозь ворота которой проникали в сердцевину власти могучие ЗИЛы и «чайки». Чем обуславливалась прибыль данного заведения, было тоже невдомек. В доходах от сдачи использованной посуды публика, которая проживала в громадной гостинице «Россия», подмывшей под себя старинное Зарядье, явно не нуждалась. В расположившихся между Варваркой и Ильинкой (тогда улицей Куйбышева) «покоях» ЦК КПСС служили персоналии, не обученные процессу сдачи стеклотары. Работники филиала Исторического музея «Покровский собор» в силу малочисленности обеспечить достойный товарооборот заведению были явно не способны. Тем не менее пункт процветал. Одна из загадок в новой истории Варварки, которую не разгадать уже никогда.

Во времена позднего социализма улица Степана Разина помимо пункта сдачи стеклотары могла привлечь только музейной экспозицией в палатах бояр Романовых. Довольно бедной и скучной, ибо этот филиал Исторического музея особо не афишировали и не рекламировали. Романовы, однако... Коллективные экскурсии ре-

комендовалось тогда водить в музей революции 1905 года на Пресне. Гости с советского Кавказа, занимавшие внушительное количество номеров в «России», боярской жилплощадью интересовались редко. Сюда забредали по большей части крайне активные туристы из зарубежья. Преимущественно западного.

Вот, собственно, и вся улица. Закрытые учреждения без табличек у дверей, глухие въездные ворота, загадочные советские конторы с мудреными аббревиатурами. И безжизненные храмы по левую сторону, если идти от Васильевского спуска, который тогда не имел названия вовсе. Улица-сестра Никольская, в советскую бытность улица 25 Октября, жила полнокровной жизнью благодаря тому, что соединяла популярный ГУМ с не менее популярным «Детским миром». Другая сестра, Ильинка, от праздного людя не страдала, но была важной, чиновной и востребованной. А Варварка, будто старица большой реки, смотрелась безлюдной и то скливой. Мало кому тогда приходило в голову, что многие века Варварка была сродни нынешней Тверской, Арбату и Пречистенке – одной из самых богатых и жизнерадостных улиц Первопрестольной.

УЛИЦА БЛАЖЕННЫХ

В ноябре 1434 года от Рождества Христова на Москве в Борисоглебской церкви на Варварке состоялось отпевание, а рядом с храмом и погребение Максима Блаженного. Первого всенародно известного юродивого. Деревянная церковь Бориса и Глеба, поставленная при усадьбе богатых сурожских купцов в XIV веке, не сохранилась, ее разобрали еще в XVI веке. Построенный на ее месте храм погиб в конце XVII века. И на этом самом месте в 1699 году завершили строительство нового храма – Блаженного Максима Московского. Век этой церкви был уготован короткий – менее сорока лет. В 1737 году Москву спалил очередной пожар, памятный под названием «Троицкий» или «Великий». 9 июня занялось у Боровицкого моста в доме бояр Милославских. Огонь перекинулся в Кремль, ветер понес пламя в Китай-город. В тот страшный день сгорела четверть города. Сгорела и рака с мощами чудотворца Максима. Но сами мощи уцелели. В Синодальной канцелярии их осмотрели, положили в ящик и опечатали. Сгоревший храм восстановили летом 1742 года. Мощи блаженного Максима вернули храму в 1768-м. В Отечественную войну 1812 года, когда Москву поразил очередной пожар, церковь на

Здание Старого Гостиного двора, занимающего целый квартал между улицами Варварка и Ильинка. Автор первоначального проекта – Джакомо Кваренги

Варварке вновь пострадала, но, согласно сообщению ее настоятеля Игнатия Иванова, «мощи блаженного Максима остались на своем месте под спудом, в прежнем виде. Амвон поднят, в теплой церкви престол опрокинут, в окна рамы и колоды выгорели, также сгорела крыша и вся церковная утварь; кроме скрытых самых нужных вещей все разграблено».

В XIX веке вокруг раки с мощами Максима Московского свершалось множество чудес, например исцелений. О чем свидетельствовали и такие прихожане храма, как члены семьи Смирновых, знаменитые своими сортами водки, люди крайне рациональные и с мистикой не дружившие. Сколь ни ищи, обнаружить следы мощей после прихода к власти большевиков не удастся. С Варваркой связаны судьбы и двух других самых известных московских юродивых: Василия Блаженного по прозвищу Нагой и Иоанна по прозвищу Большой Колпак. Оба захоронены в соборе Пресвятой Богородицы, что на Рву, в обиходе – храме Василия Блаженного. От стен этого собора, собственно, и начинается Варварка.

Знаменский собор Знаменского монастыря. Когда-то был голубого «богородичного» цвета в честь Знаменской иконы Божьей Матери

УЛИЦА ЦЕРКВЕЙ

В те годы, когда за Гостиным двором принимали бутылки 0,7 и 0,5, с высокого южного пандуса храма Василия Блаженного поздними вечерами можно было наблюдать, как скапливались на углу Варварки девушки с низким уровнем социальной ответственности, явно намеренные провести свободное время в гостинице «Россия». А она, гостиница, приветливо светилась сотнями окон, приглашая в свое огромное лоно и в лоно поменьше – Государственный концертный зал с одноименным названием. Исток же Варварки, напротив, темнел мрачным прошлым, и купола, возвращенные ее церквям и соборам, не отра-

жали крестами свет праздника со стороны Москвы-реки. Не было на куполах крестов.

Кто только не радовал зрителей в этом концертном зале! Что уж вспоминать об отечественных примах и премьерах эстрады, если сии стены освещали такие мировые звезды, как Элтон Джон и «Бонни М». Еще ничего не сказано, но пахнет ханжеством, скажете? Отнюдь. Пели-танцевали себе – и славно. В то время Знаменский монастырь, находящийся в 100 метрах от бывшей «России», был закрыт, как и остальные церкви Варварки. От ханжества не откажусь по части концертов и конькобежных эскапад у некрополя Кремлевской стены. Но это уже другая история – новейшая. Итак, Знаменский монастырь. Это сейчас хорошо. Мой бесценный товарищ по путешествиям фотограф Александр Бурый минует ворота ограды и спускается по ступеням, что ведут в монастырский двор. Ну, и ваш покорный слуга вслед за ним. А в те достопамятные времена имени «Пункта приема стеклотары» забраться сюда было суждено только обладателю соответствующей «корочки»,

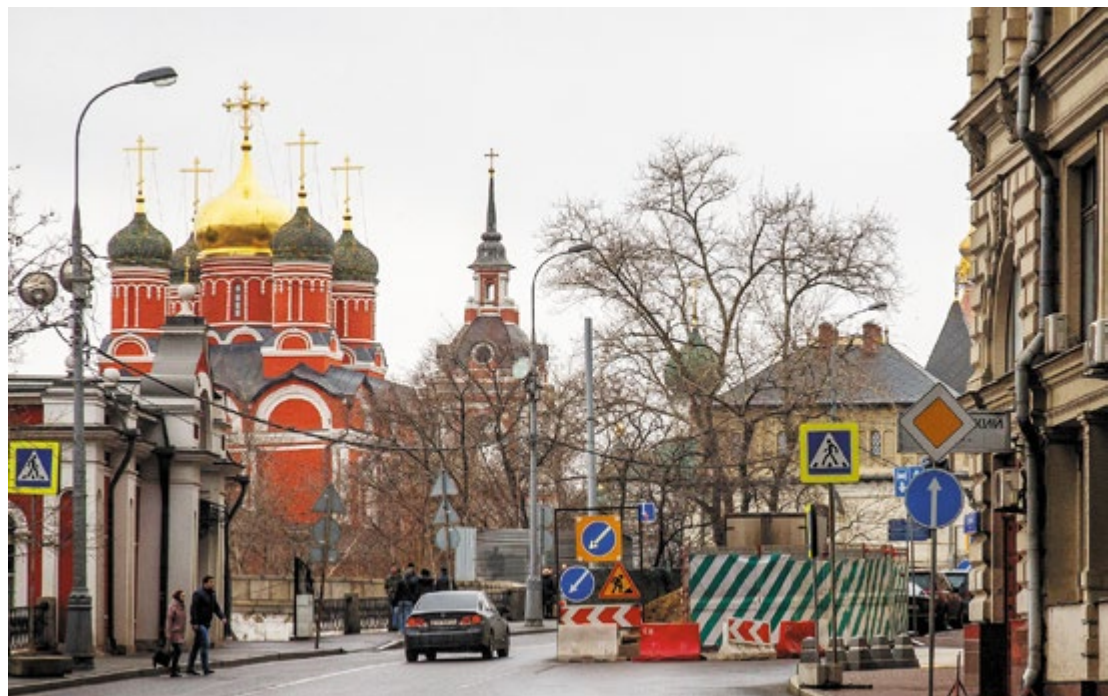

Романовский гербовый грифон на стенах боярских палат

выданной на Лубянке. От «России» – путь закрыт. Сверху, с Варварки, – тем более. Теперь же известно, что начиная с 1972 года, когда закончились реставрационные работы в Знаменском соборе, здание было передано в ведение Дома пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, что работали тут, оказывается, лекционные залы. Сколько раз проходил мимо – не догадывался. То есть то, что не разрушили, начали приспособлять под бытовые нужды. Помещения монастыря определили под жилье. А когда построили гостиницу «Россия», пришлось приводить все в относительный порядок. Потому как не только председатели грузинских колхозов смотрели в окна из номеров, но и иностранные гости. Вот вам, дорогие, купола и братские кельи. Смотрите в удовольствие. Но войти – ни-ни, место закрытое, Дом пропаганды, знаете ли.

Согласно одной версии, монастырь был основан в 1629 году в честь рождения наследника престола, Алексея Михайловича Романова. Вторая ведет нас в 1631 год, когда скончалась инокиня Марфа. До насильственного пострига по приказу Бориса Годунова – Ксения Ивановна, жена боярина Федора Никитича Романова и мать первого царя династии, Михаила. Можно сказать, что с первого дня обитель стала придворной, так как находилась на месте Старого государева двора. Так стали называть палаты бояр Романовых на Варьском крестце, после того как царский трон занял представитель рода.

К слову, крестец – это место на улице, служившее неким социальным центром. В очерке «Облик старой Москвы» художник Аполлинарий Васнецов писал: «В Китай-городе – кружала и харчевни, погреба в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках... Здесь же, на крестцах неожиданно раздававшийся вопль и причитание о покойнике го-

Вид на Знаменский монастырь. Когда-нибудь реконструкция и ремонт Варварки все-таки закончатся

ворили о том, что родственники узнали в выставленном божедомами покойнике своего родственника... Здесь же зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые веселые женщины с бирюзовыми колечками во рту («знак продажности бабенок», – по объяснению иностранца-дипломата того времени). Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедомами, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма

и комедия – все завязалось неразрывным непонятным узлом и живет вместе как проявление своеобразного уклада средневекового народного города».

Первоначально монастырь в этих палатах и расположился. В качестве соборной церкви использовалась романовская домовая, хранившая родовую икону «Знамение» XVI века, вывезенную предками из Новгорода Великого. Отсюда – название монастыря и построенного в конце XVII века пятиглавого двухъярусного собора, самого большого в Китай-городе, кото-

Спуск во внутренний двор палат бояр Романовых и Знаменского монастыря, до 90-х годов прошлого века закрытый для простых смертных

мендант Жан-Батист Лессепс разрешил проводить богослужения в нижнем храме. Отблагодарил, так сказать.

В 1856 году посетивший Москву император Александр II не забыл навестить родовой двор на Варварке. Тут-то ему и пришла в голову мысль устроить в палатах музей бояр Романовых. Их выкупили у монастыря за 20 тысяч рублей. Имея общий двор с таким музеем, монастырь был вправе рассчитывать на внимание царственных особ. И время от времени такое внимание оказывалось. Последний раз – перед празднованием 300-летия дома Романовых. На выделенные средства купола позолотили, провели ремонт собора, а стены выкрасили в голубой цвет. Так что сто лет назад Знаменский храм не выглядел столь аляповато-морковным, как сейчас...

С середины XVII века стоит на Варварке храм Великомученика Георгия на Псковской горе. Стоит на фундаменте своего предшественника. Более того, от первоначальной церкви Покрова Пресвятой Богородицы сохранился подклет. Причем с юга он выглядит внушительно, а со стороны Варварки его вообще не видно. Перепад высот на Псковской горке, как раньше называли это место, таков, что подклет оказался подземным. История рождения первого храма ведет во времена великого князя Василия Темного, то есть в XV век. Земля была унаследована тещей князя, которая являлась прямой потомницей родоначальника Романовых – боярина Андрея Кобылы. Как говорится, куда ни кинь... Было у храма когда-то еще одно название: «Церковь Георгия на Псковской горе, что на Варварской улице у старых тюрем». Неподалеку располагался Государев тюремный двор, куда отправляли на побывку подданных, не уплативших подати. Так и говорили: «Отправили к Варваре на расправу».

В 1812 году храм изрядно пострадал и «пришел в себя» только спустя шесть лет. Иным образом с ним обошлись после Октября

рый стоит и сегодня. Казалось бы, при таких отцах-основателях обитель должна была пребывать в постоянном благоденствии. Однако судьба ей досталась иная. Строить собор вызвались бояре Милославские, люди царевны Софьи. Понятно, что все с ними связанное Петра I раздражало неимоверно. Знаменский монастырь в частности. Известен лишь один случай, когда основатель новой столицы обратил на него взор: в 1721 году подарил обители водосвятную чашу. Можно предположить, что связано это было с победой в Северной войне и превращением царства в империю.

О монастыре то вспоминали, то забывали. Елизавета Петровна внесла скромную лепту. Екатерина Великая, проведшая секуляризацию монастырей, отняла у обители все владения, низведя ее до монастыря 3-го класса. По штату такой монастырь получал от казны 806 рублей в год. Для сравнения: Троице-Сергиева лавра – 10 тысяч. Настоящая бедность обрушилась на обитель во время эпидемии чумы в 1771 году, когда в черте города закры-

лись все кладбища. А это весьма существенная бюджетная статья. Спустя десятилетие императрица распорядилась довести работы по внутреннему убранству Знаменского собора до конца. Позже были выделены средства на строительство отдельной стоящей колокольни, в первом ярусе которой были сделаны въездные ворота. Но едва забрезжила та самая благодать, как грянула война 1812 года.

Французы во время краткой оккупации Москвы вели себя в ее храмах отвратительно. Не стал исключением и Знаменский монастырь. Солдаты его разграбили, а после гражданский ко-

Храм
Блаженного
Максима
Московского
и «пизанская»
колокольня
при нем

Фрагменты
фресок храма
Максима
Московского

ского переворота. Закрыли одним из первых в Москве, еще в 1917-м. Превратили в склад. В связи со строительством «России» в середине 70-х храм отреставрировали и открыли в нем выставочный зал, о котором москвичи в подавляющем большинстве не ведали. Верующим храм вернулся в 1995 году. Он, как и остальные церкви Варварки, а также расположенная почти на берегу Москвы-реки церковь Зачатия праведной Анны, что в Углу, относится нынче к Патриаршему подворью.

Справедливость требует вспомнить о церкви Святой великомученицы Варвары, что стоит в самом начале Варварки. Хотя бы потому, что она дала название самой улице. Без всякого экскурсовода ясно, что храм построен относительно недавно. По сравнению с остальными, сохранившимися на Варварке. И действительно, год рождения церкви – 1804-й. Резонно спросить: как же она могла подарить название, которое известно с XV века? На этом месте стояла когда-то деревянная церковь Святой Варвары. Освящена в честь великомученицы она была не случайно. Варвара – покровительница торговли. И где, как не на пятаке, вокруг которого бурлила торговая жизнь Первopрестольной, должно было обустроить Варварин храм. Где, как не на стыке торговых рядов Китай-города, Красной площади и береговых пирсов, у которых разгружались купеческие суда. В начале XVI века знаменитый итальянский архитектор Алевиз Новый подарил Москве и каменную церковь Варвары. Она простояла долго и была в народе любима. Но в конце XVIII века митрополит Платон решил, что церковь не соответствует окружающей архитектуре, уж больно старовата да мелковата. В результате появился храм, который видим сегодня.

Однако вернемся к храму Максима Блаженного. Разоренный в годы торжествующего атеизма, он, как и прочие храмы на Варварке, был относительно вос-

Церковь Святой великомученицы Варвары, построенная по проекту архитектора Родиона Казакова, ученика и однофамильца великого зодчего Матвея Казакова

становлен в 60-е годы XX века. Требовалось, чтобы «витрина», открывающая вид на гостиницу «Россия», выглядела прилично. Глядя на возрожденный, пусть лишь внешне, храм, Пимен, в миру Сергей Извеков, избранный в 1971 году патриархом, мог мысленно перенестись в юность. Здесь он начинал свой пастырский путь, служа регентом хора. По крайней мере, художник Павел Корин изобразил будущего главу РПЦ в этом качестве и в этом месте в 1926 году. Из чего следует, что, в отличие от других китайгородских храмов, у Максима Блаженного тогда еще теплилась церковная жизнь. В 1827 году к храму пристроили колокольню. Зодчие грешили безвкусицей всегда, не только в «нынешнее время». Зачем понадобилось к однокупольной церкви, построенной в традициях русской храмовой архитектуры, присовокуплять типовую звонницу в стиле ампира? Грунт вскоре начал проседать, и колокольня дала крен. Падать не падает, но роль московской «пизанской башни» исполняет исправно.

УЛИЦА ПАЛАТ

Глядя на нынешнюю Варварку, а уж тем более вспоминая ее скучнейшую кривую образца, скажем, 1980 года, ни в жизнь не поверишь, что на протяжении веков эта самая жизнь была тут через край. Сейчас открылась одна православная лавка, в которой страждущий путник может утолить жажду и отведать монастырского пирожка. Двадцать-тридцать лет назад об этом не стоило и мечтать. Хотелось пить-есть – переходить на левую сторону и мимо наглухо задренного, точно подводная лодка в походе, Гостиного двора или таких же задренных Средних торговых рядов бегом метров 200–300 по Хрустальному или Рыбному переулку к ГУМу, в очередь за фирменным гумовским мороженым. На протяжении веков Варварка торговала всем, чем можно. Об этом говорят и названия переулков в округе. Эти переулки стремились не только в сторону Верхних торговых рядов (ГУМ) и Ильинки, но и в противоположном направлении – в Зарядье, к Москве-реке. Там их пересека-

ли другие, идущие параллельно Варварке. Всюду теснились дома, подворья, лабазы, лавки и, само собой, заведения. Самым известным из них была «Ветошная истерия», принимавшая гостей на углу улицы и Никольского переулка, названного так в честь храма Николая Угодника «Красный звон». Храм, кстати, жив, равно как и храм Троицы в Никитни-

ках, к которому от Варварки ведет Ипатьевский переулок. Между прочим, именно для этой церкви написал Симон Ушаков знаменитую икону «Древо государства Московского». Да и жил в последние годы мастер прямо напротив храма: на палатах XVII века сегодня красуется табличка с соответствующей надписью. А похоронен был Симон Ушаков тут же

Палаты великого иконописца Симона Ушакова в Ипатьевском переулке. Середина XVII века

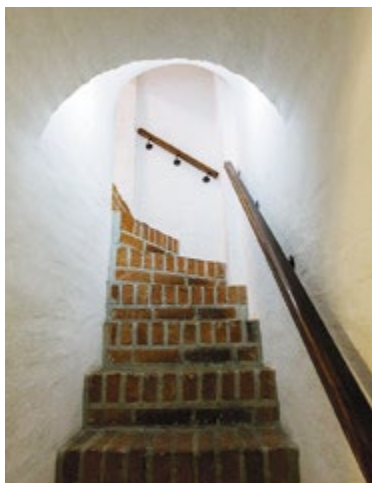
через дорогу – на погосте Знаменского монастыря. Только могила его давно утеряна... Так вот, ведет Ипатьевский переулок к храму Троицы в Никитниках, да не приводит. Церковь теперь стоит на территории комплекса зданий Администрации Президента РФ. И дорогу к храму пресекает красивый, с иголки, шлагбаум. Ну, и будка из пуленепробиваемого стекла, само собой.

«Ветошная истерия» – это от переделанной на московский лад «аустерии», коими так славилась Петербург. А Варварка славилась чайными, трактирами, харчевнями и прочими местами коллективного пользования. Не случайно с внешней стороны Китайгородской стены к Варварке примыкали уголья знаменитого Хитрова рынка.

Торговые диаспоры селились тут издавна, время от времени какая-либо из них теснила прочие и претендовала на главенство. Уже упоминались сурожские купцы, осевшие тут на самой заре Варваринской истории. Сурож – русское производное от византийской Сутдея и итальянского

Церковь Святой Живоначальной Троицы в Никитниках (ныне – церковь во имя Грузинской Божьей Матери), открытая для верующих Администрации Президента РФ

Крутая лестница в хранилища
Старого Английского двора –
Юшкины палаты

Солдайка. Ныне попросту – Судак. Тот, что в Крыму. Когда-то генуэзцы превратили этот городок в крупный торговый центр Черноморья и возили оттуда товары на Москву. Процветал одно время на Варварке Панский двор, который – по делу, нет ли – ассоциировали с польскими купцами. В XIX веке царствовали водочные магнаты Смирновы и предприниматели Морозовы. В начале XX века улицу облюбовали купцы иудейского происхождения. Неподалеку была построена Большая хоральная синагога. А вот в середине XVI века Москвиты сильно заинтересовались в Англии. Государь Иван Васильевич Грозный также был не против наладить дипломатические и торговые отношения с Альбионом. В результате в Лондоне начала работу торговая Московская компания, а в Юшкиных палатах на Варварке разместилось ее официальное представительство. Первое иностранное официальное представительство зарубежного государства в России. Почему «Юшкины»? Это здание в конце XV века построил сурожский купец Иван Бобрищев по прозвищу Юшка. Британцы, получившие здание в подарок от царя, после очередного пожара перестроили помещения на свой лад. Например, вместо привычных для Руси печей устроили камины. Поставили мощный подъ-

Трапезная
в официальном
представительстве
Туманного
Альбиона

емный механизм, позволявший доставлять товары, поступавшие снизу от реки, на уровень, соответствующий бревенчатой мостовой Варварки. Сейчас тут работает любопытная экспозиция Музея истории Москвы. Вас встретит охранник в тельняшке под форменной рубашкой и будет справедливо строг, как и подобает охраннику в «резиденции иностранного государства». Нас с Александром Бурым он нисколько не смутил. Смутило другое. Среди немногочисленных посетителей преимущественно женского пола все до одной из четырех были одеты в кофты и свитерочки, чья расцветка повторяла расцветку матросской тельняшки...

Со временем англичане из Юшкиных палат съехали. Зданием владел Иван Милославский, затем – государевы службы. Петр Великий открыл здесь одну из первых Арифметических школ. Далее Старый Английский двор попал в частные руки. Различные владельцы довольно энергично его перестраивали, в итоге дом потерял первоначальный вид и первоначальную же прелесть. Вернуть оные удалось в 60–70-е годы прошлого века в ходе глобальной реставрации. В филиале Государственного Исторического музея «Палаты бояр Романовых» людей в тельняшках не попало. Зато тут всех посетителей заставляют цеплять на обувь пластиковые бахилы

Старый
Английский
двор, Мекка
британской
торговли при
Иване Грозном

больничного цвета. Эта, с позволения сказать, защитительная мера – олицетворение неравноправия. Сами служители музеев, где применяется этот метод сбережения паркета, шастают по залам без всяких бахил.

Палаты хороши! Они компактны, если не сказать больше – тесны по нынешним меркам. Своды низкие. Притолоки дверей сгибают в три погибели. Лестницы, ведущие в подвалы, круты и узки, так что двоим не разминуться ни в коем случае. Даже если эти двое – подростки. Библиотека, детская, женская половина со светелкой, скажем так, рабочий кабинет... Шахматы царя Михаила Федоровича. Вероятно, из того времени, когда юный Романов царем еще не был и жил тут, а не в Кремле. Как положено царю.

Музей сделан «вкусно», и как-то невдомек, что после многочисленных перестроек и переделок палаты значительно отличаются от тех, которыми пользовались бояре Романовы в XV–XVI веках и где родился в 1596 году первый русский царь из этой династии. Полную аутентичность являют собой лишь подвалы: «Кирпичный» и «Каменный». В одном из них можно видеть кладку, которой более пятисот лет.

УЛИЦА БУДУЩЕГО

Нынешняя Варварка оживленнее, чем в годы, когда она существовала в тени знаменитой снесенной гостиницы. Между прочим, гостиница появилась в Зарядье по случаю. Сталин планировал построить на месте снесенных кварталов восьмую высотку, где должен был разместиться аппарат Народного комиссариата тяжелой промышленности. Можно не сомневаться, в этом случае от памятников архитектуры на Варварке не осталось бы и кирпичика. Но вождь ушел, и план остался планом. Сейчас между Варваркой и Москворецкой набережной на территории будущего парка «Зарядье» снуют сотни рабочих, трудится разнообразная техника, поднялись уже надстройплощадкой конструкции,

Трапезная в палатах бояр Романовых. Скромно и со вкусом

Богатства каменного подвала в Романовских палатах

напоминающие приземлившийся в центре Москвы космический корабль с недостигаемой планеты. Ради этого корабля пришлось пожертвовать доходным домом Персица, что упирался плечом во фрагмент краснокаменной стены на углу Варварки и Китайгородского проезда. Ну да что нам этот Зелик Мордухович Персиц с его домом 1909 года постройки в стиле русского модерна!

Зато напротив сохранившейся пока фасадной стенки доходного дома восстанавливают церковь Иоанна Предтечи или, как ее еще называют по приделу – папы Климента. Совсем недавно только опытный глаз мог разглядеть в доме красноватого цвета бывший храм, построенный на средства купца Подсевальщикова в 1741 году вместо прежней деревянной церкви. Нынче и неверующий поймет – храм. Нет, миниатюрные купола и изящные барабаны еще не возродились, колокола на вечерню не зовут. Но над крышей поднялся скромный православный крест. А внутри идут реставрационные работы. Пусть медленно, но идут. Глядишь, успеют к тому дню, когда откроется парк будущего «Зарядье». И прошлое древней улицы станет еще богаче. **В**

КОРОЛЕВА ИГЛЫ И НИТКИ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПЕРВЫЕ КРАСАВИЦЫ МОСКВЫ ВЫСТРАИВАЛИСЬ В ОЧЕРЕДЬ, ЧТОБЫ ЗАКАЗАТЬ У НЕЕ РОСКОШНЫЕ ТУАЛЕТЫ. ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАРИЖСКИЙ МОДЕЛЬЕР ПОЛЬ ПУАРЕ НАЗЫВАЛ ЕЕ СВОИМ ДРУГОМ. ОНА ШИЛА УДИВИТЕЛЬНЫЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ. ВЕЛИКИЙ СТАНИСЛАВСКИЙ ВЕЛИЧАЛ ЕЕ «САМОРОДКОМ» И БЫЛ ГОТОВ НОСИТЬ НА РУКАХ. ГЕНИАЛЬНЫЙ СЕРОВ НАПИСАЛ ЕЕ ПОРТРЕТ. ЕЕ ИМЯ УВЕКОВЕЧИЛА В СТИХАХ МАРИНА ЦВЕТАЕВА, А ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ НАПИСАЛ О НЕЙ РАССКАЗ...

ОНА СОЗДАЛА ТЕОРИЮ промышленного моделирования и стояла у истоков советской моды. Она разрабатывала костюмы для театральных постановок и первых советских фильмов. Она – это Надежда Петровна Ламанова. Великий модельер, имя которой сегодня многими забыто. Ни одного действующего музея. Ни одной полноценной биографической книги. И сплошные белые пятна в судьбе, которые

исчезают слишком медленно, несмотря на усилия немногочисленных историков-энтузиастов и дизайнеров. Именно они создали два виртуальных музея Надежды Ламановой (nlamanova.ru и www.lamanova.com), где можно найти ее недописанную автобиографию, кое-какие документы, фото и воспоминания о ней. Они же проводят конкурс модельеров имени Ламановой, конференции и выставки, посвященные ее творчеству. Но разве этого достаточно?

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Есть в Нижегородской области село Шутилово, стоящее на берегу реки со сказочным названием «Алатырь». Местные легенды утверждают, что имя свое село получило во времена восстания Степана Разина. Мол, разинцы здесь в то время отменно «пошутили»: вешали и сжигали помещиков и управляющих, потому и название такое появилось.

Незадолго до отмены крепостного права в 1861 году земли эти по наследству перешли к известному писателю и драматургу Петру Боборыкину, который продал их помещикам Русиновым и Ламановым. «Казенные прямые просеки, правильные лесорубки, свистки железных и стеклянных заводов, на далекие расстояния оглашающие дремучие дебри, – все это давным-давно распугало мрачные воспоминания о Соловьях-разбойниках, об Ильях Муромцах и о всякой лесной вольнице. <...> Однако, по нынешним временам, и это еще очень значительные лесные массы: дремучий, старый, многолетний бор осеняет, налагает свою печать и определяет физиономию целой местности. Залесная сторона – Шутиловская и Мадаевская волости – носит в уезде название «Камчатки» – так

описывал эти места Владимир Короленко в очерках «В голодный год» в 1892 году.

Благодаря разысканиям нижегородского историка-генеалога Татьяны Грачевой, стала в деталях проясняться семейная история Ламановых. Отец будущего дизайнера, Петр Ламанов, служил в Екатеринославском драгунском полку, в 1858 году уволился в бессрочный отпуск, а спустя восемь лет ушел в отставку. Он обосновался в имении Шутилово и решил обзавестись семьей. Очаровала отставного офицера старшая дочь жившего по соседству генерал-майора Александра Лишева – Наденька. И хоть жениху в тот момент стукнуло уже 45 лет, а невесте – едва исполнилось 20, семейная жизнь Ламановых, судя по всему, была счастливой. 14 декабря 1861 года в Шутилово и родилась их первая дочь, названная в честь матери Надеждой. Надежда Петровна вспоминала, что отец был веселым человеком, талантливым музыкантом, хорошо пел. Обожал жену – молодую красавицу, любившую наряжаться, принимать гостей и танцевать. В семье родилось пять дочерей, воспитание которых Петр Михайлович доверил супруге. Правда, беззаботная жизнь продолжалась недолго: семья разорилась и была вынуждена

покинуть Шутилово. Ламанов выхлопотал должность уездного исправника в Ардатове в 1866 году, а в 1873-м занял такой же пост в Балахнинском уезде. К тому времени жена с дочерьми уже переехали жить в Нижний Новгород: старшим девочкам пора было получать образование. В 1878 году Надежда окончила Мариинскую гимназию, зачитывалась историческими романами и наверняка, как и все девушки, мечтала о семейном счастье и большой

Фотопортрет молодой Надежды Ламановой работы фотомастерской Андрея Карелина

Н.П. Ламанова (пятая справа в первом ряду) среди работников постановочной части МХАТа. 1928 год

Визитная карточка поставщика великой княгини Елизаветы Федоровны Н.П. Ламановой

любви. А суровая действительность диктовала свои условия: воспитанной девушке из бедной дворянской семьи следовало подумать о том, как дальше устраивать свою жизнь.

И здесь в биографии Надежды Петровны появляется первое большое белое пятно: неизвестно, в каком году она в поисках работы переезжает в Москву. Можно лишь предположить, что произошло это между 1879 и 1883 годами, поскольку, как писала сама Ламанова, в 1883–1884 годах она училась в московской школе кройки Суворовой. Не исключено, что молодую девушку в Москву пригласила известная благотворительница, основательница «Общества поощрения трудолюбия» Александра Стрекалова. Но, как отмечает московский историк-генеалог Мария Маркович, эта версия пока не имеет документальных подтверждений. Зато Марии Маркович удалось разгадать одну из самых интригующих загадок биографии Надежды Ламановой. В 2015 году она нашла в архивах списки поставщиков Императорского двора 1898 года, в которых Надежда Петровна числилась под двойной фамилией – Андруцкая-Ламанова. Кстати пришлось и мемуары известного издателя начала XX века Георгия Лемана-Абрикосова, дружившего с Ламановой. Он писал о том, что Надежда Петровна «в молодые годы, уйдя из семьи и пережив неудачу в личной жизни – любимый человек, насколько мне известно, умер в ее объятиях, – открыла модную мастерскую».

Да и сама Ламанова упоминала, что в молодости полюбила женатого человека, который был старше ее на двадцать лет. История действительно была трагическая: родители, конечно, не согласились с ее выбором, Надежда Петровна ушла к любимому, но тот умер на руках у молодой женщины. Мария Маркович считает, что первым мужем Надежды Петровны, скорее всего, был поручик флота в отставке, страховой агент Павел Андруцкий, скончавшийся в марте 1891 года от сыпного тифа. Но документы, свидетельствующие о разводе Андруцкого с первой женой и его браке с Ламановой, пока не найдены. Неизвестно и то, когда именно Ламанова открыла собственную мастерскую в Москве. Завершив обучение в школе Суворовой, Надежда Петровна устроилась на работу в знаменитое московское ателье мадам Войткевич, клиентками которого были как представительницы бомонда, так и московские купчихи из богатых семей. В «Днях моей жизни» писательница Татьяна Щепкина-Куперник так вспоминала о Татьяне Войткевич: «Тоже интересный московский тип: начала свою карьеру с того, что босенькой девчонкой в Нижнем булавки у портнихи подбирала, а потом гремела на всю Москву, дружна была с артистами, художниками, ездила каждый год в Париж, жила открыто и широко...»

Итак, проработав в ателье Войткевич, Надежда Петровна создает свое дело – то ли в 1885 году, то ли позже. Как пишет Мария Маркович, первая известная мастерская Ламановой располагалась на Большой Дмитровке, 11, в доме Фишер. А самая ранняя «дата существования мастерской в доме Фишер, найденная в архивных делах, – 1893 год. В это время там зарегистрировано женское портновское заведение Надежды Петровны Андруцкой, в котором работало 15 взрослых и 30 малолетних мастериц».

Русские народные костюмы из коллекции Сергея Глебушкина, представленные на выставке «Гений в юбке»

Реконструкция платья Надежды Ламановой (по эскизу Веры Мухиной). Домашнее платье из головного платка из альбома «Искусство в быту». Авторы реконструкции – Екатерина Румянцева и Татьяна Павлова

МОСКОВСКИЙ БЛЕСК И ПАРИЖСКИЙ ШИК

Успех к Ламановой пришел быстро. По воспоминаниям тех, кто знал ее лично, Надежда Петровна была энергична и предприимчива. К тому же, как сегодня сказали бы, оказалась трудоголиком. Да и дело знала досконально. «Она обнаружила огромный вкус, и постепенно стала одевать дам самых высоких и самых богатых кругов московского общества, – вспоминал Георгий Леман-Абрикосов. – <...> Дело Надежды Петровны настолько разрослось, что постепенно у нее стало 300 мастериц. Она выстроила огромный дом на Тверском бульваре (на внутреннем проезде, через несколько домов от Никитских ворот). Я слышал

от нее, что она подавала счета богатым московским купцам в десятки тысяч. <...> Насколько широк был размах работы Надежды Петровны, можно судить по тому, что она ежегодно ездила в Париж, где держала квартиру, закупать модный товар для своего предприятия. А закупала она этого товара на полмиллиона! Конечно, огромен был и доход ее – мастерская давала ей до 300 тыс. руб. в год, т.е. другими словами, по 1000 руб. в день! Она была подлинным гением костюма».

В 1898 году Андруцкая-Ламанова получает звание «поставщика Двора Ея Императорского Высочества Елизаветы Федоровны». В 1903 году оказывается в числе нескольких дизайнеров, которым заказывают костюмы для знаменитого Большого Императорского костюмированного бала в Зимнем дворце. А в 1904-м она становится «поставщиком Двора Ея Императорского Величества Александры Федоровны». В это время Надежде Петровне уже 43 года. Бедная дворяночка из Нижегородской губернии давно превратилась в солидную даму, владевшую одним из самых популярных в Москве ателье. И она снова вышла

Шитье платья, созданного Н. Ламановой для спектакля «Анна Каренина»

Платье в стиле модерн Н. Ламановой. Было сшито для Е. Носовой, позировавшей в нем художнику К. Сомову. Автор реконструкции – Елена Супрун

и отрезает лишнее. Есть свидетельства очевидцев, что клиентки, обколотые чуть ли не сотней булавок, падали в обморок после трехчасовой примерки. Ламанова бесстрастно ждала, пока дама придет в себя, а затем заканчивала работу и отдавала заготовку своим мастерицам. Она говорила: я – не портной и не швея, я – художник по костюму. При этом никаких эскизов она не рисовала».

Ламанова держала себя в «профессиональной форме»: ездила в Париж, посещала показы ведущих модельеров, многих из них знала лично. «В Париже, где она постоянно бывала и откуда она привозила грандиозное количество чудесных вещей, поражались ее вкусу, умению выбирать вещи, пониманию того, что действительно лучшее, – вспоминала Маргарита Морозова, урожденная Мамонтова. – Я сама там это слышала от знаменитых парижских портных, которые ей удивлялись». Кстати, одним из тех, кто восхищался Ламановой, был Поль Пуаре – настоящая легенда мира моды, заставивший дам отказаться от корсета и придумавший знаменитую «хромую юбку». Они, конечно, подружились. И когда Пуаре в 1911 году приехал в Москву, Ламанова устроила своему другу настоящую экскурсию по городу. А заодно отвела его на блошинный рынок на Сухаревке, где француз пришел в неописуемый восторг от сарафанов, сапог, косовороток, кокошников, шалей, кичек и платков. Именно после этой поездки Пуаре создает первую коллекцию в русском стиле, «Казань»...

замуж. Как считают исследователи, скорее всего, это произошло в 1899 году. Теперь ее избранник – Андрей Павлович Каютов, помощник управляющего Московским отделением Страхового общества «Россия», красавец, актер-любитель, который был моложе супруги на шесть лет. Видимо, Надежда Петровна обладала недюжинным обаянием и притягательностью, легко сходилась с людьми. А ведь по воспоминаниям своей современницы Марии Ворониной, она не отличалась особой женской привлекательностью, коротко стриглась, играла в винт и предпочитала, зимой ездила на своем автомобиле в Сокольники – бегать на лыжах. Но истинный талант всегда привлекает людей, даже если это не всегда приятно его обладателю...

«Она была гениальным модельером. Она всегда беседовала с заказчицами, ей важно было по-

нять, зачем даме новое платье, – рассказывает историк костюма, помощник куратора выставки «Гений в юбке», посвященной наследию Ламановой, Татьяна Нагорских. – Она сразу понимала, какой даме что пойдет, как лучше скрыть недостатки фигуры и подчеркнуть достоинства. Работала Ламанова методом «наколки». Отрез ткани набрасывается на фигуру человека, дизайнер закалывает его булавками

Платья работы мастерской Н.П. Ламановой

ТОЛЬКО В РОССИИ

Мастерская Ламановой была ликвидирована после революции 1917 года. Собственный дом на Тверском бульваре (сегодня в нем располагается Информационное агентство России «ТАСС». – Прим. ред.) Надежде Петровне пришлось продать, чтобы рассчитаться с работниками мастерской и поставщиками. Казалось бы, после такого поворота событий Ламанова с мужем должны были эмигрировать, тем более что ее слава могла обеспечить ей безбедную жизнь в Париже. Но Надежда Петровна решает продолжить работу в России.

В 1918 году она вступает в РАБИС – Союз работников искусств. В 1919-м вместе с мужем попадает в Бутырскую тюрьму – аукается дворянское происхождение. За Ламанову и Каютова хлопочет актриса Мария Андреева, давняя клиентка Надежды Петровны и гражданская жена Максима Горького. Заступничество известного писателя оказывается спасительным: супругов отпускают, и Ламанова в том же 1919 году поступает на работу в отдел художественной промышленности Наркомпроса РСФСР. Она организует выставки, участвует в конкурсах и получает награды, придумывает костюмы для спектаклей в Театре Вахтангова. Она делает практически невозможное: не имея ни качественных тканей, ни фурнитуры, создает новую моду для Страны Советов, заимствуя идеи и в народном русском костюме, и в конструктивизме. Ей приходится делать платья из бумазеи, грубого солдатского сукна, холста, льна и даже рогожи. Где те прекрасные кружева, тончайший шелк, воздушный газ, разноцветные перья, стеклярус и стразы, из которых она когда-то создавала сказочные наряды? Канули в Лету...

У нее появляется верный друг и соратница – Вера Мухина, с которой Ламанова в 1925 году издает поразительный альбом «Искусство в быту». Его, кстати, так и не переиздали в наше время. А зря. Это уникальный самоучитель, рассказывающий, как из

Театральные костюмы, созданные Н. Ламановой для спектакля «Анна Каренина». 1937 год

простых и подручных материалов сделать красивые бытовые вещи, игрушки, одежду и даже театр теней!

В следующие пять лет Надежда Петровна по заказу «Кустэкспорта» создает коллекции одежды для выставок в Париже, Лейпциге и Нью-Йорке. Одежда из вышитых полотенец и бусы из крашеного гороха, которые демонстрируют Лиля Брик и Эльза Триоле, пленяют столицу высокой моды: на Всемирной выставке в Париже в 1925 году костюмы Ламановой получают Гран-при. Она продолжает сотрудничать с Константином Станиславским, который привлек ее к созданию костюмов для своих спектаклей еще в 1901 году.

Знаменитое красное платье Н. Ламановой, созданное для актрисы Алисы Коонен. Автор реконструкции – Елена Эланж

Пишет статьи для «Красной Нивы» и «Женского журнала».

В 1928 году – новый удар. Ламанову, как кустаря, имеющего двух наемных рабочих, лишают избирательных прав. Не желая мириться с унижительной ситуацией, она пишет заявление в избирательную комиссию с просьбой отменить это решение и прилагает отзывы о своей работе известных художников, преподавателей, театральных деятелей. В избирательных правах ее восстановили только через пару лет...

С 1932 года Ламанова работает консультантом и конструктором костюмов в Московском художественном театре, сотрудничает с Театром им. К.С. Станиславского, Театром Красной армии, Театром сатиры. Более того, становится одним из первых художников по костюмам в истории советского кино. Именно она одевала Любовь Орлову в «Цирке», она же создала костюмы для фильмов «Поколение победителей», «Иван Грозный» и «Александр Невский». Вместе с художниками Исааком Рабиновичем и Александрой Экстер придумывала футуристическую одежду для героев «Аэлиты» еще в 1924 году.

...Надежда Петровна Ламанова скончалась в Москве 15 октября 1941 года. Она не эвакуировалась вместе с коллегами из МХАТа,

нение «Выставочные залы Москвы». Руководитель студии «АРТ-Дизайн» Антонио Вильчес-Ногерол разрабатывал дизайн выставочного пространства, а известный дизайнер Сергей Васильев занимался костюмной частью экспозиции. Двадцать российских дизайнеров из разных городов России кропотливо воспроизвели модели великой Ламановой. Все это делалось собственными силами и на свои средства. Частью экспонатов для выставки также бесплатно поделились Музей Москвы и Музей МХАТ. Это платья и театральные костюмы, созданные первым советским модельером. Еще в экспозиции представлены два платья из частных коллекций, которые, по семейным преданиям, были куплены в мастерской Надежды Петровны. Наши энтузиасты их реставрировали».

К участию в выставке удалось привлечь и ведущих дизайнеров: в разделе «Звезды – звезде» свои модели представили Вячеслав Зайцев, Егор Зайцев, Игорь Гуляев, Олег Овсиев, Сергей Васильев, Виктория Андреянова, Константин Гайдай, Сергей Ефремов, Катя Леонович (Нью-Йорк), Елена Макашова. А Елена Супрун воплотила платье с известной картины К. Сомова «Портрет Е.П. Носовой». Фотографиями и документами для экспозиции поделились Государственный театральный музей им. А.А. Бахрушина, Государственный музей В.В. Маяковского, «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», журнал «Обсерватория культуры» при Российской государственной библиотеке, Российский государственный исторический архив, Государственный архив РФ, Центральный архив Москвы и Российский государственный архив литературы и искусства. Иногда память все-таки возвращается... ❶

тяжело переживала отъезд ближайшей подруги Веры Мухиной в Каменск-Уральский. В письме к Мухиной Мария Петровна Терейковская, младшая сестра Ламановой, так описала трагический день: «В среду 15-ого утром пошла в театр за деньгами. Она внешне была бодра и спокойна. <...> Спускаемся вниз по Дмитровке. И как раз против амбулатории Большого театра она просит у меня наплатить, я даю пузырек, а она поднесла его, понюхала и упала мне в ноги. Я старалась поднять, повернула на спину, зову ее, а она уже не отвечает». Похоронили великого русского модельера на Ваганьковском кладбище...

Платье Н. Ламановой и Е. Прибыльской. Принадлежало актрисе Алисе Коонен. 1920-е годы. Из фондов Музея Москвы

Модели дизайнеров Игоря Гуляева, Олега Овсиева и Вячеслава Зайцева, представленные на выставке «Гений в юбке»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Первая научная конференция «Н.П. Ламанова – легенда российской моды» состоялась в феврале 2016 года в Доме моды Вячеслава Зайцева. А затем международный обозреватель и историк моды Наталия Козлова решила организовать народный проект «Гений в юбке»: через социальные сети она призвала всех поклонников и поклонниц таланта Ламановой провести к 155-летию со дня рождения модельера выставку, которая объединила бы как оригинальные модели Надежды Петровны, так и реконструкции (копии) ее костюмов, созданные современными дизайнерами. И ведь получилось! «Народный проект, придуманный Наталией Козловой (куратор выставки) и успешно реализованный под ее чутким руководством, познакомил и объединил равнодушных к творческому наследию своей Родины людей, – рассказывает помощник куратора выставки «Гений в юбке», историк костюма, а также автор одной из реконструкций Татьяна Нагорских. – Помещение для выставки в «Галерее Беляево» на безвозмездной основе предоставило объеди-

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ РЫБИНСКОГО МОРЯ

Ида Климина
писала книгу
о переселенцах
много лет

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСЕЯ УСТИМОВА

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ОДНИМ МОРЕМ
НА ЗЕМЛЕ СТАЛО БОЛЬШЕ. В 1947 ГОДУ ЧАША
РЫБИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА ЗАПОЛНИЛАСЬ
ДО ЗАПРОЕКТИРОВАННОГО УРОВНЯ, И ПО ЕГО
ВОДАМ ПОШЛИ ПЕРВЫЕ СУДА. А СУХОПУТНЫЕ
ПРЕЖДЕ ДЕРЕВНИ И СЕЛА СТАЛИ ПОРТОВЫМИ
ИЛИ ПРИБРЕЖНЫМИ. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИМЕЛИ
ПРАВО УЕХАТЬ КУДА УГОДНО, НО БОЛЬШИНСТВО
ИЗ НИХ ОБОСНОВАЛИСЬ НА БЕРЕГАХ РЫБИНСКОГО
ВОДОХРАНИЛИЩА. РОДОВАЯ ПАМЯТЬ
О ЗАТОПЛЕННОЙ МАЛОЙ РОДИНЕ ПЕРЕШЛА
И К ПОТОМКАМ.

ПИСАТЕЛЬ-КРАЕВЕД
Ида Климина много
лет собирала свиде-
тельства участников
«великого переселения» 30-х и
40-х годов, которые вошли в ее
новую книгу, «Переселенцы Ры-
бинского моря». Будучи сама

уроженкой тех мест и юной сви-
детельницей событий, автор со-
вместила под одной обложкой
трагедию десятков тысяч людей,
вынужденных покинуть родные
места, и вынесенную из детства
радость и удивление перед вели-
ким чудом – обретением моря.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Мякса – большой поселок, рас-
положенный неподалеку от гра-
ницы Вологодской и Яросла-
вской областей. В 30-е и 40-е годы
прошлого столетия поселку до-
велось принять тысячи пересе-
ленцев из деревень и сел, подле-
жащих затоплению. Рыбинское
водохранилище, превосходя-
щее длиной береговой линии
Азовское море, затопило бо-
лее 600 поселений и город Мо-
логу. Многие из жителей густо-
населенной северо-восточной
части зоны затопления, кто не
имел сил и средств (большин-
ству переселенцев выплатили
лишь треть от обещанной сум-
мы. – Прим. авт.) для переезда
в Ярославль, Кострому или Ры-
бинск, оседали в Мяксе. Пере-
селенцы увеличили население
поселка более чем вдвое, не-
сколько новых улиц появилось
здесь, заняв землю колхозных

Город Молога, довольно крупный по местным меркам (почти 8 тысяч жителей), был затоплен

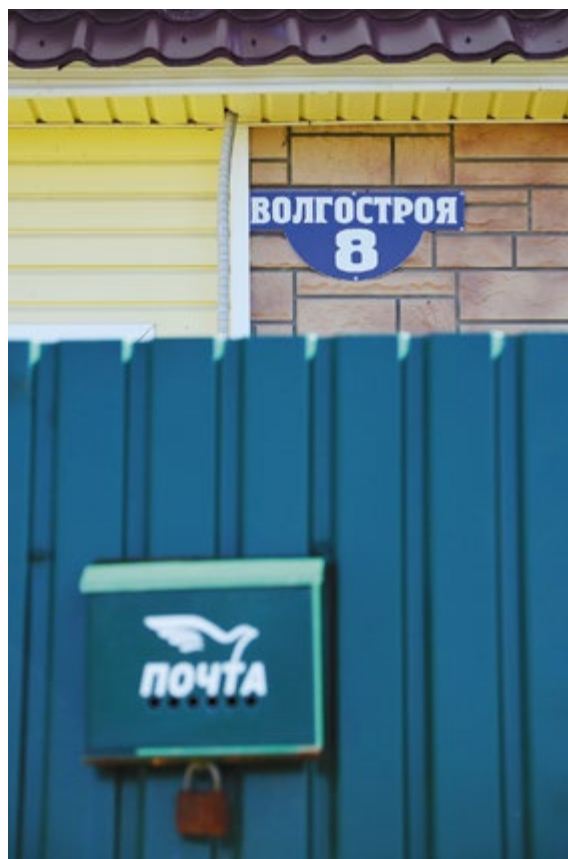
полей. Они существуют по сей день под теми же названиями. Улица Волгостроя увековечила строительно-монтажное управление НКВД, которое строило гидроузлы и готовило затопление. По соседству – улица Набережная, разбитая в паре километров от ближайшего берега. Почему ее назвали именно так, неизвестно. Возможно, думали, что вода со временем подойдет ближе.

Вместе с Идой Климиной мы обходим переселенческие улицы. Краевед знает, откуда «приехал» каждый дом, в ее рассказе звучат названия десятков затопленных деревень и сел. «Тот дом – из Леушина, этот из Пертовки привезли – в нем давно никто не живет. А в те дачники приезжают, – рассказывает она, возвращая каждому из домов малую родину. – Из Васильевского, из Ольхова, из Пустыни, из Костина». Некоторые из затопленных сел – не просто достояние позабытой местной топонимики. Леушино знаменито женским монастырем, одним из крупнейших в дореволюционной России. Пертовку увидите в любой биографии художника-баталиста Василия Верещагина – там располагалось их родовое имение. По воспоминаниям переселенцев, отца художника, который отличался неистовым характером, местные называли Васькой Пертовским. А в Ольхове родился всемирно известный кардиохирург Николай Амосов. В Мяксе и окрестностях и

сегодня живет немало Амосовых, и большинство имеют ольховских предков.

«В детстве мне казалось, что эти улочки, где жили переселенцы, были в Мяксе всегда, – пишет в предисловии к книге Ида Климина. – С возрастом при общении с взрослыми жителями поселка лишь улавливалось их сожаление о своей затопленной родине, но мы, молодое поколение 40-х годов, к этому относились равнодушно. Наши сверстники, дети переселенцев, ничем от нас, местных,

Улица Волгостроя появилась в Мяксе во время строительства водохранилища

не отличались, поэтому если и горевали старшие, то, скорее всего, Великая Отечественная война своей бедой отодвинула от внимания людей на второй план разговоры об утраченной родине, что осталась на дне Рыбинского моря». О детском равнодушии к рассказам новых односельчан и безграничной радости от обретения собственного моря – «мы с ребятами были несказанно рады и очень его ждали – наше море, вот не было его, и вдруг разольется, и не понимали, чего это взрослые вздыхают и плачут», – Ида Климина сегодня жалеет. «Помню, как в юности каждый день бегала за молоком одной дорожкой, а там соседка-переселенка сидит на скамеечке – мол, присядь, куда понеслась, поговорим, – вспоминает писательница. – А я ей – некогда, тороплюсь. А что бы присест к ней да расспросить обо всем? Потом, когда занялась этой темой, взрослые переселенцы почти все умерли, а их дети руками разводили: «Папа и мама что-то такое рассказывали, да разве мы слушали?»

Книга Иды Климиной «Переселенцы Рыбинского моря» разбита на главы, но не по хронологии и тематике, а по названию затопленных деревень и поселков в алфавитном порядке. Чтобы потомкам было проще найти малую родину предков по названию, застрявшему в памяти от рассказов родителей и бабушек-дедушек, пусть и невнимательно выслушанных. Время от времени на каменистом мяксинском берегу Рыбинского водохранилища появляются гости издалека, даже из-за границы, которые вглядываются в горизонт, потом бродят по поселку и расспрашивают жителей о своих предках. Некоторые приезжают с пожелтевшими фотографиями, которые, как кажется на первый взгляд, похожи одна на другую: ширь Рыбинского водохранилища, посередине застыла баржа. А на обороте надпись: «Здесь стояла деревня Кузьмодемьянское».

**«ЛЮДИ ПЛАКАЛИ, КОРОВЫ
МЫЧАЛИ, ОВЦЫ БЛЕЯЛИ»**

Но переселенцы писали не только на обороте фотографий. Некоторые брались за перо, оставляя многостраничные заметки – не для музея или архива, а для собственных потомков. Пережитое великое событие требовало увековечения. В книге Иды Климиной хорошо прослеживается, как в рядовых колхозниках, земледельцах и плотниках просыпается историческое сознание. Переселенец Егор Ванюшонков поступил умнее: сочинив поэму о переезде из родного Муравьева в чужие Большие Углы и связанных с этим бедствиях, много лет читал и пел ее при детях. Любые дневники и записи, как бережно их ни храни, горят и теряются, а память – самый надежный сейф. Спустя полвека с лишним 80-летняя дочь автора продиктовала поэму Иде Климиной, ни разу не запнувшись. «Жили мы семьей в покое, но случилась вдруг беда. К хате нашей с Волгостроя понахлынула вода» – так начинается сочинение. Но главная «беда» наступила после переселения, когда пришлось жить изгоями среди чужих людей. «Спать ложишься – не утрафил, если местные сидят, а встаешь наутро – тоже как на кролика глядят, – пишет крестьянин. – И в избе твоей неладно, самовар стоит не так. Стол, кровати не на месте, и котенок твой – чудак...».

С разрешения автора процитируем фрагменты из воспоминаний переселенцев. Свидетельства эти собирались в течение двадцати лет, в том числе по телефону и переписке, и многие из героев уже ушли из жизни.

«В начале 30-х годов по деревням поползли слухи о том, что на Шексне планируется создание «моря». Мало кто им верил. Но нельзя было не заметить людей, ходивших группами и в одиночку по берегам реки, лесу и болотам, вооруженных какими-то мало для кого известными приборами и инструментами. Слухи о стройке начали подтверждаться, когда в лесу по-

Жизнь
Леушинского
монастыря
снимал
в 1909 году
пионер цветной
фотографии
Сергей
Прокудин-
Горский

явились отряды заключенных и под охраной солдат стали строить бараки для жилья. Потом очистили от могильных крестов и мраморных памятников кладбища. С повышением уровня воды их стало вымывать, и волны на своих гребнях понесли в море доски, бревна и гробы. Более жуткой картины никому не снилось во сне» (автор неизвестен, с. Луковец).

«Видел, как первые бригады заключенных начали вырубать лес. Его пилили на двухметровые и метровые чурки, чтобы можно было сжигать в топках пароходов. На очистку dna

были брошены и немецкие военнопленные. Жили они в землянках на острове» (В.С. Дьяконов, дер. Пустынь).

«Люди долгое время не могли поверить, что придется уезжать с насиженных мест, но, однако, постепенно стали готовиться к переселению. Стали думать, куда переезжать? Волгострой всем переселенцам начал выдавать определенную сумму денег, но далеко не достаточную для нормального переселения. Стали подкапливать деньги, кто как мог, запасать строительные материалы. Наша семья тоже начала готовиться к переезду.

Ида Климина
вспоминает,
как радовалась
в детстве
появлению моря
в деревне

Было решено перевезти дом в Ярославль. А в то время приобрести строительные материалы было почти невозможно. Не было кровельного материала, не было нигде и кровельных гвоздей для дранки. В 1938 году отец сам изготовил станок для изготовления сосновой дранки. На этом станке мы всей семьей заготавливали себе дранку» (В.А. Черепанов, дер. Ольхово). «Когда приказано было переселиться, то выбрали Мяксу, районный центр, потому что отец в те годы уже работал на руководящих должностях. Дом перевезли свой, оставив лишь ниж-

ние бревна, поэтому в Мяксе он стал на два венца ниже. При переезде бабушка закрыла на замок амбар, рассчитывая вернуться за вещами. Но когда приехала снова, увидела перед домом кострище и всюду разбросанные семейные фотографии, «екатерининки» – деньги, хранившиеся от царских времен. Значит, здесь побывали «услонцы» – так называли заключенных, которые работали на лесоповале по расчистке дна» (Т.Л. Козлова, дер. Голосово). «Перед затоплением молодежь стала оформлять паспорта и уезжать в город. В деревне остава-

Сегодня водохранилище для жителей Мяксы – место отдыха и рыбалки

Село Мякса приняло сотни переселенцев, став одним из крупнейших в Череповецком районе

лись старики, и они захотели выбрать нового председателя. После собрания сразу забрали 18 человек мужиков. Моего отца и его попутчиков взяли по дороге, когда они везли груз на пристань. Их остановили, привязали лошадей, скомандовали сесть на другую подводку и увезли в Мяксу. Это был 1937 год. Босыми увели и через день расстреляли. Отец был хорошей мастеровой. Поселились в деревне Кодино. Купили старый дом, он требовал ремонта – в простенки была видна улица. Мама была больная, и я одна ходила в лес дергать мох. Сосед сделал деревянные лопатки, научил, как конопатить стены, сказал: «Справишься». Устроились вдвоем с мамой, а потом... война» (В.Ф. Астафьева, дер. Среднее). «Помню, как выселяли. Вот подъезжают на лошади к дому, сундучок маленький ставят сверху, ребятишек сажают на телегу, сзади привязана другая лошадь. Хозяйка из дому выходит: «Ой, караул», – закричала, упала... Это выселение запомнилось мне на всю жизнь» (Е.А. Кочкина, дер. Леушино). «Ложились спать, все было хорошо, дом стоял, утром встали – у нас уже крыши нет, потом и дом сломали. Отец загородил

В прошлом году в Мяксе начали восстанавливать Леушинский монастырь на берегу

печку, так тут вокруг печки и жили» (В.В. Кочкина, дер. Кузьмодемьянское).

«Мы, дети, были рады, что переезжаем, не понимали, почему мать плачет. Сели на телегу «мал мала меньше», брат Александр с гармошкой, с нами шестеро щенков и поехали» (Р.Г. Славинская, дер. Кузьмодемьянское).

«Наша деревня стояла на песках. Места были ягодные. Мы долго не могли найти подходящего места для жилья, места вокруг были плохие: глинистые, с камнями, ни грибов, ни ягод» (А.Ф. Сивова, дер. Борки Шубацкие).

«Летом в нашу деревню Вайшу приезжали москвичи за лекарственными травами. Нам, детям, давали по два сладких петушка на палочке, и мы охапками собирали для них цветы. В 1937 году Вайшу первой начали переселять в Кострому. Когда грузились на баржи, помню, что плакали взрослые, дети и вся скотина: коровы мычали, овцы блеяли» (З.И. Акимова, дер. Вайша).

«Нашу деревню Веретье выселили частично, в одно время она оказалась отрезанной от цивилизации – дороги затоплены, на машине не проехать, только зи-

В округе Мякса и ее храмы, затопленные и действующие, считают святым местом

мой по льду. Жили обособленно, но не бедствовали, мы и в войну не голодали. Сажали картошку, сеяли хлеб, море грибов и ягод прямо за околицей. Пять лет шла война, рыбу в водохранилище ловить было некому, и ее развелось очень много, а вот скотину не держали – луга и поля были затоплены» (Владимир Зайцев, дер. Веретье).

«После образования Рыбинского водохранилища климат значительно изменился, ведь раньше не было ветров, как сейчас, был лес по обе стороны Шексны. Все снесли – дует напролет, один холод от моря. Бывали такие ураганы, что крыши сносило» (А.В. Мешалкина, дер. Кузьмодемьянское).

«ЗЕМЛЯ БЫЛА ХОРОШАЯ, ТАКОЙ БОЛЬШЕ НЕТ»

Серафим Павлович Тяпин – последний из мяксинских переселенцев, с кем и сегодня можно присесть на скамейку и послушать рассказы про то, как «море делалось». В следующем году Серафиму Павловичу исполнится 90 лет, а он до сих пор вместе с супругой управляется с боль-

шим огородом. Дети разъехались по большим городам и родителей навещают не так часто, а потому большой стол, вырубленный еще дедом Серафима Тяпина и прошедший переселение и войну, смотрится лишним – старики и за маленьким умещаются. «Сколько лет прошло, а ему хоть бы что, – хлопает Серафим Павлович по столеш-

Серафим Тяпин – последний из ныне живых переселенцев, живущих в Мяксе

Стол, вырубленный дедом 90-летнего Тяпина, пережил все невзгоды переселения и войны

нице, стоящей на слоновьих ногах, а та даже не скрипнула. – Семья у нас большая была, детей только – пятеро, с трудом размещались за столом. Вот там, на уголку, мое место было. Тот угол, который ножом изрезан. Моя работа, и попало же от деда тогда».

Серафим Тяпин – уроженец деревни Леушино и в детстве видел знаменитый монастырь из окна. «Мы в нашей деревне почти самые последние уезжали, отец работал мастером в колонии для трудновоспитуемых и держался на работе до последнего, – рассказывает он. – Потом в 1940 году, когда мы все же уехали, мы с братом решили вернуться летом в наши места и сена накосить, места-то под затопление шли. Когда зашли в деревню, ничего не увидели из-за дыма – жгли дома, разные постройки, лес. Жуткое зрелище. А с сеном ничего путного не вышло. Накосили, разложили сохнуть, а у нас колхоз все и забрал – мол, не имели права на колхозной земле косить».

Из Леушина Тяпины переехали в Исаковку – глухой хуторок, окруженный лесом. Новое место никому в семье не нравилось, но другого не нашли. В Леушине земля была песчаной, дети все лето босиком бегали, а в Исаковке и в обуви «все пальцы на ногах поотшибали – везде коренья». До школы три километра, а до магазина, почты и медпункта все пять. Во время весеннего бездорожья путь к цивилизации преодолевали по колено в воде. «В Леушине земля была хорошей, я такой нигде не видел, – с грустью вздыхает Серафим Павлович. – Речка рыбная, а лес такой богатый, что кормил всех – грибы собирали только белые, корзинами носили. Ягод столько, что голубику уже не брали. Хоть сам ешь, хоть заготовителю за деньги сдавай. Место стояло в низинке, тепло и солнечно. Нет, не будет больше такой земли, до сих пор по ночам снится». ■

ГЕНИЙ МЕСТА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

ХВАЛЫНСК БЫЛ БЫ ОБЫЧНЫМ МАЛЕНЬКИМ ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ ГОРОДКОМ, ЕСЛИ БЫ НЕ ДАЛ МИРУ ГЕНИАЛЬНОГО ЖИВОПИСЦА, ТЕОРЕТИКА ИСКУССТВА И ПИСАТЕЛЯ КУЗЬМУ СЕРГЕЕВИЧА ПЕТРОВА-ВОДКИНА.

В САМОМ ЦЕНТРЕ ХВАЛЫНСКА, выросшего в XVI веке из сторожевого поста Сосновка, стоит бронзовый Кузьма Петров-Водкин. Он опирается на велосипед, на плече его – этюдник. Образ этот не случайный: в апреле 1901 года студент Московского училища живописи, ваяния и зодчества Петров-Водкин решил съездить в Мюнхен. Денег на билет, конечно, не было, и потому Кузьма договорился с одной немецкой компанией: он рекламирует ее продукцию в обмен на велосипед этой фирмы. Дело сладилось,

и молодой художник отправился в путь...

Много позже Петров-Водкин напишет замечательные автобиографические повести – «Хлыновск» и «Пространство Эвклида». Внимательному читателю они дарят огромный и непростой мир русской провинции, населенный людьми с ярчайшими характерами, полный каким-то метафизическим ощущением природы, смен времен года, запахов и звуков. От главного героя – необычного мальчика, вскоре прославившего свой город, – не ускользает ни одна важная

деталь: он смотрит на мир глазами художника.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин родился в семье сапожника-старообрядца в 1878 году. Жили бедно, своего дома не имели, приходилось мыкаться по съемным углам. Лишь в 1905 году Кузьма Сергеевич, уже известный художник, купил родителям собственный дом. Деньги на покупку появились благодаря крупному заказу: Петров-Водкин написал панно «Богоматерь с младенцем» для Ортопедического института Вредена в Петербурге.

Мать художника, Анна Пантелеевна, работала горничной у Михайлова, одного из богатейших купцов города, который в «Хлыновске» выведен под фамилией Махалов. Мальчик жил с матерью во флигеле купеческого дома. «И здесь я получил ощущения цветовых спектров в переливах и переключках между кровавыми бегониями, нежными левкоями и пестротой анютиных глазок. Здесь, любовью чело-

Зимний
Хвалынский.
Вид с горы
Каланчи
на деревянные
дома
и доминанту
города –
пожарную вышку

К юбилею
художника
в центре
Хвалынска
установили
бронзовую
фигуру Петрова-
Водкина.
Он опирается
на велосипед,
за спиной
мольберт.
Памятник
посвящен
путешествию
художника
в Европу
в 1901 году,
поэтому рядом
макет верстового
столба

века поощряемый, разлагался во всех нюансах солнечный спектр в лепестках, венчиках и в шапочках цветов и вспыхивал пурпуром, синевою и желтым на корпусном сложном, зеленом цвете листвы», – вспоминал художник в «Хлыновске», описывая чудесный сад купца Михайлова. А дом, который Кузьма Сергеевич купил родителям, находится далеко от центра города – в его южной части. Привлек он художника тем, что в нем прорублено 15 окон, выходящих на разные стороны света. Художественно-мемориальный музей Петрова-Водкина открылся в доме только в 1995 году. Здесь любовно воссоздали прежнюю обстановку, есть даже вещи, принадлежавшие семье, в том числе швейная машинка матери художника, которая много шила на заказ. Здесь и палитра с кистями, и ранние работы мастера. Есть даже копия картины Тициана «Динарий кесаря»: говорят, именно на нее обратил

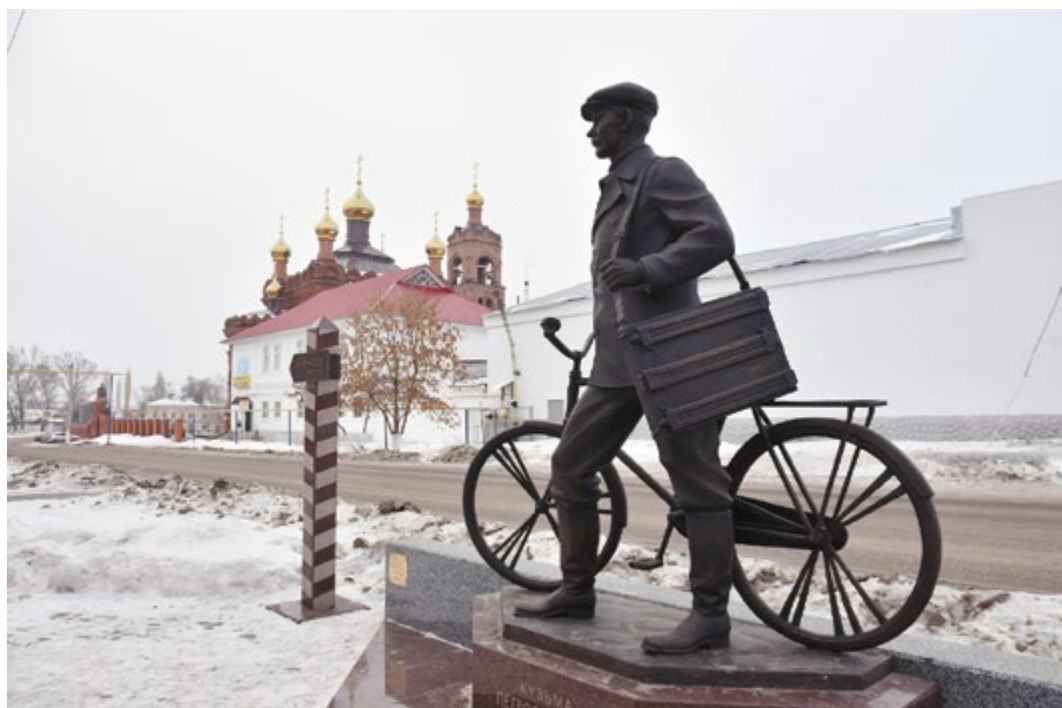
внимание меценат, изменивший жизнь Кузьмы.

В мае 1895 года в Хвалынский приехал знаменитый архитектор Роман Мельцер: он получил заказ построить под Хвалынском дачу для состоятельной петербургской дамы – Казариной. А мать будущего художника, уже успешного окончившего четырехклассное городское училище, потрудиться в судоремонтных мастерских, провалиться на экзаменах в железнодорожном училище в Самаре, помалевать вывески и поучиться в самарских «Классах живописи и рисования» Федора Бурова, работала у сестры Казариной горничной. Художественные опыты Кузьмы показали Мельцеру, тот пришел в восторг и уговорил Казариных помочь юному дарованию учиться в Петербурге. И в 1895 году Петров-Водкин стал студентом Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Юлия Казариная еще долгое время посылала ему «стипендию» в 25 рублей, помогала и позже, когда Кузьма учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Желание учиться живописи боролось в Кузьме с представлениями его семьи: ведь отец считал, что все художники были бездельниками.

СИНИЙ, СИНИЙ, СИНИЙ

Художник Александр Георгиевич Траугот как-то рассказал мне, что коллекционирует «последние слова, произнесенные выдающимися живописцами». Когда великий Кузьма Сергеевич Петров-Водкин умирал от туберкулеза в своей ленинградской квартире в 1938 году, у его постели был и его ученик Вячеслав Пакулин. Умирая, Петров-Водкин повторял: «Синий, синий, синий, синий». Пакулин сказал: «Конечно, вы столько сделали для этого цвета».

Среди современников Петрова-Водкина можно назвать немало невероятных колористов. Они все «открыли» для себя чистые, яркие цвета. Многие насмотрелись французских импрессионистов и постимпрессионистов, многие и поучились во Франции, отбросили академические каноны. Стали писать смело и даже нагло: фиолетовые тени, натурщики то с желтоватыми, то с зеленоватыми телами, лимонные облака. Но даже в этой компании Петров-Водкин стоит особняком. Про его творчество, которое всегда будет казаться загадочным, правильнее было бы сказать: философия, мировоззрение. Даже перспектива на его картинах особая, изобретенная им самим – «сферическая»

УЧЕНИК ИКОНОПИСЦЕВ

Более ста лет назад в селе Поповке под Хвалынском расписывали церковь. Иконописцы оставались на постой в одной из изб и в благодарность украсили ее стены и потолок. Эти фрески чудом сохранились до наших дней. Сталкивался ли с этими мастерами Петров-Водкин, видел ли эту живопись? Этого мы никогда не узнаем. Но хорошо известно, что иконопись серьезно повлияла на формирование художника Петрова-Водкина.

Первые свои представления об искусстве Кузьма получил, разглядывая расписные люльки, которые мастерил сосед, мастер-вывесочник. Отроком Кузьма стал брать уроки у хвалынских иконописцев. Один из них, монах Варсонофий, жил в старообрядческом Черемшанском Свято-Успенском мужском монастыре недалеко от Хвалынска. Он сам себе запретил писать

РИА НОВОСТИ

или «наклонная». Высокий горизонт, который изгибается, валится куда-то вбок, падающие фигурки на краю холста. Кажется, что художник видит сцену, которую изображает, одновременно с нескольких точек – вблизи и из космоса. Сам художник писал, что однажды, бросившись на землю, увидел ее «как планету». А знаменитый розовый цвет бумаги, на которой разложена селедка на натюрморте времен большого голода в Петрограде? Такой розовый не написал никто. И такого красного и синего, как у Петрова-Водкина,

тоже никто не написал. Только на византийских иконах можно увидеть нечто подобное – вот где сияют синие одежды Богоматери, вот где светится алый фон! И есть еще одна отсылка к иконам: древние иконописцы четко соблюдали пропорции, у них почти математически выверенное не только качество цвета, но и его количество. Хотя делали они это интуитивно. То же самое и у Петрова-Водкина на всех его картинах, начиная со знаменитого «Купания красного коня» и заканчивая последней большой работой – «Тревогой»...

Самое известное произведение Петрова-Водкина, «Купание красного коня», было написано в 1912 году.

Произвело невероятное впечатление на современников, Есенин под ее влиянием написал стихи, где есть слова о «розовом коне».

Для русского народного искусства и для иконописи красный – это основополагающий цвет

светлые овалы. Такие образа потом завершали другие мастера, в том числе и иконописец, оказавший огромное влияние на Кузьму – старообрядец Захарий Суконцев. Его работы хранятся в Музее Петрова-Водкина в Хвалынске. В их числе не только иконы, но и светская живопись, трогательная в своей наивности. Она, кстати, Петрова-Водкина не вдохновляла: цвета мало, она почти монохромная. Кузьме было жаль, что после того, как Захарий покрывает иконы лаком, цвет с них меркнет, уходит. Именно Суконцев научил будущего великого живописца темперной технике. Они бродили по хвалынским оврагам и берегам Волги, искали самородные охры и разноцветные камушки, растирали их, превращая в порошок, который затем разводили яичным желтком и квасом.

С. ТАРТАКОВСКИЙ / РИА НОВОСТИ

Знаменитый натюрморт «Селедка» написан в 1918 году в Петрограде, это было время, как говорили потом старожилы, «первого голода». Скромные предметы кажутся монументальными, ярко светится розовый цвет оберточной бумаги, на которой лежат селедка, хлеб и картофелины

ТРИУМФ ПОСЛЕ ЗАБВЕНИЯ

Великий живописец, теоретик искусства, писатель, преподаватель. Сейчас это сложно представить, но имя Петрова-Водкина долго было в забвении. К примеру, в начале 1960-х в издательстве «Художник РСФСР» альбом Петрова-Водкина был вычеркнут из планов президентом Академии художеств Владимиром Серовым. Долгое время – ни одной выставки, ни одной публичной лекции об авторе «Купания красного коня». Для возвращения Петрова-Водкина много сделал легендарный директор Русского музея Василий Пушкирев. По его инициативе были куплены работы у семьи художника, а картину «Смерть комиссара» удалось получить из фондов Центрального музея Советской армии, где она пылилась с 1928 года. Причем Пушкиреву приходилось применять изобретательность и находчивость, чтобы перехитрить чиновников Министерства культуры, запрещавших покупать картины Петрова-Водкина. Пушкирев же заявил, что дело не в художнике, а в идеологически правильной теме. Только тогда «Смерть комиссара» разрешили приобрести. А организовать масштабную выставку художника помог случай. В Русский музей обратился знаменитый поэт Константин Симонов, попросивший предоставить несколько работ Петрова-Водкина, прежде всего «Портрет Анны Ахматовой», для экспозиции в Центральном доме литераторов. Пушкирев тут же написал в Министерство культуры, что не может отказать великому Симонову, но музей сам планирует выставку Петрова-Водкина. В итоге в Русском музее показали 164 живописные и 130 графических работ, а также эскизы декораций художника. До последнего момента говорили, что выставку запретят. Вот как вспоминал сам Пушкирев об этом в одной из статей: «И все-таки вернисаж состоялся 23 марта 1966 года. Пожалуй, ни одна выставка, открытая в Русском музее ранее, не пользовалась таким успе-

В «Пространстве Эвклида» Петров-Водкин вспоминает учителя, которого называет Филиппом Суконцевым: «У Филиппа Парфеньича узнал я о процессах работы над иконой – от заготовки левкаса до санкирного раскрытия ликов и до движений. Полюбился я, видать, старику моей радостью возле его дела, да и уж очень хотелось самому мне попробовать работы, и вот мастер дал мне прописать на подновляемой иконе травчатые околичности и палаты. Когда мною было покрашено довольно много, Филипп Парфеньич, указывая на кричащие на иконе мои краски деревьев и гор, рассказывал мне о том, как всякий цвет требует сдержанности, улаженности между тонами. Жаль мне было расстаться с чистым цветом, хотелось повышенных гамм, но иконописец сбелил яркость и сложной смесью красок приглушил цвет». Свою первую икону, «Богоматерь с гневающимся Младенцем», Кузьма написал в отрочестве. У священника соборной церкви она одобрения не получила, но понравилась отцу Ни-

колаю, который крестил Кузьму. Позже, уже студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Кузьма получил заказ не только на изображение Богородицы на фасаде, но и на иконостас для церкви института Вредена в Петербурге. Но иконостас не понравился императрице. Затем история повторилась. В 1902 году вместе с товарищами он расписывает церковь Казанской Богородицы в Саратове. Фрески признали неканоническими и закрасили. В 1910 году он работает в храме Василия Златоверхого в Овруче, потом расписывает церковь в родном Хвалынске. После 1912 года Петров-Водкин к храмовой живописи не возвращался. «Искусствоведы говорят про связь картин Петрова-Водкина с иконой. Эта связь опосредованная, – считает заведующая Музеем К.С. Петрова-Водкина в Хвалынске Валентина Бородинна. – Он видел в каждом человеке божественное начало. В каждой женщине, которая сидит в избе или на наших хвалынских холмах, чувствуется Богородица. В каждом мужчине – Иисус».

Дом со львом в селе Поповке под Хвалынском. На стенах избы изображены символы евангелистов. По легенде, дом расписали заезжие иконописцы

Как и всякий деревянный город, Хвалынский много раз горел. В 1896 году здесь построили типовую пожарную вышку из красного кирпича. Петров-Водкин в своей автобиографической книге «Хлыновск» блестяще описал один из пожаров

На многих воротах и дверях остались вот такие почтовые ящики советского времени

видит расстилающийся внизу Хвалынский, окруженный меловыми горами.

Город удивительным образом не испорчен современным строительством, не замусорен рекламой. Изредка встречаются выцветшие плакаты еще советского времени, которые, как ни странно, смотрятся здесь органично. Весь городок с населением в 12 тысяч человек – одноэтажный или двухэтажный. Пожарная каланча видна издалека. Жизнь течет размеренно, никакой суеты. Погожими вечерами около раскрытых окон сидят скучающие пожилые люди, многие полулежат на подоконниках, высматривают прохожих, чтобы завести разговор, рассказать про свою жизнь. Иногда пожарные выкачивают из ворот части красную машину, долго и тщательно ее моют. Торопиться некуда. В парке никого. Заколочена дверка маленького тира. Ряд сосен... И надо всем возвышается постамент, с которого смотрит выкрашенный серебряной краской Ленин.

Богоборческие времена прошли по Хвалынску катком. Не пожалели Крестовоздвиженскую церковь, где крестился и венчался Петров-Водкин и где в 1911-м он написал фреску «Распятие». Осталась в Хвалынске одна церковь, освященная как Крестовоздвиженская – в память о снесенной. До революции это был старообрядческий храм Покрова Пресвятой Богородицы. Пустует Соборная площадь. Здесь, на месте взорванной в 1937-м церкви

хом. К открытию были изданы каталог и брошюра Е. Елизаровой (в то время – заведующая отделом советской живописи в ГРМ. – Прим. авт.) о произведениях Петрова-Водкина в Русском музее. Это были первые издания после длительного замалчивания. <...> Деятели культуры Ленинграда и Москвы поздравляли Русский музей с выставкой, с возвращением творческого наследия одного из лучших советских художников. И странно, не было ни одного начальственного окрика, выражения неудовольствия. Министерское руководство, Академия художеств, руководство союзами художников – все вели себя так, как будто ничего выдающегося не случилось».

Очереди в музей стояли километровые, в каждой интеллигентной компании обсуждали знаковые работы гения – и «Купание красного коня», и «Сон», который так критиковал Репин, и картины-иконы – «Богоматерь Умиление злых сердец», и «Петроградскую Мадонну». Пушкиреву удалось добиться, чтобы выставку показали и в Москве, и в странах соцлагеря.

СТАРЫЙ ХВАЛЫНСК В НОВОМ СВЕТЕ

...Туристов в Хвалынске не так уж много. Железную дорогу сюда не проложили, путешествовать неспешно на пароме сейчас не принято. Можно доехать на поезде до Сызрани, а оттуда добираться на маршрутке. На машине ехать до Хвалынска утомительно: свернув с федеральной трассы, придется трястись по ухабам мимо малонаселенных деревень. Последние километры дороги примечательны: путешественник

Хвалынский окружен меловыми горами, которые так любил Петров-Водкин. На многих его картинах изображены эти узнаваемые холмы

Советская улица сплошь из исторических домов. Особняк купца первой гильдии Чертухина давно стоит заколоченным и постепенно разрушается. Один из самых необычных домов Хвалынска, он был построен, по некоторым сведениям, в 1860-е годы

Ныне книжный магазин, до революции аптека Снегиревой. Один из образцов купеческого модерна

Казанской иконы Божьей Матери, устроили трибуны для митингов. Площадь навевает тоску. Кстати, именно здесь в сентябре 1918 года агитировал за новую власть Лев Троцкий. Пламенный оратор неслучайно уделил время маленькому городку: большевики установили здесь свою власть не сразу, отчаянно сопротивлялись юнкера и офицеры Военно-топографического училища. Да и простые горожане не стремились поддержать новую власть...

КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД

На гербе Хвалынска, получившего свое название от древнего имени Каспийского (Хвалынского) моря, резвятся стерлядки. После того как в 1967 году устроили Саратовское водохранилище и затопили несколько деревень, климат в городе поменялся, стал более сырым. Выросли на улочках многочисленные ивы. А стерляди в Волге теперь практически нет. Горожане шутят, что герб надо изменить, изобразить на нем яблоки. Ведь Хвалынский был и

остался городом яблоневых и грушевых садов. Базар в выходные дни – загляденье: тут и всевозможная рыба, и варенья, и соленья, и травы, и, конечно, все сорта яблок. Чай в Хвалынске заваривают особенно – с душицей и сушеными яблоками. Когда-то Хвалынский был богатым, здесь жили состоятельные купцы, многие из которых были старообрядцами. Но те времена давно прошли: о доходной торговле зерном теперь напоминают лишь заброшенные склады и мельницы на краю города, в некоторых из них устроены многоквартирные дома. «Весело было в городе в зерновой разгар. Крендельщики, сбитенщики снуют, перекликаясь товаром. Ларьки разбиты у самых возов с душистым, свежего помола, хлебом, с леденцами, парнушками с яблочной пастиллой, с кадушечным и сотовым медом. В других лавках весь товар налицо выставлен, и не протолкаться в лавках от покупателящего люда», – писал в повести «Хлыновск» Петров-Водкин. Приезжему в Хвалынске надо неторопливо гулять. Сначала обойти центр, а потом направиться в район, который называется «Маяк», и посмотреть на городок с горы Каланчи. Отсюда видно, что центральные улочки

Хвалынский – городок с провинциальными устоями. Погожими днями в окнах можно увидеть бабушек, которые охотно ведут разговоры с прохожими. Если поймут, что перед ними турист, и дорогу покажут, и всю свою жизнь расскажут

ки застроены старинными купеческими домиками, похожими на разноцветный зефир – розовыми, желтыми, светло-серыми. Каждый хозяин стремился построить что-то оригинальное. Вот дом кондитера Ледкова с несимметричным фасадом и круглыми окнами, аптека Снегиревой, дом купца Солдаткина... Провинциальный модерн во всей красе. Впрочем, ярче всех сумел заявить о себе купец Колояров, покрасивший свой кирпичный дом на берегу серебряной краской. Чтобы было видно с Волги. Он и сейчас стоит на своем месте, здесь устроена небольшая гостиница, но о серебряной краске остались лишь воспоминания.

Знаменательным событием стало посещение Хвалынска наследником престола, будущим Александром II, в июне 1837 года. Сопровождавший цесаревича поэт Василий Жуковский оставил записи, в которых о Хвалынске говорится: «Приезд ночью в Хвалыnsk. Три довольно крутые горы. Ароматный запах. Хвалыnsk, довольно опрятный город». Наследник со свитой остановились в одном из домов купца Михайлова. Видимо, в том, где сейчас расположен краеведческий музей. Судя по остаткам интерьеров, здесь было роскошно: сохранилась ведущая на второй этаж деревянная широкая лестница и цветные стекла в створках дверей.

Этот дом в южной части Хвалынска Петров-Водкин купил в 1905 году для своих родителей, до того не имевших своего жилья. Сам художник каждое лето стремился в Хвалыnsk. В этом домике написал многие свои произведения, в том числе знаменитую картину «Купание красного коня». Вдова и дочь художника жили здесь во время Великой Отечественной, а в 1943-м они продали дом

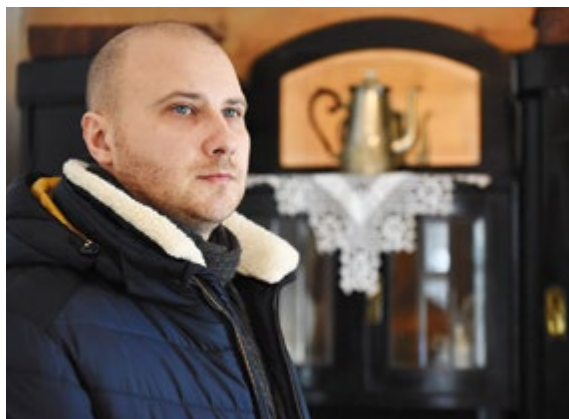

УЧЕНИКИ

«Живопись – не забава, не развлечение, – говорил Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. – Она умеет каким-то еще неизвестным мне образом расчищать хлам людского обихода, кристаллизовать волю и обезвреживать дурноту социальных взаимоотношений». Именно в этом он видел основную задачу изобразительного искусства. Академия художеств присвоила Петрову-Водкину звание академика только через тридцать лет после его смерти. Это странно, если учесть, что художник преподавал практически всю жизнь и считал это дело очень важным. С 1910 года он работает в частной школе Званцевой, с 1918-го по 1932-й – в Академии художеств, которая в те времена не раз меняла название: ВХУТЕМАС, ВХУТЕИН, ИНПИИ. Почему он перестал профессорствовать, можно догадаться. С одной стороны, он уже серьезно болел. С другой – в 1932 году он был выбран первым председателем Союза художников Ленинграда. ИНПИИ окончательно переименовали в Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина Академии художеств СССР. Преподавание стало возвращаться к тем принципам, что царили здесь до революции. В эти каноны не очень-то вписывались установки Кузьмы Сергеевича, хотя к тому времени теорию трехцветного спектра, сферическую перспективу, «проблемы движения» усвоили сотни студентов. «За долгие годы педагогической работы через школу Петрова-Водкина прошло много учеников, однако из них только несколько человек выросли в крупных мастеров, – писал в од-

Картина «Семья художника» находится в Доме-музее Петрова-Водкина. Он написал ее в 1903 году и изобразил на ней свою мать. Примечательно, что холст висит в той самой комнате, спальне матери, где она и была создана

Алексей Наумов, потомственный житель Хвалынска, историк. Сфотографирован в Доме-музее Петрова-Водкина на фоне старинного чайника, который передал для музейной экспозиции

ной из статей Владимир Костин, помогавший Василию Пушкиреву в организации выставки Петрова-Водкина 1966 года. – Это прежде всего Александр Самохвалов, Алексей Пахомов, Владимир Дмитриев, Уга Скулме, скульптор Борис Каплянский. Были у Петрова-Водкина и другие, более любимые ученики – Чупятков, братья Прошкины, Голубятников, Приселков, Лаппо-Данилевский, Черкесов, Петр Соколов, Владимир Малагис и другие, но их искусство не подкрепило школу и педагогическую систему своего учителя». Недавно в Русском музее с успехом прошла выставка «Круг Петрова-Водкина», на которой показали работы его учеников. Многие имена стали открытием даже для специалистов...

Вид на Крестовоздвиженскую церковь с холма. Сейчас это единственный действующий православный храм города. Его история необычна. Он был построен в 1914 году как старообрядческая Покровская церковь. В 1931-м ее закрыли и частично разрушили, а после Второй мировой отдали православным и пересвятили

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ

Художница Ирина Барягина живет и работает в Москве. Но детство ее прошло у бабушки – в деревне под Хвалынском. Несколько лет назад Ирина решила купить дом в этих краях: Хвалынск ее поразили, совсем не изменился. Ирина купила милый одноэтажный домик на улице Красноармейской, бывшей Купеческой. До революции здесь жил купец Малафеев, торговавший вареньем и отличавшийся изобретательностью и тягой к прекрасному. В своем домике он устроил невероятные потолки. Причудливая лепнина была раскрашена в разные цвета, не пожалел Малафеев ни серебряной, ни золотой краски. Чем не дворец? Соседские мальчишки заглядывали в окна, чтобы полюбоваться сверкающими плафонами. Ирина постаралась воссоздать здесь интерьеры, типичные для купеческого дома на Волге. Прикупила у соседей оставшуюся старинную мебель – кровати с металлическими спинками, диваны затейливой конструкции, с откидными подлокотниками, зеркала в рамах. Теперь здесь собирается местная интеллигенция... Алексей Наумов, молодой краевед, начал интересоваться исто-

В гостях у художницы Ирины Барягиной. Она купила этот купеческий домик с потрясающей лепниной потолков в центре Хвалынска, а затем наполнила интерьеры мебелью, купленной у соседей

рией родного Хвалынска еще в школьные годы. Позже он начал разыскивать потомков тех, кто раньше составлял славу Хвалынска. Благодаря стараниям Алексея, местные музеи пополнились некоторыми раритетами. Но все же самое главное – это возвращение из небытия имен достойнейших горожан. Алексей написал не одну статью, а затем снял и фильм про графа Александра Медема, арестованного по «делу церковников» и умершего в тюремной больнице в 1931 году. А в 2000 году Русская православная церковь причислила его к лику святых новомучеников. Недавно в Хвалынске открыли воскресную школу. Отец Виталий вместе с Алексеем организовали здесь маленький музей. Сейчас Алексей Наумов готовит к печати свою вторую книгу о родном городе. И бьется за то, чтобы организовать профессиональную реставрацию картин учителя Петрова-Водкина – Захария Суконцева. В местном музее реставраторов должной квалификации нет. В Хвалынске надеются, что имя Петрова-Водкина должно привлечь столичных живописцев. Но пока ничего подобного не наблюдается... ❀

В ОСАДЕ ЗАСТРОЙЩИКОВ И ЭЗОТЕРИКОВ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТАКИЕ МЕСТА, КАК ЗВЕНИГОРОД, ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОБХОДИЛА СТОРОНОЙ ДОЛГИЕ ВЕКА. ЗДЕСЬ НЕ ПРОКЛАДЫВАЛИСЬ ОЖИВЛЕННЫЕ МАГИСТРАЛИ, НЕ СТРОИЛИСЬ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГИГАНТЫ, А ПОТОМУ ГОРОДОК СОХРАНИЛ ОЧАРОВАНИЕ МИНУВШИХ ЛЕТ. БУКВАЛЬНО КАЖДЫЙ КЛОЧОК ЗВЕНИГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ НАПОЛНЕН ИСТОРИЕЙ, А ЗНАЧИТ, ЕСТЬ НЕМАЛО ТЕХ, КТО СЧИТАЕТ, ЧТО ЕГО НУЖНО ПОВЫГОДНЕЙ ПРОДАТЬ.

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД историческая память в Звенигороде хранится с должным почтением. Всякого, кто въезжает в Звенигород, встречает памятник: на невысоком постаменте стоит князь, а справа от него сидит инок. Первый – сын Дмитрия Донского Юрий Звенигородский, второй – основатель Сторожевского монастыря преподобный Савва. Каждый из них сыграл судьбоносную роль в истории города и оставил нам бесценное культурное наследие. Но установка памятника великим предкам и бережное отношение к их трудам, к сожалению, явления совершенно разного порядка.

«ПРЕОБРАЖЕНИЕ» ЛАНДШАФТА

Возле монумента нас встречали представители местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

«Наш город, к сожалению, теряет исторический облик, – вздыхает активист местного отделения ВООПИК Мария Уранова, – посмотрите, что за здание доминирует в его современном архитектурном ландшафте. – Мария указывает на Вознесенский собор, в который упирается центральная улица города. – Здесь в Звенигороде, где до наших дней сохранились целых два памятника раннемосковского архитектурного стиля, строить такую безвкусицу просто преступно». Вознесенский собор, действительно, если и может чем-то запомниться, то только своей несуразностью. Его пятиглавие похоже на стайку ротонд, занесенных каким-то ветром из классицизма, а на них, в свою очередь, вместо церковных куполов приземлились летающие тарелки инопланетян. Размытый прямоугольник стен, придавленных этими ротондами, кажется, вот-вот развалится из-за своей непропорциональной узости, прочерченной к тому же двумя вертикальными разломами.

Князь Юрий и преподобный Савва. Отцы-основатели города

Весь смысл русской храмовой архитектуры, основанной на идее устремления вверх, к Богу, здесь проигнорирован. Безликий низ здания и нагромождение тяжеловесностей сверху делают собор похожим

на пирамиду, перевернутую с ног на голову.

«Сейчас мы поедem на Верхний посад, – продолжает Мария, – он стоит на другом берегу реки, и вы увидите, в каком антураже оказался наш Успенский собор, который Юрий Дмитриевич построил в конце XIV века».

Действительно, открывающиеся оттуда виды – долина Москвы-реки, возвышенность, подступающая к ней, Сторожевский монастырь, Успенский собор, закрытый лесами, но уже готовящийся предстать перед нами во всем своем великолепии, все это равномерно «подернуто», по меткому выражению Марии, «плесенью» современных коттеджей и примитивных многоэтажек.

«Даже эта земля, на которой мы стоим, даже пойма реки, все это распродано, – поясняет Мария. – Мы ведем борьбу, судимся за то, чтобы этот строительный бум перестал уродовать национальное культурное достояние. Ведь помимо этих территорий есть земли, где можно строить жилье. Но иметь коттедж с видом на Москву-реку, на монастырь, на собор – престижно, а значит, дорого. Следовательно, торговать этой землей выгоднее, чем какой-нибудь другой. А на наследие просто плевать!»

«Летающие тарелки» Вознесенского собора зависли над городом

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Письменная история города началась в XIV веке, когда Иван Данилович Калита впервые упомянул Звенигород в своей духовной грамоте. Почему Звенигород называется Звенигородом – доподлинно неизвестно, но этот топоним не уникален для Древней Руси. Город с таким же именем известен в Галицком княжестве с середины XI века. И оно означает не «звонящий город», а «звонящая гора», то есть гора с множеством родников на склонах, которые, стекая, наполняли окрестности звоном своих струй. На звенигородском холме тоже множество родников. Одни меняют места своего выхода, обнаруживаясь то там, то здесь, другие бьют десятилетиями в одном месте. И гора, на которой некогда стоял Звенигородский кремль, действительно звенит. Есть мнение, что переселенцы с Западной Руси привезли сюда это название, но вряд ли переселение во времена монголо-татарского ига было массовым, а повторение западных топонимов в Северо-Восточной Руси – не редкость. К примеру, на юг от столицы рядом с селами Сатино-Русское и Сатино-Татарское некогда находилась довольно значительная крепость Московского княжества. Основана она была в XIV веке, называлась эта крепость Перемышлем. В Галиц-

ком княжестве тоже был Перемышль, сейчас же это польский Пшемысль. И этот город даже был столицей Червонной Руси. Конечно, два города XIV века на Московской земле, носящие названия городов увядавшей на тот момент Галицкой Руси, могут оказаться случайностью – но вдруг московские государи уже тогда лелеяли мысль объединить вообще все русские земли в одну державу?

Вот так выглядит сегодня один из примечательнейших исторических пейзажей России

Дорога из кремля князя Юрия. Слева вал, справа обрыв

КРЕМЛЕВСКИЙ ХОЛМ

Это даже не гипотеза, а так, робкое предположение, которое легко разбивается хотя бы тем фактом, что на звенигородском кремлевском холме при раскопках были найдены образцы керамики XII века. Следовательно, реальная история города на два века длиннее, чем «книжная».

Гора Городок, кремлевский холм Звенигорода, носит следы регулярного древнерусского укрепления. Здесь речушка Жерновка, прорезая берег Москвы-реки, образовала на своем левом берегу мысовое плато, с другой стороны ограниченное оврагом. Напольную, то есть обращенную в «поле», сторону горы укрепил сын Донского Юрий Дмитриевич. Он срыл огромные объемы земли и насыпал высокий вал. Въехать в крепость, как и прежде, можно было только с одной стороны: с северо-востока. Но нынешняя дорога лишь небольшим отрезком примыкает к крепостному валу, во времена осад и штурмов она проходила вплотную к валу почти по всей длине напольной стороны холма и лишь затем отворачивала от кремля. Это прямо свидетельствует, что некогда этот участок дороги проходил по «захабу», узкому коридору, образованному двумя крепостными стенами. Начинался и заканчивался подобный «рукав» проезжими башнями.

Первые раскопки на Городке проводились в 1920 году, но их результаты не сохранились. Более или менее системная работа археологов началась здесь в годы войны. Ежегодно ученые проводят на Городке небольшие раскопки, но даже если суммировать все их результаты, то окажется, что изучена всего лишь небольшая часть этого памятника.

В 1943–1945 годах работы здесь проводит Борис Александрович Рыбаков. Он разрезает вал и обнаруживает замысловатую систему укреплений. Сам Рыбаков называет ее «первоклассной». Склоны плато были укреплены отсыпками известнякового

гравия, далее шла грунтовая отсыпка, которая была обмазана сырой глиной. По периметру холма, на самой его кромке, до наших дней сохранился широкий гребень, на котором стояли стены.

Напольная сторона считалась самой удобной для штурма. Здесь стены были рублены «в клеть», то есть состояли из срубов, забитых тяжелой глиной. А с остальных сторон стены были не столь массивны и вряд ли превышали человеческий рост. Их конструкция была простой: длинные бревна соединялись друг с другом при помощи перпендикулярных коротышей. Эти небольшие отрезки бревен придавали стене устойчивость, служа неким подобием контрфорсов.

С внешней стороны стена была оштукатурена глиной и обожжена, чтобы не дать осаждающим поджечь деревянные укрепления. Скорее всего, стены стольного града Юрия Дмитриевича были выбелены известью и составляли с Успенским собором законченный архитектурный ансамбль.

По мнению Рыбакова, в крепости было четыре башни, однако пока мы точно знаем только о трех: угловых на юго-западе

Долгое время звонницу древнего собора считали его ровесницей, пока не выяснилось, что она построена в XIX веке

Резьба по камню. XIV век. Эталонное мастерство того времени

и юго-востоке и проезжей. Есть сведения, что проезжая башня в XVI веке была отстроена из камня. Известно даже ее название – Никольская.

Помимо прочего Рыбаков обнаружил, что самый легкий дождь делал внешнюю сторону валов крайне скользкой, тогда как внутреннее пространство возле стен, внутренний скат того самого гребня, было вымощено круглым речным камнем. В любую погоду защитники крепости ступали по твердой поверхности!

РУБЛЕВ, КОТОРОГО В ЗВЕНИГОРОДЕ НЕ БЫЛО

Главным подвигом Звенигородской земли стало то, что она сохранила два собора: один датируется концом XIV века, другой – началом XV столетия. Первый именуется Успенским, второй – Рождества Богородицы. Успенский стоит на Городке, Рождественский – в Саввино-Сторожевской обители. О том, почему Успенский собор изначально не был Успенским, и о том, какие тайны он скрывает, нам рассказал заместитель директора Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея Дмитрий Седов. «Конечно, у нас в Успенском соборе все хотят увидеть работы Андрея Рублева, – начал свой рассказ Дмитрий Седов, – но все больше фактов свидетельствует о том, что Рублев у нас никогда не работал. На многих научных мероприятиях обсуждается тема наших икон и росписей, но все специалисты приходят к выводу, что во времена их написания Рублев был еще слишком молод и вряд ли уже обладал таким необыкновенным уровнем мастерства, который виден в том же «Звенигородском чине». В 2011 году на конференции в Третьяковке, посвященной Рублеву, специалисты робко, но все-таки говорили, что эти иконы по уровню заметно выше, чем «Троица» Рублева. Приглядевшись к «Троице», отмечали они, понятно, как Рублев ее рисовал, а глядя на «чин», мы не понимаем, как здесь линии вели, не можем различить мазка. Наши настенные росписи тоже делал не Андрей Рублев, а кто-то другой, на одних столпах искусствоведы определяют работу трех разных мастеров».

Дмитрий Седов, хранитель
звенигородской старины

О «звенигородском» Рублеве еще в 1918 году на весь мир заявил известнейший реставратор Игорь Грабарь. Но кто конкретно расписывал собор – неизвестно. Древнюю роспись собора нельзя назвать фресками, поскольку фрески – это живопись по сырой штукатурке. Здесь же применена уникальная техника – роспись по сухой штукатурке. Слой краски очень тонок, как и слой штукатурки, на которой он лежит. Этим и обусловлена его плохая сохранность.

ЗАКОМАРЫ-КОКОШНИКИ

Но перед тем, как попасть внутрь собора, Дмитрий Александрович повел нас на леса.

«Одно из главных украшений собора – резные белокаменные пояса. – Дмитрий Седов указывает на замысловатые завитки, сделанные рукой древнего мастера. – Всего московских храмов конца XIV – начала XV века сохранилось четыре: наш, Успенский собор, собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, Троицкий собор в Сергиевой лавре и

Реставрация в соборе затрагивает не только древние фрески, но и более позднюю роспись

собор Андроникова монастыря в Москве. Отмечу, что три из этих храмов, за исключением собора Андроникова монастыря, построил звенигородский князь Юрий Дмитриевич. Резьба на нашем соборе совершеннее, чем на Троицком в Лавре или на Рождества Богородицы в Саввином монастыре. Есть мнение, что камнерезы, участвовавшие в строительстве этих храмов, подражали резьбе, украшающей наш собор».

Успенскому собору порядком досталось от времени. В XVIII веке закомары сломали и на храме сделали простую четырехскатную крышу. Закомары считались утраченными.

«Но когда мы заглянули на чердак, – рассказывает Дмитрий Седов, – нас ждало несколько сюрпризов. Главный заключался в том, что рабочие, ломавшие закомары, попросту побросали почти весь камень внутрь, на своды собора, и сверху положили кровлю. Наш архитектор-реставратор Георгий Евдокимов собирает кокошники, как головоломку. А еще эта «безалаберность» позволила нам восстановить немаловажную деталь: изначально по верху барабана шел ряд малых кокошников, который тоже будет восстановлен».

Фрески XIV века выглядят не очень впечатляюще, но на самом деле это достояние мирового масштаба

ТАЙНЫ ДРЕВНЕГО СОБОРА

Внутри Успенского собора интересного не меньше. Например, южные врата. Они двустворчатые, причем одна из створок значительно шире другой и сделана из цельного ствола дуба. Но в ней интересен не только размер. Из деревянных деталей в соборе сохранилось несколько тябл – дубовых брусев, стяжек каменного здания. Дендрохронологические таблицы для Московского региона заканчиваются XVIII веком, но исследования показали, что дерево врат и дерево, из которого сделаны тябла, гораздо древнее. При этом и те, и другие – ровесники. Представляете, эта дверь собора может помнить тепло рук сына Дмитрия Донского!

Многое в устройстве собора перекликается с домонгольскими архитектурными традициями. Например, здесь построены хоры, обязательный элемент каменных храмов домонгольского времени. После Успенского собора хоры в Древней Руси больше не строятся.

А еще на его стенах найдено несколько граффити, которые оставили люди, жившие в Средневековье. Датируются они концом XIV – началом XV века, то есть писали их современники

Остатки фундамента ворот Саввина монастыря, разрушенных в Смутное время

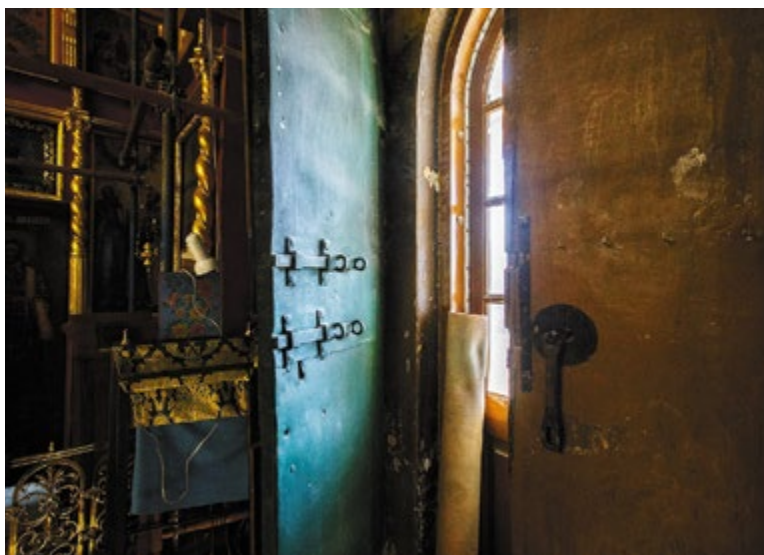
Куликовской битвы. Одни надписи исполнены благочестия: «лучше жити с тремя в пустыни со зверьми, нежели с тьмой тысяч не имеющими страха Божия в сердце». Другие, напротив, хулиганского характера: «ноне пей, завтра не пей».

Тайны и секреты буквально переполняют довольно небольшое здание собора.

«В этих медальонах образа святых мучеников Флора и Лавра. – Дмитрий Седов указывает на западные плоскости алтарных пилонов. – Почему они здесь изображены? Потому что в день их

памяти Дмитрий Донской получил от преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, которая произошла в день Рождества Богородицы. После 1380 года по всем московским землям строятся храмы и монастыри в честь этого праздника. В источниках XVI века мы видим, что наш храм упоминается как Рождественский, а не Успенский, об этом же свидетельствует одно из найденных граффити: «се церковь Рождества Пречистыя». Значит, наш собор – самый древний из сохранившихся памятников Куликовской битвы».

Средневековые двери, возможно, их возраст семь сотен лет

ОБИТЕЛЬ САВВЫ, УСТАВ СЕРГИЯ

Здесь рассказ об Успенском соборе на Городке придется оборвать и много интересного оставить за его рамками, иначе не будет места сказать хоть пару слов о другой жемчужине Звенигорода – Саввино-Сторожевском монастыре.

По обычаю той поры Юрий Дмитриевич приглашает в свои земли ученика «игумена всея Руси», чтобы тот основал обитель с уставом преподобного Сергия.

Монастырь занимал важное место в глазах князя. Редко какая обитель в ту пору могла похвастать каменной церковью, возвести подобное здание было делом очень расходным. Но, построив церковь в своем кремле, Юрий Дмитриевич практически сразу берется за строительство монастырского храма. Стены собора Рождества Богородицы этого монастыря видели самого преподобного Савву, который был похоронен при входе в храм.

Спустя столетие в украшении монастыря поучаствовал сын Ивана III, князь Юрий Иванович Дмитровский. Сегодня севернее собора, на краю газо-

на, который до середины XX века был кладбищем, можно увидеть остатки фундамента святых ворот, над которыми помещался храм в честь Сергия Радонежского. Постройка была разрушена в Смутное время.

Настоящий расцвет обители пришелся на времена Алексея Михайловича, который избрал монастырь местом царского богомолья. Государь возводит стены и башни, строит звонницу, Трапезную палату, Царский дворец, Царицыны палаты и много других сооружений.

Скромное
обаяние покоев
боярыни
допетровской
Руси

АРСЕНАЛ XVI ВЕКА

В 80-е годы XX века, после того как монастырь успел побывать и воинской частью, и санаторием, он наконец стал музеем. Начались реставрационные работы, а позже, когда стала возрождаться церковь, музей постепенно, без конфликтов и ссор, передал почти все помещения возрождающейся обители.

За музеем сейчас остались лишь Царицыны палаты. В них три зала: один посвящен быту боярынь в допетровской Руси, второй используется как выставочный, а в третьем находится экспозиция «Древний Звенигород».

На том, что хранится в последнем, остановимся особо. В прошлом году неподалеку от Звенигорода перед строительством автодороги проводились археологические раскопки. Для ученых не было секретом то, что раскапывать им предстоит село Игнатьевское, вотчину бояр Добрыньских. Никаких сенсаций не было до той поры, пока археологи не нашли подвал большого сторевавшего дома. В нем обнаружился целый арсенал оружия XVI века. По всей видимости, после пожара про арсенал забыли, и археологи извлекли на свет множество предметов амуниции и оружия, наконечники стрел, детали кольчуг и ножен, боевых поясов, походных шатров, но главной находкой стали два шлема, которые хранились в кожаных мешках, и в этих же мешках висели притороченными к седлу во время похода. Благодаря этим мошнам сохранились тканевые прокладки и на уши этих шлемов. Быт и

Преподобный
Савва, на сей
раз без князя.
Пустынник,
он и в бронзе –
пустынник

Шеломы бояр, золотая находка
звенигородской археологии

Саввин
монастырь.
Время Алексея
Михайловича,
пора, когда
русская культура
была предельно
самобытной

походная утварь русских воинов для ученых были тайной за семью печатями. Находка в подвале бояр Добрыньских проливает свет на то, как наши предки ходили в военные походы.

ЗВЕНИГОРОДСКАЯ ШАМБАЛА

Звенигород буквально пропитан историей. Исторический материал об этом городе – безграничен, мы не сказали ни слова о славянских городках, обнаруженных неподалеку от Звенигородского кремля, лишь бегло затронули тему монастыря, журнальный формат статьи не позволил рассказать о Касым-хане и других татарских аристократах на службе у московских царей, правивших в XVI веке Звенигородом.

Казалось бы, хочешь написать об этом городе, о его истории книгу, пиши, материала – море. И вот сравнительно недавно в солидной серии ЖЗЛ вышли две книги одного автора. Одна называется «Юрий Звенигородский. Великий князь Московский», другая – «Савва Сторожевский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы». Но профессиональные историки, открыв эти книги, хватаются за голову. Вместо обещанных «фактов» читатель получает сплошные мифы и

гипотезы. Автор договаривается до того, что князь Юрий Дмитриевич строил в Звенигороде ни много ни мало «Звенигородскую цивилизацию». Голословные утверждения автора, как, например, то, что преподобный Савва был духовником супруги Дмитрия Донского княгини Евдокии, нужны лишь для того, чтобы обратиться к наследию Рерихов. Чтобы рассказать не о реальном русском городе, а об оккультной Шамбале.

Читатель под видом книги о великих людях прошлого получает эзотерическую «агитку», сделанную по принципу «из нашего теста лапша для всех ушей хороша».

Вот так нашу историю, наше наследие уничтожает, с одной стороны, алчность застройщиков, готовых строить что угодно и где угодно, а с другой – то, что память о великих людях не просто искажается, а искажается ради идей несвежих, сомнительного качества, заслоняя реальную правду, которая всегда интересней любого вымысла. ■

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru